

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 1

2013

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин (Барнаул, председатель), О.В. Александрова (Москва),
К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова
(Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна),
О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск),
Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний
Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада,
Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин),
В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва),
О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва),
И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и
фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам.
главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин,
В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова,
М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский
государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т.В. Швецова. Эстетическое воплощение Гамлета в художественном сознании И.С. Тургенева.....	7
Е.Ю. Сафронова. Нравственно-психологические аспекты криминальных мотивов в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка»	19
Л.Н. Сарбаш. «Инонациональное» в русской литературе XIX века : чуваша в творчестве Н.С. Лескова и Н.Г. Гарина-Михайловского.....	32
Т.П. Шастина. Горный Алтай : литературное вхождение территории в состав имперских пространств	41
Л.П. Колоколова. Функционально-когнитивный словарь – новый тип идеографического словаря	53
А.В. Уланов. Прагмалингвистическое описание русского военного дискурса (на материале документов XIX века)	65
Л.А. Инютина. Лексическое выражение представлений о пространстве в текстах сибирских летописей XVII–XVIII веков.....	75
Т.Г. Варченко. Закономерности обновления фонда крылатых единиц немецкого языка во второй половине XX–начале XXI веков	87
О.А. Плахова. Своеобразие инициальных формул английской народной сказки	95

Научные сообщения

С.С. Барсукова. Языковая экспликация эмпирической картины мира как фактор презумпции	106
Н.В. Чернова. Особенности эволюции когнитивной структуры значения слова в сознании детей дошкольного и младшего школьного возраста	112
А.С. Ватугина. Поэтическая энтомология Д. Хармса и Н. Заболоцкого.....	121
Е.А. Куликова. «Шлем ужаса» В. Пелевина и пьеса Э. Ионеско «Носорог» :преемственность мотива превращения.....	128
М.А. Рябцева. Концептосфера английской лингвокультуры ‘усадьба’ в динамическом аспекте (на материале романов И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и А. Мердок «Дикая роза»).....	133
А.А. Шмаков. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации	139

Н.В. Вязигина. Гендерный фактор языкового сознания индивида (экспериментальное психолингвистическое исследование)	146
Т.М. Ковалева. Диегетические коммуникативные модели в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н.В. Гоголя	154
И.А. Вороновская. Стилистически окрашенные варианты расположения частиц в художественных текстах современных писателей	160

Алтай в русской литературе

А.И. Куляпин. Образ Алтая в литературе 1920–1940-х годов.....	168
Д.В. Марьин. Первые опубликованные работы В.М. Шукшина.....	178

Филология : люди, факты, события

А.А. Чувакин. Филология и коммуникативные науки : направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете).....	187
Т.В. Чернышова. Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра : медиатекст в стилистическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова 21–22 ноября 2012 г.)	191

Обзоры

Н.М. Киндикова. Новейшая литература Горного Алтая : тематика и проблематика	194
Резюме	201
Наши авторы	211

CONTENTS

Articles

T.V. Shvetsova. The aesthetic embodiment of Hamlet in the I.S. Turgenev's art confession	7
E.Yu. Safronova. Moral and psychological aspects of the criminal motives in the story «Mistress» by F.M. Dostoevsky.....	19
L.N. Sarbash. «Non-indigenous» in Russian literature of the XIXth century : the Chuvash in the works by N.S. Leskov and N.G. Garin-Mikhailovsky.....	32
T.P. Shastina. Gorny Altai : literary occurrences of the territory into the imperial space composition	41
L.P. Kolokolova. The functional-cognitive dictionary of the Russian language is an active dictionary of the new type.....	53
A.V. Ulanov. Pragmalinguistic description of the Russian military discourse on the basis of the documents of the XIXth century	65
L.A. Inyutina. The lexical representation of space concepts in Siberian chronicle texts of the XVII–XVIII centuries	75
T.G. Varchenko. Regularities of renewal of German language catchwords fund in the second half of the XXth and at the beginning of the XXIst centuries.....	87
O.A. Plakhova. Specificity of initial folmluae in English folk tale	95

Scientific reports

S.S. Barsukova. The empirical world view and its verbal explication as a factor of presumption.....	106
N.V. Chernova. Peculiarities of development of the word meaning's cognitive structure in the consciousness of preschoolers and primary school children	112
A.S. Vatutina. Poetic entomology D. Harms and N. Zabolotsky	121
E.A. Kulikova. «The helmet of horror» by V. Pelevin and the drama «Rhinoceros» by E. Ionesco : the succession of transformation motive.....	128
M.A. Ryabtseva. The conceptsphere 'country house' in the english lingvoculture in a dynamic aspect (on the material of the novels «Brideshead revisited» by E. Waugh and «An unofficial rose» by I. Murdock).....	133

A.A. Shmakov. Communicative nature of the form of address as a text component of dialogue forms of Internet communication	139
N.V. Vyazigina. Gender factor of language consciousness of an individual (experimental psycholinguistic research).....	146
T.M. Kovaleva. Diegesis communicative models in the story called «Ivan Fedorovich Sponka and his aunt» written by N. Gogol	154
I.A. Voronovskaya. Stylistically colored versions of particles' placement in literary texts by contemporary writers	160

Altai in Russian literature

A.I. Kulyapin. The image of the Altai in the literature of 1920-1940's.....	168
D.V. Maryin. The first published works of V.M. Shukshin.....	178

Philology: people, facts, events

A.A. Chuvakin. Philology and communicative studies : the direction of cooperation: an ongoing seminar in Altai State University	187
T.V. Chernyshova. The second international academic conference «Stylistics today and tomorrow : media text in stylistic, rhetoric and linguocultural aspects» (Moscow, M.V. Lomonosov Moscow State University, 21–22 November 2012)	191

Reviews

N.M. Kindikova. Contemporary literature of Gorny Altai : topics and issues.....	194
--	-----

Summary	201
Our authors	211

СТАТЬИ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ГАМЛЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.С. ТУРГЕНЕВА

Т.В. Швецова

Ключевые слова: герой времени, концепция героя, духовно-нравственные искания русской литературы XIX века.

Keywords: the hero of time, the concept of the hero, spiritual and moral searches of the Russian literature of the XIXth century.

Современное литературоведение располагает достоверными сведениями о том, что замысел статьи «Гамлет и Дон Кихот» долгое время не мог обрести законченную форму в сознании И.С. Тургенева. Однако до сих пор остаются не вполне объясненными причины, почему Тургенев так долго, почти десять лет, осуществлял свой проект. На наш взгляд, есть все основания предположить, что это была не просто отсрочка, обусловленная какими-то формальными обстоятельствами: все это время шла довольно интенсивная работа над некой концепцией, которая и легла в основу текста статьи, она долгое время оттачивалась, вызревала.

Ю.В. Манн в примечаниях к статье Тургенева высказал предположение, что «статья была задумана еще в начале 1850-х годов, если не раньше. 17 сентября 1851 года Е. Феоктистов писал Тургеневу: «...Особенно желал бы я видеть статью по поводу Гамлета и Дон Кихота, о котором мы так давно рассуждали в Москве»» [Манн, 1976, с. 433]. По мнению Ю.Д. Левина, возникновение замысла статьи Тургенева следует отнести к 1848 году. Такую датировку он мотивирует следующим образом: «Но самое возникновение замысла статьи было, по-видимому, связано с размышлениями писателя над

революционными событиями 1848 года, взволнованным наблюдателем которых он был в Париже» [Левин, 1965, с. 123].

Переписка И.С. Тургенева 50-х годов свидетельствует о том, что замысел данной статьи возник у писателя именно в это время. В частности, в октябре 1856 года он писал И.И. Панаеву: «Кроме того, у меня до Нового года будет готова статья под заглавием: «Гамлет и Дон Кихот». Если ты найдешь нужным, можешь поместить ее в объявлении» [П, 3, с. 19]¹. Немного позже: «Я принялся за «Нахлебника» и постараюсь в самом скором времени его выслать, а там статью о Гамлете, там повесть. Лишь бы здоровье не изменило!» (П, 3, 28). В декабре того же года он вновь заверяет Панаева: «насчет «Г<амлета> и Д<он>-К<ихо-та>» ты можешь быть совершенно покоен: он будет у тебя в начале января – в этом я даю тебе честное слово» [П, 3, с. 59].

В марте 1857 года писатель, отвечая на упрек о невыполненном обещании, Тургенев сообщает, что статья «почти совсем готова» [П, 3, с. 106]. Однако из Парижа в том же месяце он пишет: «я, пожалуй, чего доброго кончу «Г<амлета> и Д<он>-К<ихота>» до отъезда в Лондон, то есть через три недели» [П, 3, с. 116].

В начале января 1858 году в письме тому же И.И. Панаеву И.С. Тургенев характеризует своего «Гамлета и Дон Кихота» «нескончаемым». А уже в конце января в письме Н.А. Некрасову говорит, что «Гамлет» «уже давным-давно родился и просится на свет Божий» [П, 3, с. 190].

Однако статьи не последовало ни до Нового года, ни после. Редакторы журнала «Современник», по словам Тургенева, «её (статью. – Т.Ш.) уже два или три раза обещали своим подписчикам» [П, 3, с. 253]. По наблюдениям комментаторов, план статьи «Гамлет и Дон Кихот» предшествовал автографу повести «Ася» и следовал за черновой рукописью «Поездки в Полесье», – он записан на следующий день после окончания повести. На первом нумерованном листке, под заглавием «Гамлет и Дон Кихот», помечено: «Начато 11-го марта (27 фев<р>аля) 1857 в Дижоне, в среду. – Кончено 28 дек<а>бря 1859 (8 янв<р>а) 1860) в С.-Петербурге, в понедельник. – Писано с большими перерывами» [Манн, 1976, с. 599].

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений в 28-ми тт. Сочинения в 15-ти тт. М.; Л.1960–1966. В скобках указываются номер тома и номер страницы. Отрывки из писем приводятся по полному собранию сочинений Тургенева в 28-ми тт., письма в 13-ти тт. В скобки выносятся обозначение: П (письма), С (сочинения), номер тома и номер страницы.

Окончательный замысел статьи созрел три долгих года. За это время создается ряд художественных произведений, в которых в той или иной форме отразились отдельные положения вынашиваемой концепции. Замысел статьи обсуждается с друзьями, и, вероятно, они знакомятся с ее набросками. Любопытно отметить, что в сознании некоторых его современников, собеседников запечатлелось иное название статьи – не «Гамлет и Дон Кихот», а «Гамлет и Фауст». «Тургенев прочел конспект Г. и Ф. (вероятно, Гамлет и Фауст. – *Т.Ш.*), – записал Л.Н. Толстой в дневнике, – хороший материал, не бесполезно и умно очень» [Толстой, 1947, с. 117]. И.И. Панаев в одном из писем 1856 года также упоминает о статье «Гамлет и Фауст» [С, 5, с. 509]. Такую «ошибку» весьма внимательные собеседники Тургенева едва ли могли совершить. К тому же противопоставление Гамлета и Фауста предполагает совершенно иные концептуальные подходы к проблеме героя, иную расстановку смысловых акцентов, чем оппозиция Гамлет и Дон Кихот. В том случае, если это было бы четко обосновано в разговорах с Толстым или с Панаевым, то, наверняка, ни тот, ни другой не допустили бы ошибку – замену Дон Кихота Фаустом. Разговоры писателя с друзьями не оставили следа в их сознании, поскольку четкой концепции в задуманной Тургеневым статье еще не было.

Некоторые исследователи (Г.А. Бялый, Ю.Г. Оксман, Е.Л. Бродский, М.К. Клеман, Н.В. Богословский, Г.Б. Курляндская, Н.Ф. Буданова и др.¹) настаивают на том, что статья о Гамлете создавалась как своеобразный комментарий к романам Тургенева, в частности к роману «Накануне». В частности, Н.В. Богословский утверждает, что эволюционный принцип был ключевым в творчестве Тургенева: «Ряд предшествующих рассказов, начиная с «Гамлета Щигровского уезда» и «Дневника лишнего человека» и кончая

¹ См.: Оксман Ю.Г. Комментарии и примечания к статье И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12-ти тт. М., 1956. Т. 11. С. 490–493; ссылки на работы Н.Л. Бродского, М.К. Клемана – там же. С. 492; Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. С. 117; а также: Ю.Г. Оксман (Тургенев и Герцен в полемике о политической сущности образов Гамлета и Дон Кихота [1958]), Ю.Д. Левин в статье-комментарии (Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»: к вопросу о полемике Тургенева и Добролюбова [1965]), Н.Ф. Буданова (Роман «Новь» в свете тургеневской концепции Гамлета и Дон Кихота [1968]), В.Г. Прокшин (Концепция человека в статье «Гамлет и Дон-Кихот и ее развитие в художественном творчестве Тургенева [1975]), В.В. Иссова (Статья «Гамлет и Дон Кихот» Тургенева и композиция женских характеров в его романах [1983]), Ю.В. Манн (Эпизод из истории вечных образов [1987]), В.В. Ильин (О статье Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» [1987]).

«Перепиской» и «Яковом Пасынковым», служили как бы этюдами к будущему большому полотну» [Богословский, 1959, с. 220]. Привязанным к некому «большому полотну» видится ему и «Гамлет и Дон Кихот». Сам по себе такой ход исследовательской мысли представляется весьма любопытным и продуктивным. Хотя сомнения вызывает то обстоятельство, что одна из ключевых для понимания литературного процесса, поистине эпохальная статья И.С. Тургенева оказывается вдруг лишь вспомогательным элементом по отношению к другим его «полотнам».

Обратимся к тексту статьи. Противопоставляя две натуры – Гамлета и Дон Кихота, Тургенев характеризует отношение к ним «людской массы», «народа». Тургенев пишет здесь: *«Гамлеты точно бесполезны массе; они ей ничего не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут. Да и как вести, когда не знаешь, есть ли земля под ногами? Притом же Гамлеты презирают толпу»* [С, 8, с. 179].

Проблема вождя, «сознательно-героической натуры», уже ставилась Тургеневым ранее, при разработке им центральных образов романов 50-х годов «Рудина» и «Накануне». Этим «гамлетизированным» (определение используется в работах Ю.Д. Левина, В.А. Недзвецкого) персонажам была присуща отчетливо выраженная «недеспособность».

Они не способны вести за собой, но им дано зажигать огонь в сердцах других. Тургенев писал, что *«Рудин казался полным огня, смелости, жизни, а в душе был холоден и чуть не робок, пока не задевалось его самолюбие: тут он на стены лез. Он всячески покорял себе людей, но покорял он их во имя общих начал и идей и действительно имел влияние сильное на многих. Правда, никто его не любил... Его иго носили... Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину верили, что обладаете истиной... Оттого Рудин и действовал так сильно на нашего брата»* [С, 6, с. 297]. Об опасности людей, подобных Рудину, говорит в романе Лежнев (главный оппонент героя): слова Рудина *«могли смутить, погубить молодое сердце»* [СС, 6, с. 294] влюбленной в него девушки.

Позже, в статье И.С. Тургенев придал этим суждениям большую четкость и завершенность: *«Главная заслуга Гамлетов состоит в том, что они образуют и развивают людей»* [С, 8, с. 190]. Заметим, не ведут за собой следуя конкретной программе действий, а пробуждают такие качества, которые затем и претворяются в эти действия. В этом смысле Рудин и Гамлет персонажи одного ряда.

Своим поведением, речами Рудин влияет, завораживает молодежь, пробуждая в их сердцах «светлые искры восторга»: «Но больше всех были поражены Басистов и Наталья. У Басистова чуть дыхание не захватило; он сидел все время с раскрытым ртом и выпученными глазами – и слушал, слушал, как отроду не слушал никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взор ее, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнел и заблестал» [С, 6, с. 265], «Не как девочка болтала Наталья с Рудиным: она жадно внимала его речам, она старалась вникнуть в их значение, она повергала на суд его свои мысли, свои сомнения; он был ее наставником, ее вождем. <...> со страниц книги, которую Рудин держал в руках, дивные образы, новые, светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу, и в ее сердце, потрясенном благородной радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась святая искры восторга...» [С, 6, с. 289–290]. В этом отрывке слово «вождь» относится к Рудину.

В «Гамлете и Дон Кихоте» под обаяние Гамлета попадает Горацио, который «жаждет поучения, наставления и потому благоговееет перед умным Гамлетом и предается ему всей силой своей честной души, не требуя даже взаимности» [С, 8, с. 190].

В развязке любовных отношений Дмитрий Рудин в письме к Наталье признается: «Да, природа мне много дала; но я умру, не сделав ничего достойного сил моих, не оставив за собою никакого благотворного следа. Все мое богатство пропадет даром: я не увижу плодов от семян своих. <...> Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду» [С, 6, с. 337]. Позже о значении Гамлета Тургенев напишет в статье: Гамлеты развивают людей, «которые приняв от них семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру» [С, 8, с. 190]. Гамлет, как Дмитрий Рудин, – «инвалид мысли».

Еще одну принципиально важную черту, характеризующую тип Гамлета, И.С. Тургенев обозначает в его статье следующим образом: «Гамлет, говорим мы, не любит, но только притворяется, и то небрежно, что любит» [С, 8, с. 182]. Речь, конечно, идет о любви к женщине. По Тургеневу, Шекспир не мог впасть в противоречие и наделить эгоиста и скептика любящим сердцем. Очевидно, данное обстоятельство чрезвычайно важно для Тургенева. Писатель с особым упорством разрабатывает такого рода характеры в произведениях, предшествующих написанию статьи («Андрей Колосов», «Бретер», «Два приятеля», «Где тонко, там и рвется», «Гамлет Щигровского

уезда», «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков», «Рудин», «Фауст», «Ася»). Он акцентирует неспособность отдаться чувству. Герой всегда выступает в качестве наставника, учителя по отношению к юной героине. Ситуация «на gendes-vous» повторяется в тургеневских текстах, написанных до «Гамлета и Дон Кихота»: мужчина оказывается либо слабым и бежит в ответственный момент (как щигровский Гамлет, Рудин, Вязовнин, уехавший от жены и нашедший смерть за границей в «Двух приятелях», Петр Веретьев в «Затишье»), либо холодным и наблюдает за развитием чувства в девушке (как Горский в комедии «Где тонко, там и рвется», Алексей Петрович в «Переписке», Павел Александрович Б. в «Фаусте», господин Н.Н. в «Асе»), либо безвольным и попадает под влияние другой, роковой женщины (как в ретроспективной части «Дворянского гнезда» Лаврецкий, Санин в «Вешних водах», позже – Литвинов в «Дыме»).

В этой связи уместным представляется напомнить весьма точную характеристику героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда», предложенную некогда Ап. Григорьевым: «В любви он любил не предмет страсти, а самый процесс ея, любил любить» [Григорьев, 1850, с. 17–18].

В статье И.С. Тургенева Гамлет трактуется как тип исключительно эгоистический, натура, сосредоточенная на себе, видящая *«основу и цель своего существования»* [С, 8, с. 172] в самом себе, в то время как у героев иного типа (Дон Кихотов) идеал, по определению русского автора, находится *«вне их»*.

Очевидно, что проблема эгоизма героя гамлетовского типа решалась в раннем творчестве И.С. Тургенева в той мере, в какой ее решение представлено в статье. Эгоизм – черта, воплощенная в герое очерка «Гамлет Щигровского уезда». Эгоистом называет Лаврецкого Михалевич в «Дворянском гнезде»: *«Ты эгоист, вот что! – гремел он час спустя, – ты желал самонаслажденья, ты желал счастья в жизни, ты хотел жить только для себя...»* [С, 7, с. 203].

Противостоящий Гамлету Дон Кихот как тип героя, по определению Тургенева, *«уважает все существующие установления, религию, монархов, герцогов, и в то же время свободен и уважает свободу других»* [С, 8, с. 188]. Таких героев несложно найти в «Записках охотника». В романе «Накануне» типу Дон Кихота соответствует Инсаров, носитель противоположных Гамлету идеологических характеристик.

Таким образом, герой гамлетовского типа – это несостоявшийся любовник, который пугается зарождающегося чувства, это и

несостоявшийся предводитель, не способный вести за собой. Однако в чем причина несостоятельности «русского Гамлета», его неуверенности в себе – на этот вопрос Тургенев нигде не дает прямого ответа.

По мнению исследователей, четкое размежевание героев данных двух типов наблюдается не во всех произведениях Тургенева данного периода, оно «было нарушено уже в романе «Рудин». Дело в том, что его одноименный герой как бы продельвает метаморфозу от гамлетизма к донкихотству...» [Недзвецкий, 1999, с. 30]. Полагаем, что и персонажи романа «Отцы и дети» – Евгений Базаров и Павел Петрович Кирсанов также проходят этапы внутренней эволюции – от донкихотства к гамлетизму. Кроме того, гамлетовские и донкихотовские черты обнаруживаются в Хоре и Калиныче («Записки охотника»), Вязовнине и Крупицыне («Два приятеля»), Михалевиче и Лаврецком («Дворянское гнездо»), Берсеневе и Шубине («Накануне»).

Каждое новое произведение Тургенева содержательно обогащает, модифицирует гамлетовский тип героя. За тридцать лет он претерпевает существенные изменения – от романтического Стено, «провинциального скептика» Степана Семеновича Дубкова, иронического образа подпоручика Бубнова, ставшего жертвой черта, «*метящего в бесы*» Виктора – героя поэмы «Параша» до неверующего Алексея Нежданова в романе «Новь». Гамлетовские черты роднят героев Тургенева с демоническими личностями предшествующей литературной традиции, которые противостоят миру и людям, уверены в своей исключительности и презирают этот отвратительный мир. При этом позиция последних по отношению к руководящей миром Воле выражается без обиняков:

*...коварный бог
Пытливый дух во мне зажег –
А силы... силы не дал он.
<...>
Не поминай его, старик...
Он так далек... Он так велик –
А мы так малы... Да притом
Он нас забыл давно... О нем
Твердили чудеса –
Теперь безмолвны небеса... [С, 1, 108, с. 122].*

От произведения к произведению у Тургенева все отчетливее звучит мотив неверия героя. И уже в повестях и рассказах 40–50-х годов этот мотив становится ключевым. Так, если в «Записках

охотника» он едва лишь намечен и в «Гамлете Щигровского уезда» скорее угадывается, нежели четко обозначается, то в рассказах 70-х годов, продолжающих цикл («Живые мощи», «Стучит», «Конец Чертопанова») его звучание набирает полную силу. Именно в сопоставлении с персонажами последних очерков высвечивается недостаток веры в «русском Гамлете».

Разговоры о Боге, о вере и безверии, о вере и деле живут в воспоминаниях о юных годах у Василия Васильевича («Гамлет Щигровского уезда»), у Лежнева и Рудина, у Михалевича и Лаврецкого. Атеистические сомнения приходят к ним в период увлечения кружковой деятельностью. Утраченная и «нетронутая» вера – предмет рассуждений в «Рудине», «Дворянском гнезде», «Фаусте»: *«Тоска неопределенных предчувствий начала томить Рудина. Чтоб как-нибудь развлечься, он занялся Басистовым, много с ним разговаривал и нашел в нем горячего, живого малого, с восторженными надеждами и не тронутой еще верой»* [С, 6, с. 319]. Видимо, функция Рудина и состоит в том, чтобы подобно демон-искусителю эту веру поколебать. Намек на мифистофелевскую сторону Рудина, на наш взгляд, проскальзывает в следующей его характеристике: *«...он играет опасную игру, – опасную не для него, разумеется; сам копейки, волоска не ставит на карту – а другие ставят душу...»* [С, 6, с. 293].

На долю Лаврецкого тоже выпадает участь быть обвиненным в атеизме. Лиза *«втайне надеялась привести его к Богу»* [С, 7, с. 234]. Вот что говорит об этом Михалевич: *«... ибо нет в тебе веры, нет теплоты сердечной; ум, все один только копеечный ум ... ты просто жалкий вольтерьянец – вот ты кто!»*. И дальше: *«Помещик, дворянин – и не знает, что делать! Веры нет, а то бы знал; веры нет – и нет откровения»* [С, 7, с. 203–204]. Тот же Михалевич называет Лаврецкого *«скептыком»*. По всей видимости, вера Лаврецкого, воспитанного по западным образцам, имеет несколько иную «конфигурацию». Именно безбожие Лаврецкого может объяснить его связь с двумя такими разными женщинами – Варварой, олицетворяющей языческое, плотское, темное начало, и Лизой, символизирующей начало христианское, духовное.

К 60-м годам дефицит веры становится отличительной чертой нравственного мира героев Тургенева. Логическое завершение такой жизненной позиции – самоубийство: Базаров погибает, заразившись тифом при вскрытии больного крестьянина, Нежданов стреляется,

одержимый желанием самоистребления Миша Полтев в «Отчаянном» и лирический герой «стихотворения в прозе» «Уа...Уа!».

В статье «Гамлет и Дон Кихот» писатель впервые открыто выразил суть проблемы «русского Гамлета» – он принципиально лишен веры. Его разительными чертами являются атеизм, безверие. Именно в статье с этого главного определения Тургенев и начинает характеристику Гамлета: *«Что же представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье»* [С, 8, с. 174]. На этом основании Тургенев противопоставляет Гамлета и Дон Кихота. Все другие их характеристики исходят из этой главной оппозиции – вера / безверие.

«В нем (Гамлете. – Т.Ш.) воплощено начало отрицания, ...его отрицание не есть зло – оно само направлено противу зла» [С, 8, с. 182]. Подобное же отрицание обнаруживается в Базарове, который говорит: *«Я придерживаюсь отрицательного направления – в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен – и баста!»* [С, 8, с. 325]. Линию отрицания продолжил Иван Карамазов: *«Пусть даже параллельные линии сойдутся, и я это сам увижу, а все-таки не приму. Вот моя суть»* [Достоевский, 1996, с. 259].

Гамлет у Тургенева *«отрицает истину, во имя которой живет»* [С, 8, с. 183]. Гамлет не верует, Дон Кихот набожен. В своем неверии Гамлет никого не обманывает, Дон Кихот слепо верует, не ведая во что, поскольку добро и зло в его понятиях *«сливаются в одно немое и тупое нечто»* [С, 8, с. 183].

Гамлет, в отличие от Дон Кихота, сомневается и отрицает. Однако *«скептицизм Гамлета не есть даже индифферентизм, и в этом состоит его значение и достоинство <...> Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непременно враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить»* [С, 8, с. 183]. Другими словами (сошлемся на мнение уважаемого Тургеневым В. Одоевского), скептик и атеист – понятия, по сути, очень разные: «отвергающий авторитеты ради святости истины ищет истины; скептик ничего не ищет, ибо если бы он стал чего-либо искать, то признал бы существование этого чего-то, и с этой минуты он уже не скептик» [Одоевский, 1982, с. 117]. В основе скептицизма лежит сомнение, для того, чтобы зародилось сомнение, необходим объект или предмет, в существовании которого человек не уверен: то есть гипотетически что-то или кто-то «там» возможны. Атеизм же не предполагает такого объекта. Скептик все подвергает

сомнению, атеист не верит лишь в существование сверхъестественных сил. В философской терминологии атеизм синонимичен нигилизму. По существу, именно в «Гамлете и Дон Кихоте» Тургенев подошел к концепции нигилизма¹.

Как уже отмечалось, завершение статьи приходится на декабрь 1859 года, а ее публикация на 1860 (январь). Это время, когда Тургенев начинает работу над одним из главных и наиболее сложных своих произведений «Отцы и дети». Образ Базарова справедливо относят к гамлетизированным героям Тургенева [Недзвецкий, 1999, с. 30].

Шестидесятые годы – переломный этап в творческой биографии писателя. Неслучайно ряд исследователей (А.Б. Муратов, П.Г. Пустовойт, Г.Б. Курляндская) в тургеневском творчестве выделяют два больших периода – до «Отцов и детей» и после «Отцов и детей». В главном герое – Евгении Базарове Тургенев впервые приступает к разработке типа нигилиста. Лекарский сын, внук дьячка, студент. В чем-то Базаров продолжает традицию, открытую еще в «Рудине». Однако в этом образе безверие героя усилено.

Демонические черты прорываются в Базарове со всей очевидностью. Он постоянно усмехается: *«Базаров усмехнулся, он не трусил»* [С, 8, с. 352], *«поединок наш необычен до смешного»* [СС, 8, с. 352], *«Я не сомневаюсь, что мы решились истреблять друг друга, но почему же не посмеяться...»* [С, 8, с. 352]. Смех – одно из проявлений демонизма. В.Е. Ветловская [Ветловская, 1977, с. 99–102], анализируя поведение Ивана Карамазова в романе Ф.М. Достоевского, указывала, что смех – атрибут дьявола. Смех – это и признак шутовства. Базарова в романе часто именуют шутом. Дьявольское и шутовское начало в герое продолжают друг друга. О предстоящей дуэли Базаров говорит: *«Экую мы комедию отломали!»* [С, 8, с. 349].

Мотив сатанинского веселья вскоре сменяется в романе мотивом скуки: *«Ты, прав, – подхватил Базаров. – Я хотел сказать, что они вот, мои родители, то есть, заняты и не беспокоятся о собственном*

¹ По поводу понятия «нигилизм» в литературоведении с давних пор ведется дискуссия. См. работы М.П. Алексеева «К истории слова «нигилизм» (1928), Б. Козьмина «Два слова о слове «нигилизм», «Еще о слове «нигилизм» (По поводу статьи А.И. Батюто)» (1982), Р.Ю. Данилевского ««Нигилизм» (К истории слова после Тургенева)» (1990), Л.А. Ирсетская «И.С. Тургенев и Н.И. Надеждин о нигилизме (1998). Современные исследователи в качестве важного момента развития нигилизма называют потерю веры в традиционную христианскую систему ценностей (см.: Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов. Человек : Энциклопедический словарь. М., 1999).

ничтожестве, оно им не смердит... а я... я чувствую только скуку да злость» [С, 8, с. 323].

«Впрочем, Базаров скоро сам перестал запыраться: лихорадка работы с него соскочила и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твердая и решительно смелая, изменилась» [С, 8, с. 383].

Мотив скуки переплетается с мотивом утраченного, потерянного рая. Этим раем для Базарова было детство: *«Та осина, – заговорил Базаров, – напоминает мне мое детство; она растет на краю ямы, оставшейся от кирпичного сарая, и я в то время был уверен, что эта яма и осина обладали особенным талисманом: я никогда не скукал возле них. Я не понимал тогда, что я не скукал оттого, что был ребенком. Ну, теперь я взрослый, талисман не действует»* [С, 8, с. 321–322].

Не чужд Базаров гордыни. В тексте постоянно встречаются такие черты его портрета, как *надменная гордость, невыразимое спокойствие, холодная усмешка* и т.д.

Образ Базарова являет собой причудливый симбиоз Гамлета, Фауста, Мефистофеля. В эссе «Гамлет и Дон Кихот» читаем: *«в нем (Гамлете. – Т.Ш.) воплощено начало отрицания. <...> Гамлет тот же Мефистофель»* [С, 8, с. 182].

Таким образом, нигилистические установки Базарова имеют устоявшиеся литературные корни. «Нигилизм – лучшая почва для деятельности антихриста», – писал Антанас Мацейна в статье о Великом Инквизиторе Достоевского [Мацейна, 1990, с. 56]. Евгений Базаров до Ивана Карамазова проповедует разрушение: *«наша задача место расчистить»*. В Базарове «ощущается то упоение «бездны мрачной на краю», то демоническое вдохновение, которое затем привлечет внимание Достоевского. Та идея вселенского разрушения, которую будет затем проповедовать Ставрогин и Петр Верховенский, впервые зарождается у тургеневского Базарова», – пишет Е.М. Конишев [Конишев, 1999, с. 73].

Нигилистические установки Базарова подчеркивают его атеизм. Нигилистическому человекобогу все дозволено, даже самые крайние нарушения общественных установлений, он – хозяин жизни и смерти, он может убивать других и самого себя. Атеизм в последней инстанции приводит к убийству и самоубийству. «Однако между этими понятиями есть существенное различие, – писал Т.Г. Масарик, – убийство – низшая, а самоубийство – высшая ступень проявления

собственной воли» [Масарик, 2001, с. 234]. То, что Базаров не пожелал лечиться, возможно, говорит о том, что таким образом он сделал сознательный шаг к самоубийству. Евгений Базаров – одна из вариаций «сверхчеловека», он предвестник «бесов» Достоевского, находящийся за пределами обыденного, человеческого понимания морали, добра и зла. Но концепция этого человека уже неотделима от его бросающейся главной черты – безверия. Развенчивается он прежде всего в этом своем качестве.

На наш взгляд, статья И.С. Тургенева занимает в творческой эволюции писателя принципиальное место, поскольку в ней публицистическим языком фактически сформулировано то, что следом оказалось воплощенным в качественно новом для русской литературы образе Евгения Базарова. По существу, именно этой статьей И.С. Тургенев входил в следующий, более зрелый этап своей творческой эволюции.

По замечанию Л.М. Лотман, статья эта была высоко оценена Толстым, «который неизменно причислял ее к лучшим произведениям Тургенева» [Лотман, 1974, с. 97]. Если в более ранней дневниковой записи он делится своими впечатлениями о замысле статьи И.С. Тургенева скорее как любопытствующий собеседник, то оценка зрелого Толстого говорит о подлинной значимости уже написанной статьи. Как известно, для автора «Воскресенья» показателем значительности литературного произведения было его учительное, христианское наполнение. Л.Н. Толстой почувствовал, уловил в статье своего современника присутствие значимого компонента – противопоставление героев на основе их отношения к вере.

Л.Н. Толстой восторженно принял статью. Это и понятно, если учесть, то обстоятельство, что арелигиозность и вытекающая из нее безнравственность станет главным обвинением Шекспиру в его более поздней статье не только по отношению к Гамлету, но и по отношению ко всем персонажам английского драматурга.

Литература

- Богословский Н.В. Тургенев. М., 1959.
Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». М., 1977.
Григорьев Ап. Русская литература за 1848 год // Отечественные записки. 1850. Т. 68. № 1. Отд. 5.
Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 7-ми тт. М., 1996. Т. 6.
Комментарии к статье «Гамлет и Дон Кихот» // Тургенев И.С. Собрание

сочинений : в 30-ти тт. М., 1980. Т. 5.

Коньшев Е.М. Образ Базарова в свете романтической традиции (к постановке проблемы) // Тургениана. Орел, 1999.

Левин Ю.Д. Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот». К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева // Добролюбов Н.А. Статьи и материала. Горький, 1965.

Лотман Л.М. К вопросу о значении «сверхтипов» // Лотман Л.М. Развитие реализма в русской литературе 60-х годов XIX века. Л., 1974.

Манн Ю.В. Комментарии к произведениям И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Собрание сочинений : в 12-ти тт. М., 1976. Т. 12.

Масарик Т.Г. Из тома III книги «Россия и Европа» // Русская литература. 2001. № 1.

Мацейна А. Великий инквизитор // Наука и религия. 1990. № 4.

Недзвецкий В.А. Типы Гамлета и Дон Кихота в романе «Отцы и дети» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 1.

Одоевский В.Ф. Две заметки об И.С. Тургеневе // Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М., 1982.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений М., 1947. Т. 47.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ХОЗЯЙКА»

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: параллелизм криминальных эпизодов, реконструкция преступлений, мотивы героев-преступников, Достоевский.

Keywords: the parallelism of criminal episodes, the reconstruction of crimes, motives of heroes-criminals, F.M. Dostoevsky.

Со времен В.Г. Белинского, назвавшего повесть «странной, <...> непонятной вещью» [Белинский, 1956, т. 10, с. 351], «ерундой» [Белинский, 1956, т. 12, с. 467], «Хозяйку» относят к числу «неудачных» произведений Достоевского. Литературоведы рассматривали основную ситуацию повести как столкновение мечтателя-интеллигента и народа, отмечали в ней жанровые традиции романтической повести¹ и волшебной сказки, особое внимание уделяя

¹ В частности, Б.Г. Реизов вписывает повесть в контекст романтических произведений Тика, Уолпола, Остина, Санд, Карамзина, Гоголя, Тургенева и др. [Реизов, 1972; 1976], Г.К. Щенников сопоставляет ее с творчеством Э.Т.А. Гофмана [Щенников, 1991, с. 36–

гоголевским аллюзиям¹. Правовой аспект «Хозяйки» специально не изучался, хотя «проблема преступления и наказания во всей силе и сложности возникает в докаторжный период именно в этой повести» [Румянцева, 1987, с. 109]. Кроме того, в этой повести вполне оформилась основная схема криминального сюжета, которую Достоевский использовал в своих романах.

Важным элементом сюжетной структуры является фигура героя, имеющего косвенное отношение к уголовному преступлению, которое, тем не менее, переживается и осмысливается с его точки зрения. В данном случае это бедный молодой дворянин Василий Ордынов, «окончивший курс»; на последние средства жалкого наследства, оставленного ему умершими родителями, он ведет жизнь аскета, отрешенного от мира, посвятившего себя одиноким ученым занятиям. Необходимость смены квартиры нарушает его затворничество и становится началом истории.

П.В. Анненков так характеризовал особенность сюжетной канвы произведений «натуральной школы»: «Добрая часть повестей... открывается описанием найма квартиры – этого трудного условия петербургской жизни» (цит. по: [Виноградов, 1976, с. 171]). Высокая валентность мотива поиска квартиры в литературе связана с его полисемантической. Так, для героя Достоевского смена жилья символизировала выход из замкнутого пространства в мир большого города, его окраин и широкого горизонта, открывавшегося за последними избами. Параллельно это – размыкание внутреннего мира героя и открытие через других самого себя: незнакомые эмоции, желания, впечатления смущают и волнуют его душу. Выход в большой мир предоставляет возможность случайных встреч, неожиданных обстоятельств, благодаря которым смена жилья означала и перемену судьбы героя. В рамках криминально-правового дискурса смена

42]. Много внимания уделялось жанровому своеобразие «Хозяйки». Еще В.Г. Белинский усмотрел в повести попытку «помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши немного Гоголя» [Белинский, 1956, т. 12, с. 467]. Современный английский литературовед Ледербарроу приходит к выводу о том, что «это произведение должно показаться чудовищным гибридом реализма, сентиментализма и народной литературы» [Реизов, 1976, с. 144].

¹ «Ю. Тынянов и А. Белый вслед за Белинским <...> указывали на роль Гоголя, в частности «Страшной мести», в творческой истории «Хозяйки»» [Реизов, 1976, с. 144], аналогичную мысль высказывал Г.М. Фридендер: «Гоголь образом Катерины из «Страшной мести» (как показал Тынянов) подготовил Катерину – «Хозяйку» [Фридендер, 1987, с. 10]. Подробно гоголевские традиции в «Хозяйке» исследованы в специальной работе И.А. Аврамец [Аврамец, 1983].

квартиры предполагала невольное вторжение в чужую частную жизнь, превращение жилья в соглядатая и расследователя сокровенных, потаенных в петербургских углах преступлений. Пытливость ученого, впечатлительность, богатое воображение не лишённого художественного дара героя делали его в этой роли идеальной фигурой. Кроме того, болезненность, нервность, чувствительность молодого «барина» вызывали сострадание, доверие окружающих и развязывали языки в рассказах о себе и своих тайнах.

В качестве другого необходимого элемента правового дискурса выступает фигура полицейского чиновника. Продолжая традиции русской словесности, Достоевский изображает представителя официальной юстиции Ярослава Ильича антиподом Ордынова – истинного искателя и защитника правды. Но Ярослав Ильич не предстает и злодеем, подобно заседателю Шабашкину в повести Пушкина «Дубровский». Ярослав Ильич с «масленными глазками», с неприятным «сладеньким тенорком» [Достоевский, 1972, т. 1, с. 283]¹, с претензией на благородство и образованность в разговоре с ученым, хотя и бедным приятелем, и стыдливо угодливый с состоятельным Муриным, хотя тот на подозрении у полиции, – он, скорее, фигура комическая, олицетворяющая несостоятельность официальных служителей закона в делах правосудия. В финале чиновник предстает похудевшим, разочаровавшимся, отравившим бакенбарды. Последнее служит знаком его увольнения со службы, вероятно, за страсть к мздоимству (ношение бакенбард, усов и бороды как проявление «вольномыслия» было запрещено чиновникам гражданского ведомства специальным указом Николая I от 2 апреля 1837 года). Известно также, что «Хозяйке» предшествовала повесть под названием «Сбритые бакенбарды», не законченная Достоевским в связи с неуспехом «Господина Прохарчина», где действует полицейский чиновник Ярослав Ильич [с. 508, 512]. В дальнейшем творчестве Ф.М. Достоевского тема неспособности полиции раскрыть преступление получит развитие в романе «Униженные и оскорбленные», где будет действовать частный сыщик Маслобоев.

В детективном плане повести Ярослав Ильич является носителем ошибочного мнения о личности Мурина и создает ложный ход в деле раскрытия его тайного преступления.

¹ Здесь и далее текст повести цитируется по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти тт. Л., 1972. Т. 1. В квадратных скобках указываются номера страниц.

Преступление старика Мурина, совершенное в прошлом и все еще тяготеющее над ним и его загадочной спутницей Катериной – и соучастницей, и жертвой злодейства, – является центром, стягивающим все другие планы повествования и образующим временную динамику криминального сюжета. Важнейшим звеном его становится *исповедь* Катерины. Обрамляют историю таинственного преступления в прошлом два преступных действия в настоящем, зеркально-симметрично повторяющих друг друга: первое – покушение Мурина на жизнь Ордынова, второе – покушение Ордынова на жизнь Мурина. Оба правонарушения совершаются на почве ревности из страсти, которую питают герои к Катерине. В «деле» этих преступлений есть свидетели: Катерина, дворник-татарин, сосед-гробовщик, но до полиции оно доходит как дело житейское, как простое «недоразумение» между хозяином и квартирантом, случившееся по прихоти «помешанной» хозяйки, и разрешается внешне мирно: Ордынов переезжает на квартиру Шписа,¹ которую в начале истории нашел и снял, заплатив вперед, и, таким образом, замыкает повествование в кольцо.

Как видим, повесть имеет строго продуманную и мастерски сложенную структуру, которая под покровом мистико-романтических литературных подражаний и стилизаций народных легенд о разбойниках, колдунах и красавицах, достаточно изученных в достоевсковедении, содержит все более глубоко захватывающую писателя криминально-правовую проблематику.

В фокусе зеркальных взаимоотражений преступлений, совершенных в прошлом или настоящем, в юном или зрелом возрасте, людьми разных сословий и разного уровня культуры лежит страсть. Природа страсти, ее криминогенный потенциал, пороговые ситуации, выявляющие нравственно-психологические ресурсы личности в сопротивлении преступной мании, страсть как смягчающее обстоятельство в деле правосудия такого рода преступления, – вот круг проблем, определяющих содержание повести.

¹ Х.Г. Шпис – немецкий писатель, автор фантастических рыцарских романов с неизменными призраками. Литературная фамилия бывшего хозяина квартиры Ордынова указывает на отказ героя от мистики, теоретических построений и выбор жизни в связи с переездом к новой «хозяйке», парадоксальным образом обернувшимся погружением героя в таинственную, романтическую атмосферу жизни с Муриным и Катериной. Возможно, использование этой фамилии Достоевским связано также с отсылкой к фантастической повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» (1841), содержащей ряд сходных мотивов: необъяснимое желание переезда на квартиру, болезнь, роковая любовь, продажа души дьяволу и персонажную пару старик и красавица и т.д.

Страсть в душе героев Достоевского не возникает внезапно, напротив, она является свойством или следствием особого душевного склада людей «исключительных». Таким представлен Ордынов: «еще в детских летах он прослыл чудаком и был непохож на товарищей. Родителей он не знал; от товарищей за свой странный, нелюдимый характер терпел он бесчеловечность и грубость, отчего сделался действительно нелюдим и угрюм и мало-помалу ударился в исключительность» [с. 265]. Страстная натура Ордынова, подавленная «бесчеловечностью» окружающих, нашла выход в научных занятиях, которые в условиях полного одиночества и, как следствие, «одичалости» приобрели характер всепожирающей страсти, «самой глубокой, самой ненасытимой, истощающей всю жизнь человека» [265]. При этом, как замечает повествователь, в науке его было «более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать»: в его занятиях «не было порядка и определенной системы; теперь был один только первый восторг, первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему. <...> но срок воплощения и создания был еще далек, <...> может быть совсем невозможен!» [с. 266]. Этот очерк характера Ордынова предвосхищает психоаналитический анализ зарождения «своей системы», идеи-мании Раскольникова в тех же условиях подавленной нищетою страстной природы, ищущей выхода в «отшельничестве», «уединенных занятиях», влекущих нравственную одичалость. Как позднее Раскольникова, Ордынова, не замечавшего «своего дикарства», в толпе «принимали за сумасшедшего или за оригинальнейшего чудака, что впрочем, было совсем справедливо» [с. 267]. Но у Ордынова, впервые вышедшего в город «по делам» [с. 266], страсть принимает под напором новых впечатлений, иное направление: «Ему как-то бессознательно хотелось втеснить как-нибудь и себя в эту для него чуждую жизнь. <...> Сердце его невольно забилося тоскою любви и сочувствия» [с. 266]. Тоска любви опережает у героя появление объекта любви, так что встреча с прекрасной незнакомкой была поводом для выхода таившейся страсти и страха перед действительностью.

Время и место встречи – церковь в «лучах заходящего солнца» [с. 267] – мистифицируют и в то же время как бы освещают «неведомо сладострастное и упорное чувство», которым «поражен и бичуем» Ордынов [с. 268]. Встреча в церкви образует сквозной мотив, имеющий особое значение в правовом дискурсе Достоевского, будучи связанный с нравственной стороной преступления и наказания. Под покровом церкви, стоя на коленях рядом с Катериной, Ордынов

переживает «сладостные муки» сердца, облегчаемые молитвой и рыданиями. Но при выходе из церкви он встречает старика Мурина, «и какая-то странная злоба вдруг стеснила ему сердце», породив вслед за тем и тайную мысль, и «решительный странный план», поставивший его на грань преступления.

В пороговой ситуации¹ Достоевский тщательно уже здесь прорабатывает ее внешние и внутренние психологические планы, которые впоследствии будет повторять в романах. Внешний план составляет описание нового жилья героя – комната была «узенькая и тесная, приплюснутая перегородкою к двум низеньким окнам» [с. 272] – комната-порог в квартире, при первом знакомстве с которой Ордынову «ясно было, что троим в такой квартире нельзя было жить» [с. 272], тем не менее он переступил «порог». Другим элементом пороговой ситуации, занимающим место между внутренним и внешним планами, является физическое состояние героев. Ордынов, испепеляемый любовной страстью, пытается остудить ее под проливным осенним дождем и тяжело заболевает, впадая в беспамятство и бред. Старик – тоже больной, томимый предчувствием припадка падучей. Ордынова не покидает «неприятное чувство» к старику, во взгляде которого ему кажется «что-то презрительное и злобное» [с. 273]. Это чувство в болезненном, бредовом состоянии героя переходит в сон, открывающий глубинные, вытесненные в подсознание детские травмы, влечения и страхи, выступающие в качестве скрытого мотива преступления.

З. Фрейд в эссе о психопатии Достоевского усматривал ее выражение в мотиве отцеубийства «Братьев Карамазовых»². Однако зерно этого мотива, посеянное в «Бедных людях», впервые прорастает в сюжете «Хозяйки». Сон Ордынова легко укладывается в психоаналитический код эдипова комплекса (не случайно

¹ Порог как тему, мотив и понятие на материале зрелого творчества писателя анализирует Д. Арбан [Арбан, 1976].

² Анализ эдипова комплекса в «Двойнике», «Слабом сердце», «Бесах» дан в работе И.П. Смирнова «Психодиахронология» [Смирнов, 1994, с. 96]. Мы старались избежать издержек психоаналитического метода анализа, приводящим к слишком прямым проекциям Достоевского на его художественные образы. Так З. Фрейд, В.А. Муратов, В.Ф. Чиж, И. Нейфельд, И.Д. Ермаков, Т.Г. Розенталь, В.А. Бачинин, А. Пекуровская отождествляют писателя с его литературными героями – Парадоксалистом, Свидригайловым, Ставрогиным, по сути воспроизводя известное письмо Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 года, в котором адресант утверждал, что Достоевский – «субъективнейший из писателей, создававший лица по образу и подобию своему» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, т. 1, с. 424].

произведения Достоевского привлекали как Фрейда, так и его последователей), многократно варьирующегося в картинах детства, отрочества и настоящего времени, усиливающегося страхом кастрации и страхом смерти в состоянии болезни и любовной страсти. В заключительных «бесплотных грезах» сна образ страшного злобного старика – Отца трансформируется в «целые города», «целые миры, целые создания», перед которыми герой ощущает себя «пылинкой», чувствует, как «разрушается в пыль и прах, без воскресения, на веки веков» [с. 279–280], то есть фигура Отца в онтогенезе эдипального комплекса трансформируется в его филогенезе в образы власти социума, государства, Бога как «чего-то могучего, но неведомого», угрожающего его существованию.

Сновидческая ассоциация Катерины с матерью, склонившеюся над колыбелью Ордынова («крестила, целовала и баюкала его» [с. 278]) мотивирована реальным положением больного беспомощного героя, которого по-матерински выхаживает хозяйка квартиры. Страх умереть «без воскресения» пробуждает Ордынова от сна, а «подозрения», мучившие его во сне, заставляют подглядывать в щель перегородки за тем, что происходит в комнате хозяев. Вид, открывающийся герою, утверждает его в подозрении, что старик, подчиняя Катерину своей власти, отнимает ее у него. Бессознательное желание занять его место – место Отца – толкает Ордынова на правонарушение, едва не стоившее ему жизни. Он вновь переступает запретный порог: «...сам не понимая своего побуждения, вспыхнувшего целым пожаром в крови его, подошел к хозяйским дверям и с силой толкнулся в них; ржавая задвижка отлетела разом, и он вдруг с шумом и треском очутился среди хозяйской спальни» [с. 281]. Старик, нащупав висящее на стене ружье, стреляет в него, но «дрожащая от бешенства рука» промахнулась. Состав преступлений налицо: со стороны Ордынова – незаконное ночное вторжение в чужое частное владение. Есть свидетели – живущие внизу соседи – гробовщик с женой, которые «все слышали». «Виновата твоя, – констатирует татарин-дворник, – твоя жильцов пугала» [с. 281]. Но правонарушение старика Мурина более тяжкое, уголовное: превышение самообороны, нападение с ружьем на безоружного дворянина. У Ордынова в этой ситуации больше прав. Но ни он, как и никто из участников и свидетелей происшедшего, не спешит раскрыть его полиции, совершая, таким образом, новое правонарушение – недонесение о преступлении. Главной причиной сокрытия «дела» является именно его неясность, бессознательность,

непреднамеренность действий преступников, спровоцированных страстью, болезнью, глубинными подсознательными импульсами психики человека, что является смягчающими обстоятельствами тяжелого преступления как для главной жертвы – Ордынова, так и для повествователя, которому интересен нравственный предел в сознательном движении человека к преступлению.

Первым шагом такого сознательного действия стало предпринятое Ордыновым расследование тайны Мурина и Катерины. Эпилептический припадок старика в момент рокового выстрела как бы «списал» его вину, и Ордынов собирает «досье» Мурина, желая, с одной стороны, узнать реальную опасность для себя и окружающих этого человека, с другой стороны, понять меру объективности собственной ненависти к нему, ведь он даже не знает, кем приходится старику его возлюбленная – дочерью или женой. Первые сведения, полученные Ордыновым от весьма надежных как будто осведомителей – дворника и полицейского Ярослава Ильича, не противоречивы и не дают никаких оснований для подозрений. Дворник характеризует Мурина как «человека хорошего», но больного и богобоязненного, бывшего заводчика с Волги, потерявшего в пожаре имущество и в данное время занимавшегося предсказанием будущего за деньги. Ярослав Ильич подтверждает факты прежнего богатства Мурина, пожара завода и гибели родственника, повлекших «сильное помешательство» купца. Однако полицейский чиновник открывает и криминальные факты его истории: в припадке помешательства посягнул на жизнь молодого купца, за что находился несколько лет под покаянием¹; занимался гаданием, оказывая «ужасное влияние на приходивших к нему» [с. 287], находился под присмотром полиции. Но ни тот, ни другой не проясняют отношения между Муриным и Катериной, что делает их показания неполными и безосновными, и главное, они не разрешают внутреннего интуитивного недоверия Ордынова к старику, его ощущения какой-то страшной тайны.

Формой истины в правовом дискурсе Достоевского становится и в этой повести *исповедь*, в данном случае, исповедь Катерины, ночная,

¹ И в русской и в зарубежной традиции невозможно было объявить кого-либо и виновным и сумасшедшим одновременно. Даже в случае юридического вмешательства Мурин избежал бы ответственности, так как по законодательству того времени среди причин, «по каким содеянное не должно быть вменяемо в вину» есть «безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умониступление или совершенное беспамятие» и «необходимость обороны» [Российское законодательство..., 1988, т. 6, с. 193].

экстатическая, первая и последняя. Истина, открывающаяся в ней, столь ужасна и отвратительна, что Ордынов хотел бы не знать ее вовсе, чтобы «возвратить <...> прежние муки любви, <...> прежнее безотчетное чистое стремление» [с. 299]. В исповеди героиня делит тяжесть своей вины со слушателем, делает его невольным соучастником страшных злодейств Мурина и собственного «смертного греха», так что Ордынов «проклял страсть свою в эту минуту» [с. 299].

В рассказе Катерины история Мурина предстает в противоположном официальной версии освещении: не Мурин был богатым владельцем торговых барок на Волге и завода, а отец Катерины. Из ее рассказа неясно, был ли Мурин виновником гибели имущества, но то, что он явился убийцей отца, отмечено в недвусмысленных намеках рассказчицы, так же как и то, что сама она способствовала этому убийству, а потом бежала с убийцей, вступив с ним в любовную связь. Мотивом преступления является и здесь страсть, но иная, нежели «чистое стремление» Ордынова, это страсть преступна изначально, хотя глубокое психологическое основание и той, и другой страсти одно.

Природа страсти Катерины – это перверсия эдипова комплекса Ордынова: желание смерти матери и влечение к родному отцу, каковым оказывается Мурин – тайный любовник матери Катерины¹. Только у Ордынова эдипальные желания пока еще вытеснены в подсознание, в сон, в «бесплотные грезы». Тогда как Катерина – «проклятая дочь» – реализовала их в преступных действиях под влиянием сообщника. Муриным же владеет не столько страсть, сколько *сладострастие*, которое ищет все более острых ощущений: он «прощается со старой любой» и принуждает юную дочь к сожительству, растлевая и ее своим сладострастием. Так, Мурин открывает ряд романических героев-«сладострастников» Достоевского, а Катерина – героинь «слабого сердца», которые в своем «эгоизме страдания» любят самое падение свое: «А то мне горько и рвет мое сердце, что я рабыня его опозоренная, что позор и стыд мой самой, бесстыдной, мне люб, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье, – в том мое горе, что нет силы в нем и нет гнева за обиду свою!...» [с. 299]. Попытка Катерины вырваться из плена позорной страсти, бежать с молодым купцом Алешей привела к

¹ Многие исследователи, ссылаясь на ряд текстовых деталей, высказывают мысль о возможности инцестуальной связи между Муриным и Катериной (см.: [Реизов, 1976, с. 145], [Волгин, 1991а, с. 264], [Пекуровская, 2004, с. 433]).

новому преступлению Мурина, едва не убившего соперника. О нем также рассказывает Катерина в своей исповеди, опровергая официальную версию, что покушение было совершено в припадке помешательства Мурина, и тем самым предупреждая Ордынова о реальности угрозы его жизни.

Следствием исповеди героини для Ордынова стало прежде всего психологическое потрясение, состоявшее, кроме всего прочего, в открытии, что осквернение неприглядной правдой чистоты его чувств не погасило в нем страсти («могучим порывом закипела по пробуждении вновь его страсть» [с. 302]), которая нашла нравственное оправдание в идее спасения «несчастливого существа» от власти «тирана» («Обман, расчет, холодное, ревнивое тиранство и ужас над бедным, разорванным сердцем – вот что понял он» [с. 311]). Это направление души Ордынова точно улавливает Катерина и пытается воспользоваться им. Она понимает, что бегство не освободит ее от роковой власти старика, не искупит ее позора. Ей нужна его смерть. Так, женщина, манипулируя страстями мужчин, сознательно готовит новое преступление. Разыгрывая внешне сцену примирения «за чаркой вина» двух соперников, Катерина умело разжигает ревность старика и одновременно внушает Ордынову мысль о том, к чему способна привести эта ревность: «Что? Зарежет небось? – проговорил Ордынов, не помня себя от бешенства. Словно демон его шепнул ему на ухо, что он ее понял...» [с. 310], понял «неподвижную мысль Катерины» об убийстве старика. Еще сопротивляющийся дух схватившего нож Ордынова она раззадоривает *насмешкой, злобой, презрением* к его слабости, подвигая его зарезать безоружного, впавшего в хмельную дрему Мурина. Но внезапное пробуждение старика и его «дьявольский хохот» останавливают Ордынова: «он задрожал; нож выпал из рук его и зазвенел на полу» [с. 311]¹.

Таким образом, перед нами еще одна «пороговая ситуация», выявляющая меру способности человека к преступлению на почве страсти. В отличие от первой, строившейся, как мы показали, на безотчетных, полубессознательных порывах истощенной болезнью души, в этой – все совершается героями в полном сознании и

¹ По мнению Б.Г. Реизова, «Ордынов не может быть соперником убийцы и разбойника, – у него не хватило для этого воли, силы и власти. <...> Нож, который выпал из рук Ордынова, имел символический смысл: этим ножом старик завоевал Катерину, но Ордынов не мог ответить ударом на тот удар, а Катерина ждала от него этого возмездия и своего избавления: она «вскрикнула, как будто очнувшись от забытья, от кошмара, от тяжелого, неподвижного виденья» [с. 311] [Реизов, 1976, с. 147].

концентрации душевных сил, а со стороны Катерины и преднамеренно. В то же время именно эта сцена в большей степени реализует нравственно-религиозное содержание правовой концепции писателя, строится как искушение души праведника дьяволом, как продажа души дьяволу, наконец, как борьба Бога и дьявола («демона») в душе Ордынова. Пособниками дьявола выступают Катерина и Мурин. Власть над ними сатаны выражает общая маска смеха, «неподвижного, мертвящего» на «лице Катерины» и «убивающего, леденящего» на «лице старика» [с. 310].

Победа Бога над дьяволом в душе Ордынова в этой сцене встраивается в сквозной мотив развития его характера: аскет-отшельник, книжник, посвятивший себя, как позднее выяснится, изучению истории церкви; затем – встреча в церкви с Катериной, в которой соединяются черты матери, Мадонны, кающейся грешницы; страх смерти «без воскресения»; после победы над соблазном убийства – проклятие своей страсти, возвращение в тихую обитель семейства немца Шписа к своим ученым занятиям; наконец, покаяние, сострадание к «слабому сердцу» Катерины, долгие молитвы и слезы за нее в храме.

Вместе с тем, повествование заканчивается не этой покаянной нотой, а нотой детективной – последней встречей Ордынова с Ярославом Ильичом, проливающим новый свет на преступление и преступников, упомянутых в повести, что требует вернуться к предыдущей сцене.

Итак, Ордынов из исповеди Катерины получает важные свидетельства преступлений Мурина, но и сам оказывается в роли преступника, покусившегося на жизнь безоружного больного старика, будучи в то же время и его жертвой.

С этим запутанным клубком криминальных фактов Ордынов является в контору следователя без каких-либо твердых намерений: «пришел, сам не зная зачем» [с. 311]. Но этот его шаг, который мог бы повлечь начало какого-либо официального судопроизводства, был предупрежден стариком Муриным, пришедшим в контору раньше Ордынова. Мурин, опытный в делах такого рода, предложил следствию парадоксальный ход, который дискредитировал достоверность и действенность всех фактов, которые мог бы представить молодой квартирант. В качестве аргумента своего оправдания и обвинения Ордынова Мурин положил то, что было основанием всех преступлений – страсть. Он объявил о факте страстной любви дворянина к «мужичке», что само по себе было предосудительно. Но главное, в свете этой страсти любое разоблачение

со стороны Ордынова может быть расценено как наговор из ревности. Катерина же объявлена Муриным «помешанной» и тоже влюбленной, то есть заинтересованной в обвинении старика. Кроме того, если бы она была представлена как жена или дочь, то она не могла свидетельствовать против мужа и отца, а никаких документальных свидетельств и улик, кроме слова «помешанной», у Ордынова не было. Далее Мурин обезоруживает последнего, выдав его проступок с ножом и недонесение им о покушении Мурина на его жизнь. Наконец, «прощая» квартиранту и «нож», и долг за жилье, предлагая свое «гостеприимство» в знак полного дружеского расположения, отметающего всякое подозрение в жестокой и злобной вражде, не поскупившись, вероятно, и на обещание взятки, Мурин, по сути, «закрывает дело», переводит его криминальный состав в разряд житейских недоразумений. В заключительной сцене встречи с Ярославом Ильичом всплывает правда о притоне разбойников в доме, где снимали жилье Мурин и Ордынов, но Мурина это дело не коснулось, да и писателя такого рода преступления не интересовали.

В криминальном плане Достоевский раскрывает специфическую природу и логику преступлений по страсти, перед которыми официальное правосудие оказывается совершенно бессильным, так что проблема преступления и наказания в этом случае могла решаться в нравственно-правовых категориях, что мы и наблюдаем в повести «Хозяйка». Писателя интересуют криминогенный потенциал страсти и пороговые ситуации, выявляющие нравственно-психологические ресурсы личности в сопротивлении преступной мании.

Таким образом, экзотика тайн и ужасов в стиле готических романов мадам Радклиф, служившая постоянным упреком повести Достоевского в критике, вполне искупается аналитическим проникновением писателя в этот ранний его произведение в психологию преступления, обусловленного действием как сознательных нравственных ресурсов личности и эмоциональных душевных состояний, так и глубинных подсознательных импульсов, реализующихся в определенных обстоятельствах.

В повести «Хозяйка» получает новое глубокое развитие нравственно-правовая модель криминального сюжета, в основе которого – метаюридическое разрешение проблемы правосудия вне официального судопроизводства как внутреннее движение души от падения и смерти через борьбу, покаяние, страдание к нравственному возрождению.

Система персонажей также приобретает твердые очертания будущих романов Достоевского: в центре – герой экспериментатор, исследователь «пределов» нравственных ресурсов человека в ситуации «соблазна», расследователь истины; его антипод – представитель государственного правопорядка; герой-сладоастраник, закоренелый злодей, авантюрист; красавица, соединяющая в своем образе роковую власть и «слабое сердце». В этой повести сложились главные элементы нравственно-психологического плана правового дискурса: «сон», «исповедь», «эгоизм страдания», которые получают развитие в дальнейшем творчестве Ф.М. Достоевского.

Литература

- Аврамец И.А. «Портрет» Н.В. Гоголя и «Хозяйка» Ф.М. Достоевского (к проблеме типологического родства) // Ученые записки Тартурского гос. ун-та. Типология литературных взаимодействий. Тарту, 1983.
- Арбан Д. «Порог» у Достоевского. (Тема, мотив и понятие). // Достоевский : Материалы и исследования. 1976. Т. 2.
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : В 13-ти тт. М., 1955. Т. 10.; 1956. Т. 12.
- Виноградов В.В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский // Виноградов В.В. Избранные труды. М., 1976. Т. 3.
- Волгин И.Л. «Родиться в России...». Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991.
- Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2-х тт. М., 1990. Т. 1.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : В 30-ти тт. Л., 1972. Т. 1.
- Пекуровская А. Страсти по Достоевскому : Механизмы желаний сочинителя. М., 2004.
- Реизов Б.Г. «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского и проблемы зарубежной литературы // Русская литература. 1972. № 2.
- Реизов Б.Г. «Хозяйка» Ф.М. Достоевского (к проблеме жанра) // Русская литература. 1976. № 1.
- Российское законодательство X–XX веков : В 9-ти тт. М., 1984–1994. Тт. 1–9.
- Румянцева Э.М. Проблема преступления и наказания в творчестве Ф.М. Достоевского // Анализ художественного произведения. Художественное произведение в контексте творчества писателя. М., 1987.
- Смирнов И.П. Психодиахроника : психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М, 1994.
- Фридлиндер Г.М. Достоевский и Гоголь // Достоевский : Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7.
- Щенников Г.К. Синтез русских и западноевропейских традиций в творчестве Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского : искусство синтеза. Екатеринбург, 1991.

**«ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX ВЕКА : ЧУВАШИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА И
Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО**

Л.Н. Сарбаш

Ключевые слова: чувашские образы национального мира, русская литература XIX века, духовно-религиозные представления, поэтика.

Keywords: Chuvash images of national world, the Russian literature of the XIXth century, spiritual and religious beliefs, poetics.

Русская литература XIX века обращалась к изображению жизни русского народа, однако в этот период в художественно-публицистической мысли шел активный процесс «освоения» национальной самобытности нерусских «внутренних» народов Российской империи. Среднее Поволжье представляло собой широкое полиэтническое полотно жизни, по образному определению писателя Е.Н. Чирикова, «великий Ноев ковчег». «Когда вы плывете по Волге средним плесом, то вам начинает казаться, что здесь собрались на свидание все народы Европы и Азии и все их боги, злые и добрые, со всеми чадами и домочадцами: великоросс, малоросс, татарин, чуваш, черемисин, мордвин, немец, еврей, персиянин, калмык. Христиане разных толков, последователи Будды, Магомета, грозного ветхозаветного Иеговы, Заратустры, первобытные язычники...» [Чириков, 2001, с. 386]. Народы, населяющие великую реку и «мирно сожительствующие» со «славянским племенем», становились предметом как этнографического описания, так и художественно-публицистического изображения.

«Значительная численность чувашского народонаселения, распространенного в восточном краю европейской России» (И.Н. Березин) привлекала внимание русских писателей и публицистов XIX века. В литературоведческой науке практически отсутствуют исследования, посвященные проблемам культурно-исторического и художественно-эстетического осмысления мира чувашской жизни русской литературно-публицистической мыслью XIX столетия. Проблема изображения инонациональных явлений в русской литературе XIX века – одна из актуальных и значимых. Она заключает в себе целостную историко-литературоведческую концепцию

отображения национального бытия – быта, уклада жизни, нравов и обычаев, культуры, философско-религиозных, нравственно-этических и эстетических воззрений того или иного народа.

Картина чувашского мира жизни в русской литературе XIX века предстает в достаточно широком плане. В творчестве русских писателей, в идейно-образной системе произведений А.С. Пушкина, А.А. Фукса, А.И. Герцена, С.Т. Аксакова, В.И. Даля, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, Л.Н. Толстого, Н.Г. Гарина-Михайловского, Н.Д. Телешова, С.В. Максимова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.Г. Короленко появляются чуваша, мир жизни чувашского народа. Однако писатели и публицисты, менее известные для своего времени и практически неизвестные широкой аудитории на сегодняшний день, – В.Н. Назарьев, Е.Л. Марков, А.А. Коринфский, Н.Я. Аристов, Вас.Ив. Немирович-Данченко – также обращаются к описанию жизни представителей «чувашского племени».

Чувашский мир жизни предстает в русской литературе многоаспектно, постижение особенностей национального бытия идет на разных уровнях художественно-публицистического освоения: проявляется этнографический интерес к укладу жизни, обычаям, обрядам (свадебным, похоронным); обращается внимание на жилище, праздники, повседневную и праздничную национальную одежду; ставится вопрос о генезисе народа, строении и специфических особенностях языка; возникает интерес к национальному характеру, натуре чуваша.

В художественном творчестве русских писателей XIX века появляются как этнокультурные черты, так и чувашские религиозно-мифологические верования, обычаи и обряды. Национальная картина жизни предстает в различных ракурсах идейно-художественного осмысления: в авторском повествовании, мировосприятии и оценке персонажей и появлении героя-инородца.

В повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» «чувашин» и его боги даются через восприятие героя – носителя христианской веры и определенных черт характера. Православный Иван Флягин «заявлен» у Лескова в ситуации соприкосновения – взаимодействия с нерусским миром. «Русская вера» испытывается в течение десятилетнего пребывания в татарской неволе, когда жизнь вне отечества, родного бытия видится герою неистинной. Герой Лескова боится умереть без покаяния, «неотпетым». В степи, где простор без краю и «знойный жестокий вид», грезится Флягину русская природа, православный храм и монастырь. «В глубине тоски» встает картина счастья в «крещеной

земле»: вспоминается церковный праздник, священник Илия и все атрибуты русской жизни [Лесков, 1989, с. 263]. Вера для лесковского героя, – основа жизни, является доминирующим фактором. Поэтому и детей, рожденных в степи, Иван Флягин не считает своими, так как он живет «невенчанный», дети же некрещеные, «без всех церковных таинств»: сколько он их «ни умножай», все они будут не православные. Через призму определенного мирозерцания и предстают в «Очарованном страннике» иноверцы: татары с их степными обычаями, чуваш, люди «индийского бога» Талафы, миссионер-«жидовин», проповедующий у татар.

В идейно-художественной системе повести значим эпизод встречи Ивана Флягина с чувашом. После побега из татарского плена герой встречается с чувашом, ехать с которым «поопасался»: не понял, какой он веры, а «без этого на степи страшно» [Лесков, 1989, с. 275].

Чуваш крещеный, но при этом не отказался от своих древних верований: для него богом является и солнце, и звезды, и месяц. «Все у тебя бог», – такова оценка услышанного русским героем Лескова [Лесков, 1989, с. 275]. Языческая чувашская мифопоэтическая традиция одухотворяла мирозданье. Однако при этом чуваш, как выясняется из разговора, почитает Христа, Богородицу, Николая Чудотворца. Правда, при этом оговаривается, что «зимнему» он не кланяется, а «летнему» дает двугривенный, чтоб «хорошенько коровок берег» (два праздника Николая Святителя, в мае и декабре). Герой Лескова одобряет чуваша за уважение именно «русского» Николая Чудотворца, для него – «русский» значит христианский, это синоним православного мира.

Однако собеседник Флягина обмолвился, что на одного святого не надеется и жертвует бычка Керемети. Чуваш упоминает свое злое и свирепое языческое божество старой веры, которое насылает на людей самые разнообразные беды, несчастья и которое необходимо задобрить – принести жертву. Н.С. Лесков по существу отмечает синкретичную религиозность чуваша. Для православно ориентированного героя это возмутительно: чуваш не надеется на истинного бога, дает ему только двугривенный, а некрещеному, то есть «поганому», «своей мордовской Керемети» жертвует целого бычка» ([Лесков, 1989, с. 275], курсив наш. – Л.С.). Иван Флягин говорит своим слушателям, что встретил именно чуваша, фраза же насчет «мордовской Керемети» весьма характерна: Кереметь как языческое злое божество существовало не только у чувашей, но и у других поволжских народов – мордвы, черемис (марийцев), вотяков (удмуртов). Для православного героя Н.С. Лескова

Кереметь и олицетворяет собой нехристианское. Профессор Казанского университета В.А. Сбоев в сочинении «Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии» писал, что Кереметь – злое божество, скорее всего, от чувашей перешедшее к другим народам Поволжья: «Вообще кереметь есть существо озлобленное, мстящее людям за свое убийство, за потерю права на небесное жилище, – существо, готовое поражать преступный род человеческий всеми возможными бедствиями и страданиями. Всякая невзгода, всякое частное и общественное бедствие происходит от керемети. Чувашки верили, что люди давным-давно были бы стерты с лица земли со всем их имуществом, если бы только не умилоствовали кереметь жертвоприношениями» [Сбоев, 2004, с. 85]. В чувашской мифологии В. Сбоевым характеризуется семь видов Кереметей, среди которых особо выделяется Хаяр-Кереметь как самое злое и грозное божество, которому не нужны жертвоприношения, а требуются только заклинания. В произведении Н.Д. Телешова «Сухая беда» чуваш Максимка обращается именно к Хаяр-Кереметь, просит наказать обидчика.

В «Очарованном страннике» Н.С. Лескова восприятие чуваша дается через оценочную систему духовно-нравственных христианских координат жизни персонажа, тем не менее «чувашское» предстает на страницах повести в своей конкретной самобытности и национальном своеобразии. Возникает злой бог Кереметь, которому чувашки приносили жертвы. Не случайно в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова упоминается именно Николай Чудотворец, который, как говорит чуваш, «один на зиму, один на лето живет». Николай Святитель в качестве «Русского Бога» особенно почитался поволжскими инородцами. К Николаю Чудотворцу на поклонение ходили чувашки, крещеные и язычники, о чем писали священнослужители на страницах «Известий по Казанской епархии». Священник С. Ефремов в небольшой заметке «О язычниках Цивильского уезда» отмечает: «Иконы они считали божеством и называли угловым Богом (Кетесри Тура). К чтимым местным иконам язычники ходили и ходят. Во время болезней и несчастий они прибегали и ныне прибегают с молитвою к Св. Николаю Чудотворцу и ходят в село Ишаки, где хранится чудотворная икона его. Святителя Николая чувашки называют «Микол-Тура» (Николай-Бог). Перед иконою язычники делают земные и поясные поклоны, но только без крестного знамения, ставят свечки» [Ефремов, 1913, с. 712]. Протоиерей А. Протопопов, давая описание суеверий чувашки, отмечает их нетвердость в христианской вере: во время болезни они

приносят жертву Керемети; если же больной не выздоравливает, то «йомся советует ехать кому-нибудь из родных в Казанскую губернию, в село Ишаки, молиться Чудотворцу Николаю» [Протопопов, 1845, с. 15]. Чувашский «йомся» – это, как отмечала казанская писательница А.А. Фукс, «колдун, жрец и лекарь» в одном лице [Фукс, 1840, с. 139].

Чувашская мифология возникает в творчестве Н.Г. Гарина-Михайловского. В очерках «В сутолке провинциальной жизни» писатель упоминает языческих чувашских богов – «великого, доброго Тура», злого Ирика, описывает древний праздник Уяв. Весеннее празднество дается между двумя страшными трагическими эпизодами – тифом зимой и холерой летом, когда от чувашской деревни ничего не осталось: люди умирали, деревня обезлюдела.

В повседневном прозаическом течении жизни русский писатель выделяет поэтический, идущий от далеких предков Уяв, который резко контрастирует с зимними эпизодами. Зима – это тиф и смерть. Описанием природы усиливается это впечатление: поля «мертвые» и «в белом саване», «мертвый блеск» луны, в страшном безмолвии ночи, точно призрак, появляется «серая, растрепанная» деревушка. Н.Г. Гарин-Михайловский создает жуткую картину вымирания целой деревни от голода и зимнего тифа.

По контрасту с зимой и умирающей деревней описываемый Уяв – это весна и оправившийся от страшного удара народ: греет солнце; луга покрыты белыми, желтыми, синими цветами, издающими нежный аромат; в небе слышится песнь жаворонка. На фоне уходящего дня возникает поистине сказочное мистическое зрелище, которым любителю рассказчик: *«И, заколдованный песней, я видел теперь то, что скрыто от смертных. Садилось солнце, мечтательно догорал день, по золотистым небесным полям заката двигались тени, а одинокие тучки... в бирюзовом небе уже вспыхнули и горели прозрачным последним огнем. И сильнее охватывало меня очарование»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 373]. В этой природной картине органично присутствует хоровод чувашских девушек, дается описание национального наряда, пляски и звучавшей песни.

Гарин-Михайловский подробно описывает чувашский праздничный наряд: белые короткие рубахи парней, отделанные кумачом, и одяние девушек: *«На них были надеты ряд белых длинных рубах, обшитых красным кумачом, перепоясанных красными поясами, сзади спускался ряд хвостов, а на голове были оригинальные уборы: металлические шапочки, в роде тех, что носили древние воины времен Владимира, с острой шишечкой на макушке; на грудь, вдоль щек, от*

шапочки падали длинные застёжки, все обшитые мелкой и крупной серебряной монетой» [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372]. В этом одеянии молодые лица выглядели «свежо, оригинально и сказочно». Гарин-Михайловский описывает девичий головной убор, тухью, который напоминает шапочки древних воинов князя Владимира.

Дается изображение и национальной пляски. Передается ритм хоровода – плавный, спокойный, заключающий в себе особую красоту, какую-то естественную простоту и очарование: *«Большой круг плавно и медленно двигался; девушки шли в пол-оборота, одна за спиной у другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372]. Писатель этнографически точен в передаче чувашской пляски и ее ритмики.

Гарин-Михайловский описывает особое состояние воодушевления исполняющих танец: они находятся во власти сильного поэтического чувства. У одной из девушек глаза горят «сильным огнем», а щеки от контраста «с серым металлом ее каски» кажутся еще румянее, и вся она является ярким сочетанием «мира и войны, покоя и возбуждения, огня и холода» [Гарин-Михайловский, 1989, с. 373]. По настоянию жреца специально для русского исполнителя заключительную часть хоровода, в которой выражается приветствие и почтение гостю: *«Когда образовался круг, две, разорвав его, отвели каждая в свою сторону концы круга, и все сразу опустились на землю. Они не то стали на колени, не то сели совсем. И вся эта гирлянда белых и красных цветов, все эти молодые глаза так ласково, непринужденно и приветливо смотрели на меня. Унижения не было и следа – они только приветствовали меня, чужестранца»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 373]. Рассказчик называет себя в этой народно-мифологической картине «чужестранцем», признавая тем самым неповторимый и самобытный национально-культурный пласт жизни. Интересуется рассказчик содержанием песни, которое поясняет старик-переводчик: *«Без слов поют... Человек бедный, нет ничего, много грехов. Только на голос, на один голос, без слов пойдут, чтоб простил великий добрый Тура»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372]. В песне передается образно-фольклорное, мифологическое представление народа о добром и всесильном боге, дарующем человеку все блага жизни. Жрец указывает на патриархально-родовое, идущее от предков мировосприятие: *«Бедные чувашки мы, живем, как можем. Великий Тура весну дал нам, а дочка его нам свадьбы правит. Так и живем мы: пашем землю, круглый год работаем, а весна придет, опять веселимся. Мы любим землю. От нас обиды никому нет. Мы все*

весело делаем: работаем, празднуем, а смерть придет – умираем. Так мы живем. А эту вот песню только раз в год весной можно петь: больше нельзя, грех» [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372]. Старик говорит о Верховном боге чувашей – Сюльди Тура, во власти которого находятся и природа, и люди и который управляет вселенной при помощи добрых богов и многочисленных духов.

Русский писатель не только изображает внешний этнографический пласт жизни, но и передает поэтическую культуру, языческие религиозные верования народа. Старик-жрец говорит рассказчику, что девушки будут так же петь, когда после смерти предстанут перед «великим и добрым» богом Тура – главным этническим божеством чувашей. По преданию, Тура судит умершего человека, его жизнь и поведение, а у новопреставленного узнает о делах живущих, поэтому, укладывая в гроб покойника, чуваша шелком закрывали глаза, ноздри, рот и уши, чтобы представший перед богом мог оговориться незнанием. В. Сбоев в «Заметках о чувашах» пишет: «...утверждали, что это необходимо сделать для того, чтобы покойник на суде Торы мог извиниться в грехах своих неведением и сказать, что слышать не слышал, видеть не видел, говорить не говорил и вообще не чувствовал и не понимал всего, что ему следовало знать насчет своих обязанностей» [Сбоев, 2004, с. 100]. Может быть, и кучер Владимир что-то знал об этом похоронном обряде, он говорит чиновнику особых поручений Андрееву, что чуваша на том свете будут «слепые».

Для повествователя увиденный хоровод – это «промелькнувшая картина из давно забытой эпохи человеческой жизни», то вековое, языческое, что было и у других народов. В «чувашском» провидится русский «довладимирский период» – «свое», ставшее только прошедшим и далеким. Определения «молодые весталки», «культ Венеры» «отсылают» к временам античности. Рассказчик, созерцая чувашский хоровод, уносится в далекое историческое прошлое человечества: *«Так две тысячи лет тому назад, может быть, слушал какой-нибудь путник, в честь которого пели девушки.... Так мог стоять и мой предок.... Проносились времена, или я, дальше и дальше, попав в обратное течение, уносился назад рекой времен»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 373]. В современном движении жизни, ее историческом потоке возникает языческий архетип в его национально-самобытном проявлении, а в «чувашском» провидится родовое, общечеловеческое.

Праздник вызывает у рассказчика особое чувство преклонения перед народом, сохранившим свой вековой обычай. Увиденное в

жизни не идет ни в какое сравнение с изображенным на сцене: там – «выдумка», здесь – естественность и простота жизни с ее особой прелестью и поэтичностью: *«Что оперы, что романы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о пронсящихся веках? Разве передадут они эту песнь народа, две тысячи лет сквозь всю ломку пронесшего с собой яркий образ прежней жизни? Разве можно выдумать такую песнь?»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372]. Рассказчик долго находится под впечатлением чувашского праздника. Поэтическое зрелище на лугу его потрясло, захватило все существо, сильно и страстно отозвалось в душе: *«Я уехал, но долго еще перед моими глазами стоял нарядный луг с толпой языческих девушек, я все слышал их песнь, и напев ее в моей душе так нежно звучал, что, право, я не запомню, захватывало ли когда-либо что-нибудь меня так сильно, как эта промелькнувшая картина из давно забытой эпохи человеческой жизни»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 372].

Реалии чувашской жизни даются у Гарина-Михайловского в двойном восприятии: от лица автора-рассказчика и одного из героев. Владимир – самодовольный франтоватый кучер, «уважающий» красивых баб, хороших лошадей и тех, у кого есть деньги. Для него хороший и умный человек – это прежде всего богатый. К бедному относится с презрением, к барину своему – свысока, так как тот в лошадях не понимает («хоть свинью ему запряги») и общается с людьми, с его точки зрения, несостоятельными: «хороводится со всякой дрянью». Владимир с предубеждением относится к чувашам, так как у них нет «письменного закона», «пустая вера», бога Туру называет нарочно «Турачурбан», Ирика – «куклой деревянной», но обругать его, как ни хочется, боится, так как этот бог насыляет на глаза болезнь [Гарин-Михайловский, 1989, с. 370]. Но даже ограниченный и циничный Владимир поддался впечатлению от увиденного на лугу праздника. «Да, хорошо», – сказал он [Гарин-Михайловский, 1989, с. 373]. Для автора же чувашская деревня Парашина «милая и бедная», «поэтичный уголок весны», который безвозвратно исчез. Летняя холера обезлюдил деревню: много умерло, люди разбежались, кто куда мог: *«Все выше и выше росла трава на непаханных парах. Но не было больше белых, желтых и синих цветов на ней, – сохла она, и уже не трава, а высокий жесткий бурьян стоял, а среди них стояло пустое Парашино, и объезжали его редкие путники»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 375].

Касается Н.Г. Гарин-Михайловский и похоронного обряда

чувашей. Заболевшего холерой Зораиба брат привез в деревню уже мертвым, но похоронить «по родному обычаю», как отмечает писатель, было «дорого». Хоронили «как приказывал закон», то есть по-христиански, как велела православная церковь. Чувашский языческий похоронный обряд и связанное с ним поминовение умерших описывал в своей работе В.А. Сбоев. Передавая космогонические представления чувашей, писатель-этнограф отмечал, что загробную жизнь они рассматривали как продолжение земной, «чувственной»: добродетельные люди поселятся в «мамык-сирь», где всего будет вдоволь и в избытке; грешный человек пойдет в «тамык-хоран», в ад, бездну. Поэтому умершие должны быть снабжены всем, что нужно для будущей жизни; в гроб клали все, что покойник любил, предметы ремесла, немного денег. «Если он занимался плетением лаптей, то в гроб клали кочедык, ножик и лыки; если он был шибырзе (то есть виртуоз, игравший на пузыре), то – пузырь; если плотник, то – топор... Так же точно поступали и с женщинами... в гроб их клали иглы с разными нитками, веретена, несколько льну, шерсти, шелку и холста» [Сбоев, 2004, с. 100]. Также считалось, что умершие посещают в честь них устраиваемые поминки и принимают в них участие, на могилу отливалось пиво, вино, клались хлебные и мясные яства, которые съедались собаками. Визг собак считался хорошим знаком: «...из визга собак Чуваши заключали, что умершие явились лично на поминки и разделяют с ними трапезу. Это мгновенно перелагало печаль и сетование поминающих на шумную радость и веселое разгулье» [Сбоев, 2004, с. 105]. Поминальный обряд чувашей был связан и с длинной чередой поминок, частных и общих, – на кладбищах и дома. В.П. Вишневский писал, что у чувашей «пирование... в годовые поминки продолжается по несколько дней» [Вишневский, 1846, с. 34]. Ф. Виноградов в работе «Следы язычества в домашнем обиходе чуваш» отмечал, что в пляске должны принимать участие все присутствующие: «Кто отказывается плясать, тот, следовательно, желает оскорбить память покойного, тот, ясно, не любил и не уважал его» [Виноградов, 1897, с. 16]. Гарин-Михайловский указывает, что языческая древняя обрядность в христианском погребении Зораиба все-таки присутствовала: *«Пекли блины, закатывали в них сальные свечи и бросали собакам. Грызлись собаки, хорошо грызлись, и веселые были похороны. Пьяные напились чувашки, пели песни»* [Гарин-Михайловский, 1989, с. 374]. В изображении «инонационального», «чувашского» возникает у русских писателей не только этнографический пласт, но и глубокий этнологический уровень:

постижение духовно-нравственных черт народа, его мировидения в соединении языческих религиозно-мифологических и христианских верований, теогонических представлений. Мир национальной жизни предстает во всем многообразии его выражения – от материально-бытового до бытийного. Анализ изображаемых инонациональных явлений большого русского мира позволяет выявить не только своеобразие чувашских реалий, но и новую смысловую содержательность произведений русских писателей XIX века.

Литература

- Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск, 1897.
Вишневский В.П. О религиозных поверьях чуваш. Казань, 1846.
Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений : в 5-ти тт. М., 1958. Т. 4.
Ефремов С. О язычниках Цивильского уезда // Известия по Казанской епархии. Казань, 1913.
Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 12-ти тт. М., 1989. Т. 2.
Протопопов А. Краткое описание суеверий чуваш. М., 1845.
Сбоев В.А. Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары, 2004.
Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.
Чириков Е.Н. Дочь неба // Чуваши в русской литературе и публицистике. Чебоксары, 2001.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ : ЛИТЕРАТУРНОЕ ВХОЖДЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СОСТАВ ИМПЕРСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Т.П. Шастина

Ключевые слова: Горный Алтай, русский Алтай, географические образы, имперское пространство, путевые записки, экзотика.

Keywords: Altai Mountains, Russian Altai, geographical images, imperial space, travel notes, exotic.

Горный Алтай – принятое в науке название российской части горной системы Алтай. Тюркологи этимологию топонима связывают с понятиями «высокий», «могущественный», «золото», «обетованная земля» [Казагачева, 2002, с. 282–291]. В литературе XIX–XX веков это пространство называется по-разному: Алтайские горы – Русский Алтай –

Горный Алтай – Горный. Изменение наименований, на наш взгляд, отражает смену идеологических парадигм, в контексте которых совершается включение в состав имперских пространств и адаптация в этом качестве исконно нерусских земель, располагавшихся за казачьей линией на юге Западной Сибири. Таковые могут быть определены как кросс-пространство, где оставили свои следы древнейшие цивилизации (скифы, гунны); где стыковались великие империи; пространство, с которым этническая память тюрков связывает мысль о прародине. Первые контакты территории с тобольскими и томскими воеводами относятся к XVII веку [Модоров, 1996, с. 30–52]; процесс вхождения Горного Алтая в состав Российской Империи начинается в середине XVIII века и растягивается во времени более чем на сто лет [Самаев, 1991, с. 104–177].

Природная и этнографическая экзотика этой территории обуславливает главенство жанра путешествия в литературном освоении (и присвоении) этой ориентальной территории с момента вхождения Горного Алтая в состав имперских пространств и до сего дня. Из травелога и путевого очерка в поэзию переходит представление о *дикой* экзотике места (*куриозной местности*), для обозначения которого используются названные нами топонимы. Приведем их в порядке появления в текстах (безотносительно к административно-территориальному именованию):

– *Алтайские горы* – период первичного изучения горной страны, нанесение на карту империи (XVIII век – первая половина XIX века); идея колониального использования мифических богатств новоприобретенной территории;

– *Русский Алтай* – определение истинных запасов природных ископаемых и перспектив их разработки, изучение этнографии инородческого населения в свете идей областничества (шестидесятые годы XIX века – начало XX века); этнос vs. регион;

– *Горный Алтай* – период нивелирования этнокультуры коренных народов, идея их ускоренного развития (20–80-е годы XX века) в рамках национальной автономии; безжалостная эксплуатация природных богатств региона;

– *Горный* – усеченное именование локуса в литературе новейшего периода; создание рекреационного бренда как попытка затормозить процесс утраты национальной и региональной идентичности, эксплуатация образа последнего нетронутого уголка природы.

Рассмотрение рецепции и репрезентации Горного Алтая в исторической перспективе намечается рядом новейших гуманитарных исследований, посвященных вопросам российской провинциальной

культуры и регионального самосознания¹. В них значительное внимание уделяется *локальным текстам*, в методологическом основании исследования которых «лежит представление о том, что «образ места (города)», или «локальный (городской) текст», существует — и соответственно может быть описан — в качестве меняющейся во времени системы ментальных, речевых, фольклорных, публицистических, иконографических и пр. стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции в устной, книжной и других формах» [Алексеевский, 2008, с. 419–420]. Культурная функция локальных текстов, по определению В.Г. Щукина, «заключается в создании и распространении некоего семантического и идеологического компакта – простого для понимания и усвоения комплекса понятий и эмоций, призванных ассоциироваться с данным местом» [Щукин, 2011, с. 239.]. Цель нашего исследования состоит в изучении начального этапа формирования в литературе комплекса представлений, позиционирующих Горный Алтай как часть имперских пространств – русские горы, русское высокогорье.

Локус Горный Алтай встраивается в сибирский текст по принципу матрешки – через алтайский, что обусловлено ходом «стихийной колонизации» (Н.М. Ядринцев) – продвижением сначала каменщиков, затем русских крестьян-переселенцев в глубь горной страны, к водоразделам Оби и Иртыша, их столкновением с чужой и чуждой культурой местных (инородческих) племен, у которых было почерпнуто представление о мощном мифогенном потенциале высокогорья. Специфические смыслы такового совпадают в трактовке охранной функции, которой обладают горы – естественная граница Сибири, – с рожденным в христианской среде топосом Беловодья.

Еще Н.М. Карамзин, анализируя первые сведения о Сибири, проиллюстрировал эту функцию библейским примером: «Сие неизмеримое пространство Северной Азии, огражденное Каменным Поясом, Ледовитым морем, Океаном восточным, цепию гор Алтайских и Саянских, – отечество малолюдных племен Монгольских, Татарских, Чудских (Финских), Американских – укрывалось от любопытства древних Космографов. Там, *на главной высоте земного шара*, было, как угадывал великий Линней, первобытное убежище Ноева семейства после гибельного, всемирного

¹ В нашем исследовании использованы следующие издания: Русская провинция : миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000; Литературный процесс на Урале в контексте историко-литературных взаимодействий : конец XIV–XVIII веков. Екатеринбург, 2006; Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2.; Имиджи Сибири. Новосибирск, 2009; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010; Краеведение как феномен провинциальной культуры. Омск, 2011.

наводнения; там воображение Геродотовых современников искало *грифов, стерегущих золото...*» [Карамзин, 1989, стб. 219]. Горный Алтай предельно концентрирует в себе все то, что историк относит к Сибири в целом: безопасность «для обитания» [Карамзин, 1989, стб. 12], малолюдность, этнографическую пестроту, мифологическую насыщенность (ориентальная специфика которой во многом определяется тем, что здесь находится, по определению географов, «крыша» Центрально-Азиатского континента – гора Белуха, равноудаленная от трех океанов; она притягивает к себе ученых и путешественников и является источником вдохновения для поэтов, художников и музыкантов).

Географические образы¹ лежат в основе художественной репрезентации Горного Алтая как части империи. Репрезентация начинается, на наш взгляд, со стихотворения «Киев» (1839) А.С. Хомякова². Из уст паломника под стенами Киево-Печерской Лавры прозвучит в нем фраза:

*Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов:*

Там страна моя родная! [Хомяков, 1868, с. 66.], –

в которой будут объединены географические реалии с эмоциональной оценкой³. В этом стихотворении «верх Алтая» – наиболее развернутый географический образ-вертикаль – является исключением в ряду названных поэтом горизонтальных ограничителей российских пространств (Дон, Енисей, Ладога, Нева, Кама, «теплый берег Эвксина» и берега северных морей)⁴.

¹ Географические образы – «совокупность ярких, характерных, сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [Замятин, 2004, с. 15].

² Несколько раньше, в 1832 году, вышел сборник стихов «Сибирь. Думы» Егора Петровича Ковалевского, им образ Алтая создается на основе романтической эстетики как место временного пребывания лирического героя: «*Пред мной — Алтай, за мной — Алтай, то взгроможденный, // Поник на облака, то в прахе раздробленный. // На глыбах рухнувших висит дремучий бор, // И тощий плющ, как змей, ползет из трещин гор. / Зияет пасть пещер, зияют бездн стремнины, // И глухо все!..*» [Ковалевский, 2010, с. 117]. См. подробнее о художественных особенностях сборника [Левашова, 2011, с. 117–120].

³ Это соотносится с философией А.С. Хомякова, утверждавшего, что «русский дух», сформированный православием», собрал «русскую землю в бесконечном ее объеме (то есть российское государство, в отличие от западных, не искусственно создано было путем завоевания, а «выросло» на соборных началах) – см. подробнее [Шапошников, 2004].

⁴ Хомяков был вправе вложить подобную фразу в уста жителя Алтайских гор – к моменту создания стихотворения в Горном Алтае уже была развернута миссионерская деятельность.

Характеристическое определение «дикий», относящееся у упомянутого нами Е.П. Ковалевского ко всей Сибири (дума I «Праху Н»), Хомяков локализует в пределах Горного Алтая, хотя вряд ли можно допустить, что за время, разделяющее выход двух стихотворных книг, Сибирь в целом стала менее «дикой»¹, чем Горный Алтай как ее окраинная часть². В стихотворении «Киев» слово «дикий» употреблено в его первом значении, через год у Хомякова в стихотворении «Россия» вновь возникнет упоминание об Алтае (что будет уже свидетельствовать о формировании устойчивого художественного представления):

И нестерпим был огонь булата

В руках Алтайских дикарей [Хомяков, 1868, с. 73].

Речь в нем идет о монголо-татарском нашествии, и образ восходит к представлению о трансграничности Алтая и к немногочисленным сведениям об его истории и географии, которые были опубликованы к моменту написания текста. Заметим, что повышение интереса к подобным сведениям было связано с завершением оконтуривания имперского пространства, в частности, закрепления границ Российского государства на юге Западной Сибири³. И все же практически до середины XIX века «огромность Алтая, распространяющегося внутри Сибири, очень сбивчиво была понимаема» [Словцов, 1886, с. 183–184].

Источником исторической информации во время выхода сборников Ковалевского и Хомякова могла быть уже названная «История...» Карамзина (в которой как этнос упоминаются *Турки Алтайские*). Сведения об Алтайских горах содержались и в

¹ «ДИКИЙ, в природном виде состоящий, не обработанный человеком, неводеланный, природный; необразованный; // неручной; необузданный; свирепый; суровый; застенчивый, чуждающийся людей; // странный, необычный» [Даль, 1978, с. 436].

² Русский Алтай как горная система был все еще практически не изучен, путешественники проходили в основном от Бухтармы к Колывани и далее до Телецкого озера по самой ее границе, с небольшой долей точности наноса на географические карты территорию, оказавшуюся в три раза больше Швейцарии (а Швейцария уже в XVIII веке «становится местом литературного паломничества» [Лотман, 1984, с. 627]). На основе географического сходства горных пейзажей за Алтаем закрепляется устойчивое сравнение «Альпы» (более поздний вариант – Сибирская Швейцария).

³ Катализатором такового можно считать указ Елизаветы Петровны от 2 мая 1756 года о принятии в российское подданство 14 зайсанов с их народом; но процесс шел до 1864 г., когда по Чугучакскому договору была проведена демаркационная линия на российско-китайской границе, с тех пор многочисленные племена на огромной территории от верховьев Катуня до Телецкого озера избрали для самоназвания топоним «Алтай» [Краткая энциклопедия, 2010, с. 32] и стали именоваться алтайцами.

«Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» одного из первых исследователей Сибири В.Н. Татищева (составлен в 1754 году, опубликован в 1793 году [Дейч, 1962, с. 71]), где ученый излагал существовавшую на тот момент и долго после точку зрения о непрерывности горной цепи, отделяющей Азию от Европы. «Алтай, горы, от Урала проходящие меж калмыцкого владения и Сибири, от запада на восток, около Иртыша. Оные звание калмыцкое <...>. Татара зовут Алтау, значит Шесть гор, и сие имя иногда пространно и суще от вершины Яика до вершины Оби. Иногда разумеют токмо, что во владении калмыком по обе стороны Иртыша, а на востоке к вершине Оби, далее же Саян...» [Татищев, 1979, с. 161]. Татищев довольно точно указывает расположение Бикатунского острога, называет реки Бию, Катунь, Лебедь и «озеро Телеут» в Кузнецком уезде, так как по его заданию в 1735 году геодезист В. Шишков был послан в Томск и Красноярск для «описания тамошних мест и положения на ландкарту, а паче уведать, описать... которой в бытность свою тамо весьма ревностно описывал и *куриозным местностям* (курсив мой. – Т.Ш.) учинил чертежи» (Промемория от тайного советника Татищева в Императорскую Академию наук от 21 октября 1735 года [Татищев, 1990, с. 265]). Из обитателей Алтайских гор Татищев называет лишь калмыков¹.

В конце XVIII – начале XIX века *калмыками* (*белыми калмыками*) называли и алтайцев. В 1806 году путешествие к алтайским калмыкам совершил Г.И. Спасский – будущий издатель Санкт-Петербургского журнала «Сибирский Вестник», которому в русской литературе путешествий принадлежит роль первооткрывателя российских гор и создания горной топики. Его собственная серия описаний высокогорья (Алтайских гор) в журнальных публикациях², на наш взгляд, может рассматриваться как базовый фонд для создания образа пространства

¹ «Империльный этнографизм» [Пумпянский, 1983, с. 35] войдет в литературу позднее и станет приметой державинской школы; а «литературные» калмыки превратятся в знак «чужого», становящегося «своим» (см. у А.С. Пушкина в «Памятнике» или в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом», открывающемся главой «Смотр» – смотр всех народов, «обитающих в России»: «Вот и калмык раззевает свои кротовые глазки, чтобы взглянуть на чудеса русские; с ним все житье-бытье его – колчан со стрелами и божки его, которых он из своих рук может казнить и награждать» [Лажечников, 1970, с. 54]).

² «Сибирский Вестник» [СВ]: 1818, часть 1; 1819, часть 8 – «Путешествие на Тигирекские белки или горы вечным снегом покрытые» (1813); 1818, часть 3, 4 – «Путешествия по южным Алтайским горам» (1809); 1823, часть 3, 4 – «Путешествие к Алтайским калмыкам» (1806).

Горного Алтая в русской литературе, так как, по Д.Н. Замятину, «...всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении» [Замятин, 2010, с. 16].

Алтайские горы привлекали Спасского возможностью стать первопроходцем: «Места сии <...> не были посещаемы ни Гмелином, ни Палласом, ни другими известными Путешественниками» [СВ, 1823, ч. 3, с. 1]. Там путешественник оказывается один на один с нетронутой природой. Но все же в пути у переправы через Чарыш Спасский встречается с первым профессиональным художником, снимавшим виды Горного Алтая – с В.П. Петровым. Работы Петрова – «прелестные, ужасные виды», «соперники видов Швейцарских» – служат прекрасной иллюстрацией к алтайским путешествиям Г. Спасского (четыре его гравюры опубликованы в приложении к первому тому «Сибирского Вестника» за 1818 год без ссылки на автора) [Степанская, 2002, с. 24]).

Структура обращений Спасского к Алтайскому высокогорью, его аксиологическая система свидетельствуют, что уже к концу первой четверти XIX века в специальной и популярной литературе сформировалось представление о том, что Алтайские горы – это весьма экзотическая составляющая имперских пространств, рай для художников и нетронутое поле исследований для ученых, где «юная Натура во всей целостности своей и совершенстве» [СВ, 1818, ч. 1, с. 40] – что и соответствует девизу журнала «Сибирский Вестник»: «Norse patream postea viator eris» (Познай Отечество, потом сделаешься путешественником).

Подобным же девизом мог вполне руководствоваться и художник Егор Егорович Мейер, сопровождавший экспедицию П. Чихачева, к тому времени уже исследователя с мировым именем, в Восточный Алтай. Его краткое описание алтайских путевых впечатлений, опубликованное в 1843 году в «Отечественных записках», было отмечено в обозрении «Русская литература в 1843 году» В.Г. Белинского¹: «В смеси «Отечественных записок», между переводными, много было и оригинальных, более или

¹ Критик констатировал: «литература наша находится теперь в состоянии кризиса» [Белинский, 1905, стлб. 167] и поставил вопрос о формах выражения русскости в литературе (то есть фактически, наметил пути выхода из кризисного состояния): «...русский быт, исторический и частный, состоит не в одних только русских именах действующих лиц, но в особенностях русской жизни, развившейся под неотразимым влиянием местности и истории, – так же, как патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказаться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле» [Белинский, 1905, стлб. 168].

менее замечательных статей, каковы «Поездка в Китай» Дэ-мини (две статьи); «Два письма из Пекина» В. Горского; «Замечания и анекдоты о южно-американском льве» А. Бутакова, «Сцены из жизни бурят» А. Мордвинова; «Поездка на Алтай» Мейера» [Белинский, 1905, стлб. 226]. Контекст приведенной цитаты позволяет русскому читателю рассматривать Алтай в ряду таких экзотических пространств, как Китай и Южная Америка¹.

Мейер начинает с вопроса: «Что мог представить себе о горах, об Алтае тот, кто не видал ничего кроме болот петербургских и маленьких горок около него? Я прочел путешествие Бунге² и узнал, что Алтай – Швейцария³, нет, более, гораздо более! Я думал увидеть весь Алтай, со всеми его горами, постепенно идущими все выше и выше, и наконец, теряющимися в своде голубого неба – а увидел чуть заметные, блестящие иззубренные ленточки, означающие далекие снежные горы, которые тянулись по всему горизонту» [Мейер, 1843, с. 18].

С нетерпением ожидая встречи с высокогорьем, молодой художник, опьяненный весной, никак не мог смириться с тем, что горы приближаются очень медленно. И вот – горы: «Первую ночь в горах мы провели в деревне Черге. Рано утром поскакал оттуда, чтоб искать места, снять чудесный вид, который был перед нами. Взобравшись на гору, находящуюся на севере от деревни, я увидел перед собою истинно швейцарский вид. Горы, по которым ходили утренние облака, чудесная долина, в которой между богатых нив, полей и густых лесков, извивалась быстрая Черга, на берегу которой стоит чуть видная деревня. Вся картина освещалась восходящим солнцем. Это последние русские дома, которые увидим мы, думал я. И никогда сердце мое не билось так сильно по всем русском, как в эту минуту, когда я думал, что покидаю надолго, может быть, навсегда родину и все то, что могло напоминать мне ее. Грустно простился я с чудной деревенькою Чергою, может быть единственною по всей России по своему местоположению» [Мейер, 1843, с. 18]. Эмоциональный акцент на русскость описанного пейзажа, скорее всего, был сделан при

¹ Пользу толстых журналов Белинский видел в том, что они «поглощают в себя все лучшее и замечательнейшее, появляющееся в литературе <> благодаря этому обстоятельству, всякое литературное хорошее произведение прочитывается не десятками, не сотнями, а целыми тысячами читателей» [Белинский, 1905, стлб. 227].

² А.А. Бунге совершил путешествие в Горный Алтай в 1826 году (см. в [Бунге, 1993]).

³ Собственные аналогии художника ограничиваются знакомством с видами Финляндии и лифляндской Швейцарии, в частности, с одним из популярных с XVIII века, после поездки туда в 1772 году императрицы Екатерины II, туристических маршрутов петербуржцев на водопад Иматра в юго-восточной Финляндии, на реке Вуокса.

подготовке дорожных записок к публикации – за ним следует описание миссионерской деревни Мыюта (в тексте Мыэта), населенной крещеными алтайцами; находясь в Черге, Мейер не мог и предположить, что его ждет впереди: «Ужас, удивление, отвращение, наконец, жалость овладели мной, когда я посмотрел на этих людей, которые по всей справедливости имеют право утверждать, что первый монгол произошел от обезьяны. Уродливее, грязнее ничего не может быть, думал я, и не верил, когда мне говорили, что это уже обрусевшие, которые живут очень чисто и хорошо в сравнении с своею прежней жизнью» [Мейер, 1843, с. 18]. Горный Алтай потряс Мейера контрастом между природной роскошью и убожеством коренных жителей – дикарей с позиций европейца.

Вот вид, открывшийся с Семинского перевала, откуда начинаются те самые «швейцарские» горы, которые все ждал путешественник: «Я увидел пред собой уступы гор, окружающих озеро Теньгу, а над ними голубые, зубчатые стены урскульского хребта. Он, будто усыпанный бриллиантами, блистал всеми цветами радуги и так резко, но вместе так легко, так нежно отделялся на светлом, утреннем небе, которое вместе с ним отражалось в зеркале озера. На первом плане тянулся редкий лес, перед которым разбросанный караван наш казался состоящим из лилипутов...» [Мейер, 1843, с. 19]. Первая встреча с аборигенами отбила этнографическое любопытство, и художник сосредоточился на визуальных образах «дикой дали», «красивых форм», на собственных ощущениях опасности и восторга перед величественной мощью гор, вызывающих «страх и улыбку радости», «наполняющих душу какою-то грустью, в которой чувствуешь свое ничтожество...», голова и душа его отныне были заняты тем, как передать виденное.

Мейер упоминает о переправах через буйные реки, о головокружительных спусках и подъемах, на которых только умные алтайские лошади способны спасти всадника, о камнепадах, но все это меркнет перед картиной собственно высокогорья: «С трудом переводя дух, взобрался я на вершину – и задрожал от восторга!... передо мною целый мир в горах!...вдали, подобно океану, оледеневшему от бурь, блистали вечные льды, меж которых, теряясь в светлом голубоватом тоне неба, зубчатым великаном поднималась Катунья-Сайлан (Катунские столбы). В ущельях змеями вились туманы...но где слова, где краски, чтобы передать эту картину?! Напрасно ломаешь голову, напрасно ищешь в красках тоны!... Я посмотрел на все, потом на самого себя – что же я? Невидная точка в этом огромном лабиринте!...

Я схватил альбом; но рука моя дрожала: мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотою; и мне стыдно стало, что я, бедный смертный, мечтаю передать Его образ!» [Мейер, 1843, с. 20].

Неоднократно мысль о величии Творца и бессилии перед ним воображения смертного художника возникала у Мейера при виде «дико-величественных» картин: «Нет, воображение человека не может представить себе что-нибудь подобное! Сердце замирает, когда слышишь то страшный гул реки, повторяемый множеством эхо, то тихий, жалобный стон водопада. Это музыка природы! Кто передаст ее?!... Где Бетховен. Моцарт? Кто передаст чудную гармонию этих скал, этих красок? Сальватор Роза!¹ Зачем ты не был Русский! Может статься, тебе бы удалось передать его, а у меня... у меня кисть выпадает из рук!» [Мейер, 1843, с. 21].

Оказавшись во время путешествия на китайской территории, Мейер рисует картины природы в мрачных красках – там не своя земля – там все чужое. Но по мере приближения к русскому форпосту на Абакане образный строй описания возвращается к патетике описания Горного Алтая, правда, к традиционному набору деталей здесь добавляется традиционный для сибирского текста медведь, вернее, целое «стадо медведей».

За время поездки горы стали Мейеру своими, художник проникся их духом, и потому при прощании с высокогорьем «сердце сжималось точно так же, как по выезде из Петербурга, разница в том только, что тут я прощался с людьми, которых люблю, а там с горами, с чудными горами Алтая!» [Мейер, 1843, с. 23].

Мы обратились к запискам Мейера, чтобы акцентировать, что именно благодаря его зарисовкам Европа нагляднее представила специфику этой неведомой и дикой (то есть незаселенной) горной страны. Громады скал, вершины, увенчанные ледниками, путешественники, пробирающиеся по отвесным бомам, горные озера, зажатые в скалистых берегах долины рек предстали на иллюстрациях Мейера к алтайской части описания путешествия Чихачева в парижском издании 1845 года. Своеобразной репрезентацией образа Горного Алтая стала статья французского ученого Катрфажа, опубликованная в «Отечественных записках». В редакционном пояснении она названа «довольно верным взглядом Европейца на нашу Сибирь, неведомую для иностранцев и – нечего греха таить – для

¹ Роза Сальватор (1615–1673) – итальянский живописец, известный своими романтическими пейзажами.

многих и из русских читателей». «Статья Катрфажа, опирающаяся на фактах, представляемых книгою очевидца – Чихачева, и написанная языком доступным для всякого образованного читателя, может много содействовать распространению в образованном мире верных сведений об этой отдаленной части России» [Катрфаж, 1845, с. 4].

В описательной манере Чихачева Катрфаж отмечает научную достоверность и великолепный стиль: «...не переставая быть серьезным, он представляется артистом (то есть художником. – *Т.Ш.*), оценивает все, что проезжаемые им страны представляют ему поэтического, то игривого, то угрюмого; знакомит нас с нравами, посвящает в предания встречаемых им народов: слог его везде чист и одушевлен. <...> Впрочем, г. Чихачев не упустил из вида ничего, могущего возвысить цену его сочинения. Дорожные записки, веденные с необыкновенным тщанием, знакомят нас с малейшими подробностями его пути» [Катрфаж, 1845, с. 3–4]. Французскому исследователю важно было показать отличие Алтая, о котором он сформировал представление на основе труда Чихачева, от других горных систем.

Позднее английский художник Т.У. Аткинсон предпочел, так сказать, личное знакомство с Горным Алтаем и был восхищен его первозданностью и суровостью, сражен Белухой: «Самый очаровательный вид на окрестность, открывшийся глазам нашего художника, служил наградой за претерпленные им бедствия и ужасы. На юго-востоке величавая Белуха возвышала свою двурогую вершину, ярко ослепительной белизны от покрывавшего ее снега, несколько других горных цепей окружали ее, как дети своего седовласого деда, представляя в свидетельство своего высокого происхождения множество белых пятен. А возле расстилалось целое озеро горных вершин и кряжей, разделенных между собою зияющими ущельями и черными долинами, изрытыми яростно пенящимися потоками. В некоторых из них скрывались запасы благородных металлов» [Путешествия по Сибири, 1865, с. 271]. Англичанина более всего поразили природные богатства горной страны, по его замечанию, могущие составить благосостояние целого государства, а тут лежащие без употребления.

Проведенный нами обзор литературных публикаций до 1864 года (года окончательного закрепления пограничной линии в горах Алтая, рассматриваемого современными историками как точка отсчета национальной и региональной идентичности) позволяет утверждать, что в число освоенных литературой имперских

пространств Горный Алтай входит через травелог, откуда образ «дикого и грозного» Алтая уже как собственно художественный попадает в поэзию и закрепляется в ней как воображаемое пространство, где «...юная Натура во всей целостности своей и совершенстве». Указанная нами верхняя граница рассматриваемого периода совпадает с начальным этапом сибирского областничества, идеологи которого в формуле «Горный Алтай – это романтическое дикое русские пространство, населенное экзотическими народами» стали разрабатывать социальный компонент, сосредоточив внимание на проблемах инородцев. Таким образом, 1864 год можно считать концом эпохи превалирования географических образов Горного Алтая в русской литературе и началом эпохи образов этнографических (в ракурсе «этнос vs регион»).

Литература

Алексеевский М., Жердяева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева-Подольского. [Электронный ресурс]. URL: antropologie.kunstkamera.ru/06.

Белинский В.Г. Сочинения : в 4-х тт. СПб., 1905. Т. 3.

Бунге А.А. Путешествие по восточной части Алтайских гор. Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор легом 1826 года // Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993.

Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.

Дейч Г.М. В.Н. Татищев. Свердловск, 1962.

Замятин Д.Н. Метагеография : Пространство образов и образы пространства. М., 2004.

Замятин Д.Н. Стрела и шар : введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010.

Загагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002.

Карамзин Н.М. История государства Российского : в 3-х кн. М., 1988. Кн. 1.

Карамзин Н.М. История государства Российского : в 3-х кн. М., 1989. Кн. 3.

Катрфаж. Алтай // Отечественные записки. 1845. № 9.

Ковалевский Е. Сибирь. Думы // Сибирские огни. 2010. № 8.

Краткая энциклопедия Республики Алтай. Новосибирск, 2010.

Лажечников И.И. Ледяной дом. М., 1970.

Лебедева Н.И. О некоторых особенностях локальных исследований (Алтайское краеведение конца XIX века–1950-х годов). [Электронный ресурс]. URL: www.omsu.omskreg.ru/

Левашова О.Г. Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. № 4.

Лотман Ю.М. Примечания // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Мейер Е.Е. Поездка по Алтаю // Отечественные записки. 1843. № 11.

- Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX веков). Горно-Алтайск, 1996.
- Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.
- Путешествия по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А.Т. Фон-Миддендорфа, Г. Раде и др. СПб, 1865.
- Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII–середине XIX веков : Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.
- Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Период 1–4. СПб, 1886.
- Степанская Т.М. «Желая быть в художниках истинных..» (к 200-летию приезда видописца В.П. Петрова на Алтай // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 2002. Вып. 4.
- Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979.
- Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 годы. М., 1990.
- Хомяков А.С. Стихотворения. М., 1868.
- Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
- Шапошников Л.Е. А.С. Хомяков : человек и мыслитель. Н. Новгород, 2004.
- Щукин В.Г. Как и почему рождается литературный локальный текст? // Диалог культур : поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2011.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ – НОВЫЙ ТИП ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Л.П. Колоколова

Ключевые слова: функционально-когнитивный словарь, антропоцентризм, функционально-когнитивная сфера, концепт.
Keywords: functional-cognitive dictionary, anthropocentrism, functional-cognitive sphere, concept.

Наиболее эффективные инновации на рубеже веков связаны с функционально-когнитивным направлением, которое обратилось к изучению функций языка в полном объеме и выдвинуло в качестве приоритета изучение речевой деятельности. Развернутый прогноз динамики предполагает то, что, будучи антропоцентричной, она получит широко выраженную функциональную ориентацию, что позволит создать таксономию и новую типологию языков – коммуникативную. В настоящее время происходит постепенная смена парадигмы, обусловленная изменением основных представлений о языке и использованием нового инструментария его описания. Когнитивный подход распространяется в первую очередь на

лексикографию. Стремление к систематизации лексики существовало с древних времен. Самые первые словари были ориентированы на представление лексики группами, объединяющими семантически однородные слова. Следовательно, идеографический способ описания словарного состава является самым древним. П.Н. Денисов, описывая системность лексического пространства, отмечает, что идеографические словари остаются и сейчас особым типом, крайне интересным для учебной лексикографии, и заслуживают самой экстренной реализации в практическом плане [Денисов, 1977, с. 22]. Идеографические словари изначально имели когнитивную основу, поскольку должны были систематизировать типы знаний об окружающем мире через языковые данные – словарные единицы и их блоки. Большой вклад в разработку различных направлений в поисках путей классификации лексической системы и определения способов объединений слов в блоки разного объема внесли авторы словарей Роже, Дорнзайфа и др.

В настоящее время становится все более очевидным, что проблема систематизации словаря является чрезвычайно сложной и не решена в полном объеме. Однако А. Вежбицкая отмечает, что эра серьезных лексикографических исследований, базирующихся на строгих теоретических основах, начинается с работ И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна [Вежбицкая, 1997, с. 56]. В отечественной лексикографии новый этап в разработке принципов идеографических словарей и метаязыка лексикографического описания слов связан с опубликованием работ Ю.Н. Караулова, в которых наблюдается синтез теории семантического поля с принципами ономаσιологического подхода к изучению лексики (см., например: [Караулов, 1988]).

Современный уровень лингвистических знаний позволяет рассматривать вопросы систематизации лексики с новых позиций – с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и упаковки информации в памяти человека с помощью лексических средств, что осуществляется не только на уровне слов, но и на уровне языковых единиц более высокого ранга. Функционально-когнитивный подход изучает язык в действии и дает возможность обнаружить свойства лексических единиц, которые уже изначально предопределяют их поведение в речевой коммуникации. Предметом анализа при этом становятся конкретные языковые единицы, предназначенные для выполнения определенных функций в процессе речевого общения.

В последние годы наблюдается переориентация лексикографических исследований на когнитивную и деятельностную параметризацию словарного состава языка. Практика лексикографии обогащается новыми типами словарей, а теоретические концепции становятся более информативными и многоаспектными. Для лексикографии несомненный интерес представляет концепция Б.М. Гаспарова, которая ориентирована на изучение слова в коммуникативном аспекте. Как считает автор, при обосновании механизма перехода слова из языковой системы в речевую актуализацию на первый план выступает бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и первичной единицей владения языком становится не изолированное слово, коммуникативный фрагмент, то есть целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне. Именно коммуникативные фрагменты «представляют собой частицы языкового материала, который в совокупности составляет базовый лексикон языковой памяти» [Гаспаров, 1996, с. 118, 126].

В.Г. Гак, анализируя ситуацию в построении высказывания, в которой проявляется осознание отрезка действительности, подчеркивает, что изучение закономерностей соотношения между лексико-грамматической структурой высказывания и структурой обозначаемого этим высказыванием отрезка действительности входит в компетенцию особого аспекта изучения языка, который может быть назван ситуативной лингвистикой [Гак, 1998, с. 78].

Коммуникативный подход к анализу лингвистической семантики обуславливает учет ситуативности как ее обязательного компонента. Язык заведомо «строен так, чтобы служить целям коммуникации, и в этом качестве имеет свою собственную онтологию» [Вежбицкая, 1997, с. 167]. Как отмечает В.Н. Телия, лексическое значение включается во фрейм многочисленных ситуаций, где данное слово является либо терминалом более широкого акционального фрейма, либо акциональным фреймом [Телия, 1996, с. 102]. Не случайно в последние годы активизировались направления трактовки значения с учетом его ориентированности на широкий контекст событий, действий.

В связи со сказанным выше совершенно очевидно, что необходимо пересмотреть подходы к интерпретации словарного

материала с целью создать словарь, который соответствовал бы уровню современной теоретической лингвистики и лексикографии. Одна из главных задач современной лексикографии состоит в том, чтобы приблизить человека к словарю, довести словарь до человека, приблизить его структуру, содержание, механизм функционирования к тем потребностям, с которыми к словарю обращается носитель языка или человек, изучающий язык как неродной. Этим задачам может отвечать функционально-когнитивный словарь активного типа, в котором классификация вокабуляра производится с учетом коммуникативной деятельности человека, то есть живого употребления слов.

Функционально-когнитивный словарь построен с учетом новых направлений теоретических разработок лексикологии и практической лексикографии. Концептуальный аппарат словаря опирается на важнейшие принципы современной лингвистики – функциональный и когнитивный. Словарь является функциональным, потому что он отражает главные функции языка – номинативную, когнитивную, коммуникативную, интерпретирующую, коннотативную и функции языковых единиц в процессе порождения речи: обозначение событий, ситуаций; наименование денотатов, выступающих в качестве конкретизаторов событий; выражение свойств объектов и их оценки, дифференциации и т.д.

В отличие от алфавитных словарей, выполняющих справочную функцию, в словарях активного типа лексика описывается с опорой на речевую деятельность и типы знаний, которые «усредненный» носитель языка использует в речевой коммуникации.

Словарь является комплексным, поскольку в него включены слова разных частей речи. Основу словарных блоков составляют глаголы как процессуальные знаки; существительные используются для того, чтобы разворачивать их значение; прилагательные выполняют функцию квалификации и оценки денотатов; наречия несут дополнительную информацию, обозначая место, время событий, интенсивность, оценку и т.д. В словаре даются также фразеологические единицы, открывающие новые ракурсы конкретизации концептов.

При составлении словаря использовался принцип когнитивности, который раскрывает, как человек познает мир, как формируются знания, опыт и как передается информация в процессе общения.

Язык воплощен в природе человека и тесно связан с жизнью общества. Он служит человеку как основное средство познания и общения, помогает объективировать предметный мир, формировать и выражать идеи, воззрения. Язык выполняет аккумулятивную функцию по отношению ко всем сферам индивидуальной и общественной деятельности человека [Человеческий фактор в языке, 1992, с. 98]. Языковые значения детерминированы объективной действительностью и социальной природой человека. Эта двойная детерминация содержания языковых категорий позволяет выделить в них различные уровни. Первый уровень связан с отражением внеязыковой действительности в языковых категориях, второй уровень – с наложением на первый речемыслительного содержания, отражающего сложные процессы восприятия внеязыковой действительности языковой личностью. Следовательно, антропоцентрический принцип языка широко отражается в лексико-семантической системе. Многие разряды слов характеризуют человека в разных аспектах и получают ярко выраженное антропоцентрическое содержание. А.А. Уфимцева, анализируя словарный состав языка, обратила внимание на то, что значительная часть словарного состава языка существительные со значением лица; глаголы, обозначающие трудовую и повседневную деятельность человека, его состояние, бытие; прилагательные с семантикой оценки индивида. Они обозначают человека «в его многосторонних отношениях к другим людям, к предметам и вещам реального мира, к обществу и его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризуемого со стороны его физических и психических свойств» [Уфимцева, 1986, с. 114].

В функционально-когнитивном словаре антропоцентрический принцип языка пронизывает все семантического пространство и позволяет раскрыть существенные стороны жизнедеятельности человека.

Автором проекта, ведущим составителем функционально-когнитивного словаря является доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета Т.А. Кильдибекова. В монографии «Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря» Г.В. Гафарова и Т.А. Кильдибекова анализируют проблемы системности лексики, описывают общие принципы составления функционально-когнитивного словаря и отражают различные аспекты конкретизации глобального концепта в процессе речевой коммуникации.

Когнитивность, по мнению исследователей, позволяет по-новому интерпретировать содержание слов и блоков лексем, иерархическое строение последних, поскольку предусматривает систематизацию всех типов знаний, имеющих опору на познавательную деятельность человека. В свете когнитивности языковые единицы рассматриваются как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке. В связи с этим при анализе необходимо выявить, какую структуру знаний фиксирует каждая из категорий, какую роль играет в сжатии и развертывании знаний, в различной степени детализации и в реализации определенных интенций участников речевого акта [Гафарова, Кильдибекова, 2003, с. 80].

В функционально-когнитивном словаре реализуется новая методика идеографической классификации с опорой на когнитивное содержание и речевое употребление языковых единиц. Задача словаря заключается в получении семантически упорядоченных объемных блоков (фрагментов) из семантически неупорядоченного алфавитного списка слов. Решение поставленной задачи приводит к необходимости осмысления с новых позиций общетеоретических проблем системной организации лексики и вопросов языковой номинации.

Для обозначения объемных фрагментов лексической системы в словаре используется термин «функционально-когнитивная сфера», выступающая как языковая универсалия и использующаяся при сопоставительном изучении языков, поскольку глобальные концепты (по терминологии А. Вежбицкой – семантические примитивы) являются общими для всех языков. В их конкретной реализации выделяются универсальные и идиоэтнические элементы значения. Это проявляется в направлениях актуализации концепта, в линейных и векторных соответствиях лексических элементов в разных языковых системах. Функционально-когнитивная сфера выступает в качестве основы для создания двуязычного и многоязычных словарей.

Основу функционально-семантической сферы составляет суперконцепт – глобальная семантическая категория, организующая определенную область словаря. Суперконцепт представляет собой семантический потенциал единицы до ее реализации в речи, который получает то сжатое, то развернутое представление в разных языковых единицах. Он имеет организованную динамическую структуру, состоящую из базисного элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов.

Суперконцепт, обобщая значение всех слов определенного смыслового пространства, выступает в качестве семантической

категории наиболее высокой степени абстракции, имеющей большой функционально-когнитивный потенциал и «притягивающей» к себе блоки лексем разного объема. В качестве суперконцептов выступают такие понятия, как «жить», «работать», «двигаться», «говорить», «видеть» и др., служащие основой для реконструкции объемных функционально-когнитивных сфер.

В данной статье используется термин макроконцепт, представляющий собой глобальные, масштабные сущности, обладающие огромной системообразующей «силой». Вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь [Карасик, 1999, с. 6].

Макроконцепт может подвергаться многочисленным семантическим уточнениям и разноаспектным конкретизациям. Концептуальные преобразования и развертывания исходного глобального понятия фиксируются в блоках лексем разного объема, предопределяющих многоступенчатое строение функционально-когнитивной сферы, что наглядно представлено в функционально-когнитивном словаре.

Таким образом, понятия «макроконцепт», «суперконцепт» очень близки по содержанию и дифференцируются лишь по роли в передаче ментального содержания о внеязыковой действительности и аспектам конкретизации глобального понятия.

В 2011 году был опубликован «Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира)», составителями которого являются Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова, Л.П. Колоколова, Э.М. Миргаязова, Д.А. Юлдашева. Каждый из составителей названного словаря занимался разработкой определенной функционально-когнитивной сферы, в частности, автор статьи Л.П. Колоколова разрабатывала функционально-когнитивную сферу «Жизнь человека», включающую следующие аспекты: место жительства; семья, родственные отношения; качество жизни; время; жизненный путь; жизненные потребности; здоровье; материальное положение.

Новизна статьи заключается в том, что в ней представлен итог исследовательской деятельности коллектива авторов, работающих над систематизацией семантического пространства, что находит отражение в «Функционально-когнитивном словаре русского языка». Более того, в рамках данной статьи, на примерах разных функционально-когнитивных сфер дается описание иерархического, векторного

расположения лексического материала с использованием коннотативных значений. На сегодняшний день не существует комплексного описания заявленных функционально-когнитивных сфер в аспекте динамических процессов универсализации, приведших к современному состоянию разветвленного семантического пространства словарного состава. В названном словаре дается систематизация лексики, раскрывающей основные аспекты языковой картины мира: жизнь человека, окружающий мир и его восприятие, движение и местонахождение, речемыслительная деятельность и образование, общее понятие и разные виды деятельности, характеристика человека (внешность, характер, поведение, чувства).

Основная идея словаря заключается в представлении лексического состава языка в виде важнейших макроконцептов, создающих языковую картину мира. Это – жизнь человека, речь, движение, деятельность, зрение, слух, здоровье, собственность и т.д. Перечисленные макроконцепты выражают основные стороны жизнедеятельности человека и выступают в качестве смысловых центров, притягивающих к себе иерархически организованные, разветвленные парадигматические разряды и входящих в их состав семантические поля, словообразовательные гнезда, синонимические ряды, антонимические пары. Парадигматические связи слов проявляются в этих разрядах как комплекс отношений, поскольку одна парадигма входит в другую, более широкую, которая в свою очередь является членом парадигмы следующей, более высокой степени. В соответствии с моделью языкового синтеза за исходную точку подачи материала принимается типовая ситуация в широком смысле слова. Исходя из этого факта, функционально-когнитивный словарь имеет ситуативную ориентированность, поскольку в нем с максимальной полнотой отражаются наборы ситуаций на всех уровнях анализа, которые связаны, с одной стороны, с базовым глаголом, выступающим в качестве исходного слова функционально-когнитивной сферы (*жить, двигаться, говорить, работать, видеть, слышать* и др.); с другой стороны, с глагольными лексемами, которые фиксируются на более низких ступенях иерархической структуры сферы. Так, на первом уровне членения семантического пространства «работать» описываются ситуации: *работать где* – на заводе, на фирме, в агентстве недвижимости, в аптеке; *работать кем* – менеджером, рекламным агентом, учителем, врачом; *работать над чем* – над статьей, над проектом бюджета, над конституцией; *работать на чем, с*

чем, чем – на бульдозере, на компьютере; *работать как* – хорошо, плохо, засучив рукава, спустя рукава.

На следующих уровнях дифференциации лексем выделяются менее объемные типы ситуаций. Например, в сфере «жить» даются отдельные блоки, развертывающие концепты «жизненные потребности» (*питаться, одеваться*), «возраст», «родственные отношения», «здоровье» и др.

В настоящее время проблема семантических связей в системе языка переводится на когнитивный уровень анализа, позволяющий раскрыть многослойную структуру общих концептов, расширить и упорядочить объем информации, вводимой в структуру функционально-когнитивной сферы словаря.

В концептуальной сети проявляется все многообразие типов знаний человека, связанных с тем или иным концептом, и все аспекты его конкретизации, реализуемые в различных блоках лексем. Концептуальная сеть формируется на базе смысловых отношений между общим знанием концепта и более частными значениями.

При структурировании лексики в функционально-когнитивном словаре важными являются следующие типы концептуальных отношений: 1) концептуальная хронология; 2) расщепление, расчленение концепта; 3) концептуальная деривация; 4) целепологание как аспект жизнедеятельности; 5) отношение дизъюнкции (взаимоисключение).

Понятийная, концептуальная хронология подразумевает порядок следования семантических процессов, представленных в виде целостного континуума. Подобный тип отношений проявляется в следующих цепочках: *учить – знать – забыть – вспомнить; родиться – жить – умереть; не работать (быть безработным) – искать работу – найти работу – устроиться на работу – работать (определенное время) – уволиться (уйти на пенсию)*. Совокупность всех звеньев определенного процесса, события, деятельности, состояния образует концептуальный (понятийный) класс, вершину которого составляет наиболее широкое понятие, которое является в функциональном плане наиболее значимым и реализуется в наиболее разветвленной системе языковых единиц или блоков лексем. Так, в цепочке «родиться – жить – умереть» центральное место отводится понятию «жить», которое имеет в языке многоаспектные и разноплановые проявления.

Расщепление концепта связано с разделением общего на частные понятия меньшего объема – концепты, которые передают широкий

спектр отношений бытия, деятельности, движения, речи и т.д. и формируют особые объединения лексем – функционально-семантические цепочки. Последние представляют собой «пучки смысла», отражающие типы знаний, особым образом структурированные в процессе познания. Частные значения существенно дополняют исходную концептуальную основу функционально-когнитивной сферы. Так, концепт «жить» реализуется через конкретизацию разнообразных сфер проявления жизни человека. Это жизненный путь, периоды жизни и возраст, события, судьба, окружающая действительность, жизненные потребности, привычки.

Понятие «родиться» расщепляется на следующие процессуальные проявления бытия: *расти/вырасти, стареть, состариться* – и проявления родственных отношений: *мать, отец – дети, сын, дочь – бабушка, дедушка – внук, внучка, внуки* и т.д.

Концептуальная (внутренняя) деривация выражает отношения производности, которые возникают между двумя синхронно сосуществующими понятиями, одно из которых воспринимается как первичное, мотивирующее, а другое – как вторичное, мотивированное. Концептуальная деривация вычленяет понятия, связанные с проявлением событийного аспекта концепта, и имеет опору на актанты (участники) события. Например, макроконцепт «жить» связан с обозначением субъекта (*житель, жилец, горожанин, москвич*), объекта-соучастника (*жить с родителями, с семьей*), места (*жить в городе, в особняке, в общежитии*).

Понятие «житель», которое вычленяется из общего концепта «жить» в свою очередь дифференцируется на выражении значений разного объема, связанных с указанием места бытия человека: *земляне, инопланетяне; африканцы, европейцы, азиаты; австрийцы, корейцы, россияне; горожане, деревенские жители, селяне, москвичи, провинциалы; жители улицы, района, квартала; жильцы дома, общежития*.

Конкретизация суперконцепта представляет собой ступенчатый процесс. На первой ступени актуализация глобального понятия осуществляется в смысловой структуре исходного многозначного глагола, то есть это внутрисловная актуализация. В качестве языкового средства различных типов знаний, реализующихся на первой ступени актуализации, выступают когнитивные модели, которые на поверхностном уровне опираются на синтаксические конструкции, отображающие актантные или валентностные связи глаголов. В них реализуются ситуации, связанные с общим понятием: *жить где* –

место, *жить с кем* – объект-партнер, *жить на что* – средства существования, *жить как* – оценка, *жить как долго* – темпоральность, *жить ради чего* – цель. Ср. также: *говорить что, о чем* – объект содержания, *говорить кому* – адресат, *говорить как, каким голосом, каким тоном* – интенсивность (*громко/тихо*), состояние (*спокойно, взволнованно; извиняющим тоном, дрожащим голосом*) и т.д. Как видим, на первой ступени актуализации суперконцепта проявляются актантные связи базового глагола, обусловленные набором его лексико-семантических вариантов.

Когнитивный подход позволяет выстроить иерархию лексико-семантических вариантов многозначного глагола с учетом их частотности и особенностей функционирования. В функционально-когнитивном словаре при подаче материала реализуется иерархический принцип организации структуры многозначного глагола, каждый лексико-семантический вариант которого притягивает к себе таксономический блок существительных и предопределяет их объем. Например, в функционально-когнитивной сфере «жить» наиболее обширным является блок лексем со значением локальности, реализующий актантную связь *жить где*: это название континента (*жить в Европе, в Австралии*), стран (*жить в Англии, в России*), населенных пунктов (*жить в городе, в деревне; в Москве*), жилищ (*жить в частном доме, в однокомнатной квартире, в особняке*).

В силу действия интерпретирующей функции языка в функционально-когнитивном словаре различные аспекты макроконцепта, кроме базовых глаголов *жить, работать, двигаться* и др., выражаются абстрактными существительными: *жизнь, работа, движение* в сочетании с различными классами прилагательных. Субстантивные лексемы, употребляющиеся без опоры на субъект-деятель или носитель состояния, имеют более абстрактное содержание: *жизнь – человеческая; новая, старая, повседневная, обычная, оседлая, кочевая; теперешняя, ушедшая*. Словосочетания дифференцируются по направленности на разные аспекты бытия, деятельности человека и дополняют функционально-когнитивный потенциал глаголов. В словосочетаниях существительного *жизнь* с прилагательными выражается оценка самого разного характера: 1) имеющая событийную ориентированность – *жизнь бурная* «полная различных событий, волнений»; 2) выражающая состояние – *жизнь спокойная* «протекающая в спокойствии, в состоянии душевного равновесия, покоя, ничем не нарушаемая»; 3) указывающая на условия протекания – *жизнь трудная, тяжелая* «выдерживаемая, переносимая»

с трудом, полная тяжелого труда, забот, лишений». Ср.: *жизнь легкая, нелегкая, сносная, радостная, прекрасная, беззаботная, беспечная, бесшабашная, счастливая, полноценная, обеспеченная, сладкая, несладкая, скверная, горькая, горестная, неустроенная, тревожная, напряженная, беспокойная, суровая.*

По нашему глубокому убеждению, функционально-семантическая сфера представляет собой принципиально новый лексикографический тип, если под этим понятием иметь в виду группу лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, синтаксическое, сочетаемостное и т.п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания и которое требует поэтому единообразного описания в словаре.

Итак, можно надеяться, что намеченные пути динамического описания функциональных сфер будут способствовать составлению функционально-когнитивного словаря - идеографического словаря активного типа.

Литература

- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003.
Денисов П.Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
Жолковский И.А., Мельчук А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка : Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.
Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М, 1996.
Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания. М., 1986.
Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира). СПб, 2011.
Человеческий фактор в языке : Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin und Leipzig, 1933–1934.
В. 1.
Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. London, 1961.

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ XIX ВЕКА)**

А.В. Уланов

Ключевые слова: дискурс, прагмастилистические особенности, диахрония, жанр, лингвистический источник, интенция.

Keywords: discourse, pragmastylistic peculiarities, diachrony, genre, linguistic source, intention.

Понятия дискурса, его дефиниции, функционирования – чрезвычайно актуальны в современном языкознании. В лингвистическом понимании дискурс – это текст, состоящий из тесно взаимосвязанных между собой коммуникативных единиц языка, «связная последовательность речевых актов» [Григорьева, 2007, с. 10], а также текущая речевая деятельность в какой-либо сфере. В.С. Григорьева [Григорьева, 2007, с. 10] приводит следующее определение дискурса: «Дискурс – это лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия; б) участников социального взаимодействия; в) социальные нормы и конвенции; г) культурологические представления и формы». «Дискурс возникает под влиянием определенных целей и ограничений. Их набор можно в некотором смысле отождествить с интенциями (замыслами) автора текста, нормами изложения, экстралингвистическими условиями, а также с архетипами коммуникантов» [Пихтовникова, 2009, с. 49].

Дискурс как речевое образование – это знаковая система, с одной стороны, с другой стороны, – вербализация и объективация его содержания – это «когнитивный процесс, рождающийся в процессах познания и восприятия мира» [Григорьева, 2007, с. 41]. Фундаментом дискурса, его основополагающим элементом является концепт. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, «знание когнитивных структур, связанных с языковым знаком, предшествует дискурсу: если человек знает языковой знак, он знает и его категориальное значение, а в ситуациях, когда он создает знак, он тоже должен подвести знак под определенную категорию, – вне этой операции акт номинации состояться не может. Дискурс только подтверждает, какая структура

знания и в каком виде была в нем использована» [Кубрякова, 1997, с. 183]. Таким образом, понятие «дискурс» имеет глубокое семиотическое, когнитивное и лингвокультурное содержание.

Дискурс обладает так называемыми универсальными чертами [Григорьева, 2007, с. 43]: интенциональностью (направленностью высказывания на достижение определенной цели); целостностью (непрерывной смысловой связанностью его компонентов, которая складывается из некоторых содержательно-структурных компонентов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса); связностью (дискурсивной континуальностью, обусловленной специфическими закономерностями, правилами, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка); хронотопностью (репрезентацией и восприятием пространственных и темпоральных отношений); информативностью (поскольку обмен информацией является одним из неизменных условий осуществления коммуникативного акта); процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью.

Одной из разновидностей дискурса является военный дискурс. Наряду с общими признаками, присущими всем видам дискурса, военный дискурс обладает такими специфическими чертами, как:

– межвременной актуальный характер. Речь военнослужащих имела место во все времена, однако в каждый период она обладала свойственным тому времени колоритом;

– ярко выраженная маскулинность семантики – «служба в армии и участие в боевых действиях традиционно считаются одними из основных средств формирования настоящей мужественности» [Данилова, 2004, с. 10]. На эту черту военного дискурса указывают многие исследователи языка военного дела, а также ученые-психологи и социологи, изучающие военный дискурс как в современном, так и в межвременном ракурсах. Эта экстралингвистическая черта военного подъязыка вызывает интерес и у представителей других гуманитарных наук, в частности, гендерологии. Как замечает О. Шабурова [Шабурова 2005, с. 110], армия «остается главной гендерной технологией по производству мужественности»;

– тесная взаимосвязь с другими, смежными видами дискурса – военно-политическим [Андреев, 2011], военно-патриотическим, а также с теми видами дискурса, с которыми военный дискурс связан на лингвистическом уровне (метафорическими моделями, метафоризацией – например, спортивным дискурсом [Мальшева, 2009]).

Универсальные черты дискурса находят в военном дискурсе особое выражение. Так, хромотопность военного дискурса проявляется в регулярной отнесенности языка военных (а отсюда и их реальности) к *месту* и *времени* военной службы. Локальное размещение военнослужащих, время начала службы, время окончания службы (увольнение в запас) создает спектр пространственно-временных значений военного дискурса.

Авторитетность как признак дискурса также находит в военном дискурсе специфическое выражение. Жизнедеятельность военных подчинена волеизъявлению вышестоящих должностных лиц, авторитету нормативных актов, регламентирующих военную службу.

В центре нашего исследования военный дискурс в процессе его формирования и трансформации. Коммуникативные единицы военного дискурса функционируют в военном подязыке национального языка всех периодов его истории, однако его формирование приходится на середину – вторую половину XIX века. О дискурсивности языка военных в тот период говорит использованная нами база источников (делопроизводственных материалов, а также материалов публицистического и историко-теоретического характера). Тексты документов-источников подтверждают наличие спектра коммуникативных средств языка, являющихся способом передачи военного опыта и жизни военных XIX века.

Эмпирическую базу для исследования русского военного дискурса предыдущих эпох – в частности, XIX века, составляют военно-служебные документы, военно-теоретические и военно-исторические произведения (мемуарная проза, дневники, хроники, «хронологии», исторические труды).

Все указанные источники дифференцируются на:

- источники официального происхождения – документы служебного (военного) делопроизводства: *Положение о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ*¹ [прим. 1] и *Тобольскомъ конномъ полку* [1.8]; *Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска* [1.2]; *Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска* [1.9]; *[Донесеніе] Об отмѣнѣ наряда внутреннослужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми* [1.7] и др.

¹ Кириллический «ять» передаем знаком «Ѣ».

• источники неофициального происхождения – мемуарная проза, военно-исторические произведения, хроники и т.д. Примеры источников неофициального происхождения: *И. Дебу. О кавказской линии* [1.3]; *Исторія 22-го Пхотнаго нижегородскаго полка 1700–1800* [1.5].

Тексты документов официального происхождения отличаются: регламентированным и стандартизованным характером изложения, подчиненностью определенной структуре; насыщенной информативностью – статистической, фактической, хронологической; многогранностью фактического материала (характеризует различные стороны жизни военнослужащих); отражением этапов военной службы. Текстам материалов неофициального происхождения свойственны: свободный характер языка изложения, «непривязанная структура»; преобладание описательных компонентов высказывания; многогранность фактического материала – характеризует различные стороны жизни военнослужащих.

Документы официального происхождения делятся на:

1) организационные документы – имеют организационно-устанавливающий характер, оговаривают структуру военного подразделения, особенности его создания и функционирования:

– *положение* – организационный документ, устанавливающий правила организации и функционирования военного подразделения: *Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку* [1.8]; *Высочайше утверждено Положеніе о военной службѣ Донскаго казачьего войска, достигшаго къ тому времени около 320000 душъ обоего пола* [1.6, с. 55].

– *расписание, штатъ* – расписание (таблица) числа чинов военного ведомства (подразделения) с указанием полагающегося каждому чину казенного содержания: *Примѣрное росписание наряда людей, требующагося ежегодно отъ Тобольскаго Пѣшаго казачьяго баталіона* [1.8, содержание]; *Штатъ Тобольскаго коннаго полка* [1.8, содержание];

– *инструкція* – документ, устанавливающий обязанности и права военнослужащего определенной должности: *инструкція коннымъ командирамъ* [1.10, с. 5];

– *наставленіе* – документ, носящий рекомендательный характер, предназначенный для лиц, занимающих высшие должности в армейской иерархии: *Наставленіе генераль-адъютанту и обязанности флигель-адъютантовъ* [1.10, с. 5];

2) справочно-информационные документы:

а) фиксируют отчетную информацию, отражают фактические данные:

– *актъ* – «бумага, заключающей в себе постановление, решение, сделку, свидетельство, грамоту, документ, письмо» [2.3, т. 1, с. 22];

– *арматуръ, арматурныя списки, арматурная тетрадь* – перечни предметов вооружения, обмундирования: *адъютантъ Шепелевъ (...) обязан самъ лично за своимъ подписомъ выдавать каждому уряднику и казаку арматурную тетрадку* [1.9, л. 85];

– *табель: Общая перечневая полковая табель* [1.9, л. 83].

Сюда примыкают документы, относящиеся к финансовой деятельности военного подразделения: *расходъ (воинскимъ чинамъ); отчетъ; списки.*

б) отражают личный состав военного подразделения, задействованы в военно-учетной деятельности военного подразделения:

– *формулярные списки: формулярные списки о нижнихъ чинахъ, подлежащихъ къ перечисленію за выслугу лѣтъ а) изъ строевыхъ на внутреннюю службу и б) увольненію отъ службы* [1.2, л. 15];

в) участвуют в деловой коммуникации внутри подразделений: *донесеніе, извещеніе, отношеніе, рапортъ: Командира 2 Казачьяго полка подполковника Баковскаго (...) рапорт* [1.9, л. 93].

3) распорядительные документы – имеют организационно-распорядительную функцию: *приказъ по войску; разрѣшеніе; распоряженіе; предписаніе* – распорядительное уведомление: *требуемая циркулярными предписаніями Высшего Высокоблагородія отъ 23 и 27 числа декабря 1848 года съ № 6313 и 6378^м свѣденія в комиссію не представлены по настоящее время* [1.9, л. 93];

– *учрежденіе* – постановление, распоряжение: *Генеральное учрежденіе о сборъ рекрутъ* [1.10, с. 5]);

Военно-дипломатические документы – являются средством заключения мирных соглашений между враждующими сторонами: *трактатъ; договоръ; декларация; конвенція; нота: несмотря на изъяснительную конвенцію* [1.5, с. 345].

Указанные документы ранжируются по принципу объективности; наибольшей степенью объективности обладают источники, относящиеся к организационным и распорядительным. В деловой переписке присутствует элемент субъективности, что вызвано типом речи источника – чаще всего он относится к рассуждению.

В рамках изучения русского военного дискурса важно проанализировать текст документа-источника с позиции прагмастилистики. М.Н. Кожина заключает: «Прагмастилистика изучает закономерности речевого воздействия на адресата в определенных ситуациях общения, вопросы определения истинных намерений говорящего (подтекст) и способов достижения ожидаемого (перлокутивного) эффекта» [Кожина, 2008, с. 48]. Прагмастилистика – междисциплинарная наука, затрагивающая вопросы функционирования коммуникативных единиц на границе языкознания, коммуникативной лингвистики, риторики, герменевтики, текстологии. Именно прагмастилистика изучает то содержание, которое скрыто в речевом акте: интенции – намерения говорящего, целенаправленность и целеполагание его речи.

Сложность применения прагмастилистического анализа к дискурсивным моделям другой эпохи состоит в отсутствии *текущей* ситуации общения, однако элементы коммуникации функционируют как в незафиксированном речевом акте, так и в зафиксированном – письменном речевом произведении, чем и является большинство источников русского военного дискурса. Цель исследователя состоит в фиксации интенций автора документа-источника, в определении его стилистической задачи. Тем самым, намерение (интенция) становится прагматическим значением текста (определение В.С. Григорьевой [Григорьева, 2008]).

С позиции прагмастилистики важно определить стилистическое и прагматическое расхождение официальных и неофициальных источников военного дискурса. Обратимся к анализу языковых средств с целью выяснения данного расхождения.

Язык официальных источников – структурированный текст, оформленный в соответствии с нормами в официально-деловом стиле; язык неофициальных источников примыкает к публицистическому стилю либо к художественному стилю. Основное намерение автора официального текста – *сообщить*, в то время как автора неофициального текста – *рассказывая, воздействовать*. Помимо этого субъективность изложения делает публицистический текст неофициальных источников эмоционально-экспрессивным, что отличает от выдержанного стиля изложения официальных источников.

Официальные источники русского военного дискурса XIX века связывают язык военных с деловым дискурсом – военная концептосфера репрезентируется в официально-деловой речи, формируемой в рамках делопроизводственных операций: деловой

переписки, составления, согласования, утверждения деловых документов военных подразделений.

Сравним в прагматилистическом отношении «Историко-статистический очерк Оренбургскаго казачьяго войска съ приложениемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ» (далее *Очеркъ*) и «Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку» (далее *Положеніе*). Оба источника созданы в XIX веке. Характеризуя одну предметную область – казачье военное подразделение, однако отличаясь по признаку официальности/неофициальности, источники имеют стилистические сходства и различия.

Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку (СПб. 1849) относится к распространенному в XIX веке жанру военного делопроизводства – положению – и охватывает организационные и учредительные аспекты деятельности Тобольскаго батальона и конного полка.

В экстралингвистическом плане источники похожи – отраженные реалии однородны: и Очерк, и Положеніе фиксируют деятельность соответствующих военных подразделений. Однако Очеркъ не привязан к определенному времени – автор делает «бъглый взглядъ на историческое развитіе восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Московскаго государства», в частности на «*появленіе в [Оренбургскомъ] краѣ четырехъ группъ казаковъ и ихъ значеніе*» [1.4, оглавление]. К тому же автор очерка останавливаются на сведениях, напрямую не относящихся к военной службе, однако связанных с ней, в частности, на географическом и топографическом описании земли Оренбургскаго казачьяго войска, домашнем быте, нравах казаков. Очерк имеет скорее энциклопедический, нежели собственно отчетно-статистический характер.

Автор очерка преследует цель всеобъемлюще *описать* положение войска, остановившись на положительных и отрицательных моментах его развития. Кроме того, автор очерка в некоторых моментах склоняется к анализу полученных данных. Положение в строго выдержанной, предписательной форме кратко фиксирует правила управления военным подразделением.

И очерку, и положению характерны общие особенности военного дискурса XIX века:

1. Отражение военной концептосферы XIX века. Так, один из репрезентируемых концептов – 'управление военным подразделением'

реализуется в схожих, однородно коммуникативно построенных контекстах:

Очеркъ: *В военно-административномъ отношеніи Оренбургское казачье войско подчиняется командующему войсками Казанскаго военного округа, но по войсковой хозяйственной части – непосредственно главному управленію казачьихъ войскъ* [1.4, с. 158].

Положеніе: *Управленіе баталіона и полка подразделяется на главное и мѣстное. Главное управленіе принадлежитъ Командирующаго отдѣльнаго Сибирскаго корпуса* [1.8, с. 21]

Реализация концепта 'Состав военного подразделения' так же аналогична.

Очеркъ: *На основаніи Высочайше утвержденного положенія о военной службѣ казаковъ Оренбургскаго войска служилый составъ подразделяется на три разряда: приговорительный, строевой и запасный* [1.4, с. 185].

Положеніе: *Составъ баталіона и полка определяется прилагаемыми штатами* [1.8, с. 3]

2. Экстралингвистическая закреплённость понятий (в «дискурсивной» терминологии – хромотопность дискурса) – пространственная (географическая) и временная зависимость понятий – связана со спецификой военной службы (постоянным перемещением). Приведем примеры контекстов, отражающих временную закреплённость:

Очеркъ: *Все казаки по достиженіи 18-лѣтнаго возраста, зачисляются в приговорительный составъ* [1.4, с. 185]. Положеніе: *Съ достиженія 19 лѣтъ всѣ малолѣтки зачисляются въ казаки и приводятся к присяге* [1.8, с. 21]

3. Наличие понятийных оппозиций.

*Списочное состояніе генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ образуется изъ всѣхъ лицъ **войскового и невойскового сословія**, имѣющихъ офицерскіе чины, находящихся какъ на службѣ в строевыхъ частяхъ, такъ и въ войскахъ на льготѣ* [1.4, с. 186].

Составители Очерка и Положения при коммуникативном и стилистическом построении текстов используют различный фонд языковых средств. Так, в Очерке доминирует общеупотребительная, а не специальная лексика. Автор Положения в большей степени ориентируется на терминологическую лексику. Сравним фрагменты текста о доходах военных подразделений.

Очеркъ: *Средствами к поддержанію и развитію благосостоянія Оренбургскихъ казаковъ служатъ: 1) пользованіе предоставленными*

имъ угодьями, 2) занятіе разными промыслами, 3) торговля [1.4, с. 159]. Положение: *В доходы баталіона и полка поступаютъ: а) Прибыль отъ отдачи въ оброчное содержаніе запасныхъ земель и рыбныхъ ловель; б) Сборъ с перевозовъ на земляхъ; в) Сборъ с казаковъ* [1.8, с. 40].

В то же время в очерке активно применяются стилистически маркированная лексика, образные средства языка, стилистические фигуры, например, перифрастические выражения, специфическая фразеология (*быть в боевой готовности*):

Данные эти показали, что общія боевые силы войска составляютъ 40792 всадника, или 25,2 всего населенія мужского пола [1.4, с. 189].

В тексте встречается высокая, торжественная лексика:

Оренбуржцы, слѣдуя примѣру своихъ славныхъ предковъ... въ тяжелья для отечества години, съ безавѣтнымъ самоотверженіемъ изъ среды своей всѣхъ наличныхъ товарищей посылали въ ряды арміи туда, гдѣ того требовали нужды Государства [1.4, с. 189–190].

Субъективность авторской позиции обнаруживается в намерении установить «пробелы» в деятельности войска предыдущих периодов: *Вообще нужно замѣтить, что казаки первое время учились гдѣ и какъ случится* [1.4, с. 170].

Нечеткость формулировок свидетельствует об их реальной или потенциальной многозначности. Так военное министерство называется автором очерка по-разному: военное Вѣдомство, войсковое ведомство.

Изучив прагматические и стилистические особенности документов-источников военного дискурса XIX века, мы пришли к следующим выводам. С позиции прагматики текста указанные материалы обладают следующими признаками:

– дифференцированность интенциональности источников. Документы разных делопроизводственных жанров имеют разную делопроизводственную и коммуникативную функции: цель составителя документа - сообщить (отчет), доложить (рапорт), обязать (приказ, предписание, распоряжение), в некоторых случаях – предложить, рекомендовать.

– влияние интенциональности источника на стилистическое оформление источника: преобладание соответствующих ситуации коммуникативных средств. Например, спектр однородных языковых средств используется в распоряжении по войску:

1. Глаголы со значением волеизъявления (в форме инфинитива или повелительного наклонения): *поставлено в обязанность доставить Г. Шепелеву подробныя имянныя Арматуры* [1.9, л. 176];

2. Наличие существительных со значением «волеизъявление», «повеление»: распоряжение, предписание.

Стилистика официальных источников обусловлена прагматической стороной документов: выбор языковых средств обусловлен задачей составителя документа и преобладанием цели информирования / воздействия / волеизъявления.

Литература

Андреев Н.И. Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык // Вестник Московского университета. Сер. 22. 2011. № 1.

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса : прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов, 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусскаго языка. СПб.-М., 1903.

Данилова Н.Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы : мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М., 2008.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Мальшова Е.Г. Метафорическая модель 'Спорт – это война' в журналистском спортивном дискурсе // Вестник ТГУ. 2009. № 328.

Пихтовникова Л.С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматическом аспекте // Вестник ХНУ. 2009. № 848.

Шабурова О. Война, солдат и песня: национально-патриотический дискурс в конструировании российской маскулинности // Гендерные исследования. 2005. № 13.

Источники

1.1. Всеподданыйшій отчетъ о состоянїи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ. Омскъ, 1879 (фонд ОГОНБ им. А.С. Пушкина).

1.2. Дело канцеляріи Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска. Ф. 235. Оп. 1. Д. 5 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).

1.3. Дебу И. О Кавказской линїи к присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ или Общїа замѣчанїа о поселенныхъ полкахъ, ограждающихъ Кавказскую линїю, и о соедѣнненыхъ горскихъ народахъ. Съ 1816 по 1826 годъ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7596/394230/>

1.4. Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска съ приложенїемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4675/57681/>

1.5. Исторїа 22-го пѣхотнаго нижегородскаго полка 1700–1800. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4613/56667/>

1.6. Казачьи войска : хроники гвардейскихъ казачьихъ частей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book4722/58097/>

1.7. Об отъѣздѣ наряда внутреннеслужащихъ казаковъ в заграничную службу с лошадьми и др. Ф. 235. Оп. 1. Д. 5 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).

1.8. Положение о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб., 1849.

1.9. Разная переписка наказного атамана Сибирского казачьего войска. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).

1.10. Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3157/10069/>

1.11. Сибирское казачье войско. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ за 1876 годъ... Омскъ, 1877 (фонд ОГОНБ им. А.С. Пушкина).

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ В ТЕКСТАХ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ

Л.А. Инютина

Ключевые слова: летопись, семантическое поле, лексическая единица, имя собственное.

Keywords: chronicle, semantic field, lexical unit, proper name.

Летописный язык традиционно рассматривается как составляющий центр народно-литературного языка. Летописи (в собственно летописной части) – «функционально главенствующие источники, содержательно наиболее четкие, тематически (лексически) наиболее независимые» [Панин, 1995, с. 93]. Представление о пространстве и особенностях его выражения в семантике лексических единиц¹ (ЛЕ) русского языка Западной Сибири XVII – XVIII веков, безусловно, должно быть исследовано на региональном летописном материале, относящемся к этой поре.

Источником нашего исследования стала Есиповская летопись основной редакции – «наиболее авторитетное сочинение на сибирскую тему из числа упоминаемых в исторической литературе» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2004, с. 77]. Важно, что Есиповская

¹ ЛЕ мы называем лексемы и устойчивые словосочетания, которые выражают, как и слово, единое понятие, обладают различными видами лексических свойств (структурно-семантических, системных, функциональных и пр.) и являются регулярными в языке в различные периоды его развития [Блинова, 2011; Голев, 1979; Климовская, 1973; Торопцев, 1970].

летопись большинства ее вариаций (первая треть и вторая половина XVII века) является историческим повествованием, защищенным авторитетом и канонами «книжной школы», и имеет официальный для данного исторического момента характер текста [Дергачева-Скоп, 2000, с. 22]. Исследователи, историки и лингвисты, отмечают, что в этом произведении, цельном идеологически и исторически, сибирские события рассматривались как общегосударственные, свидетельствующие о царственности Москвы [Дергачева-Скоп, 2000, с. 9; Ромодановская, 2002, с. 100–101; Зуев, 2007, с.10–11].

Вместе с тем Есиповская летопись, как известно, в своем основании и в основании официального сибирского летописания вообще имеет концептуальное произведение о походе Ермака в Сибирь – так называемую повесть «О Сибири» [Дергачева-Скоп, 2000, с. 9]. Савва Есипов, дьяк Тобольского архиерейского дома, создавая летописное сказание о покорении Сибири, определяет свою задачу так: написать, как «взята Сибирь от православных христиан, от русского воинства в наследие российского скиптродержательства», «о храбрости русского полка, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым и о поставлении градов в Сибирстей земле и о создании церквей православных» [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2004, с. 78]. Таким образом, Сибирь (описание сибирских земель, события сибирской истории и «сибирского взятия» и пр.) – в центре повествования Есиповской летописи.

Объектом оперирования в работе стали ЛЕ (собственные и нарицательные) в данном тексте. Выборка составила 653 ЛЕ (3593 ЛЕ-употребления).

Предметом изучения является семантика и семантические отношения ЛЕ в этом летописном тексте, определенные в ходе анализа как релевантные для семантического поля пространства и рассмотренные как языковое воплощение понимания пространства русскими людьми XVII века.

Цель статьи – реконструкция ближней периферии ‘Царство-государство – Сибирь’ семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи и выяснение места и роли имен собственных в экспликации семантических парадигм, формирующих его.

Используемые в работе теоретические понятия (пространственная картина мира; понятие пространства и места; метод полевого анализа лексики, признаки семантического поля) определены, и методика реконструкции семантического поля в

диахронии по данным памятников письменности описана в наших статьях [Инютина, 2008; Инютина, 2009].

Семантическое поле пространства реконструировано как состоящее из ядра (семантическая парадигма (СП) 'Пространство – царство-государство') и трех периферийных семантических сфер I «Московское царство, Сибирь», II «Физическое пространство, простор», III «Перемещение в пространстве». Анализ лексического выражения пространственных понятий в текстах Есиповской летописи (место, объекты, занимающие определенное место или имеющие протяженность, перемещения субъектов и объектов в пространстве) показал, что семантическая сфера I наиболее представительна: 302 ЛЕ (46,2%), или 1638 ЛЕ-употреблений (45,6%).

Каждая семантическая сфера структурирована СП, составляющими ближнюю и дальнюю периферии. В семантической сфере I «Московское царство, Сибирь» СП ближней периферии – 'Царство-государство – Сибирь'; СП дальней периферии: 'Царство-государство – его территории', 'Царство-государство – чужие территории', 'Царство-государство – власть', 'Царство-государство – вера', 'Царство-государство – человек, герой', 'Царство-государство – чужой человек'; в семантической сфере II «Физическое пространство, простор» СП ближней периферии – 'Пространство – место, сторона'; СП дальней периферии: 'Место, сторона – география территории', 'Место, сторона – поселение', 'Место, сторона – жить' и др.; в семантической сфере III «Перемещение в пространстве» СП ближней периферии – 'Пространство – путь'; СП дальней периферии: 'Путь – идти, пойти (перемещение субъектов)', 'Путь – послать (перемещение объектов)', 'Путь – драка' и др.

СП 'Царство-государство – Сибирь' по преимуществу структурирована референтными значениями имен собственных [Суперанская, 2007, с. 261–263], называющих весь край (*Сибирь* (47¹), *Сибирская земля* (19), *Сибирское царство* (22), *Сибирская страна* (8) и под.), а также поселения (*Тобольск* (22), *Тюмень* (16), *Тюменской город* (5), *Березов* (10), *Кузнецкий острог* (7), *Томской* (5), *Томской город* (4), *Назимской городок* (1), *Булугацкий улус* (1) и др.), реки и озера (*Байкал* (7), *Телесское озеро* (1), *Иртыш* (40), *Обь* (27), *Тура* (24), *Тобол* (15) и др.), горы и степи (*Камень* (10), *Сомаровы горы* (3), *Колмыцкая степь* (1) и пр.) на этом огромном пространстве за

¹ Число в скобках обозначает количество словоупотреблений.

Уралом. Из 144 ЛЕ, выражающих данную СП, лишь два имени прилагательных (*сибирский* (7) и *иртышский* (1)) не являются попергорт. Они, выполняя, наряду с апеллятивами, номинативную функцию, выполняют в исследуемых текстах и функцию идентификации объектов (выделение, дифференциация, координаты) [Вланар, 1970, с. 164]. Эта специальная ономастическая функция является экстралингвистической по своей сути, как и другие ономастические функции (идеологическая, эмоциональная, харизматическая, ритуальная и др.), поскольку их выявление «требует пристального внимания к именуемым объектам, а они являются данностью экстралингвистической» [Суперанская, 2007, с. 274].

Следует отметить, что в исследуемых текстах Сибирских летописей отражена история лексемы *Сибирь*. Ею именуется столичный город татарского царя Кучума, который, будучи побежденным Ермаком с дружиною, «град же свой Сибирь остави пуст» [Сиб. л.¹ ПСРЛ, т. 36, с. 55]. Слово *Сибирь* зафиксировано в таком значении в 15 контекстах: *Ермак же с товариши возвратися во град Сибирь* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 57]; *В то же время бысть во граде Сибири глад крепок* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 60]; *...прииде Карача со многими воинскими // людьми и облегоша град Сибирь обозами, и табары поставиша* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 62] и др.

В летописях в три раза больше контекстов, в которых словом *Сибирь* (47) называются «все области, как ближайшие, так и далеко отстоящие от этого городка (на месте впадения Тобола в Иртыш)»: Прииртышье и все территории к востоку от Урала-Камня [Аникин, 2000, с. 493]. Например: *Начася царство бесерменьское в Сибири, и чесо ради Сибирь наречеся...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 42]; *По князе же Мамете // княжил на Сибири Ябалаков сын Агиши* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 48]; *Царь же Кучюм царст[во]ва в Сибири лета доволна...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 48]; *О побое, како уби Ермака и казаков, и о помете Сибири* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *О приишествии воевод и воинских людей с Москвы в Сибирь* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 43]; *...поставлен бысть в Сибири, в Тоболск, первый // архиепископ Киприян...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 70]; *Гради [же] сибирстии имянуеми кишждо их по смотрению и по прилучию, [и по*

¹ Сиб. л. – Есиповская летопись основной редакции.

древнему] именованию; *обще же Сибирь именуется...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 47]. Таким образом, в анализируемых текстах зафиксирована омонимия имен *Сибирь* (город) и *Сибирь* (край), так как они соотносятся с денотатами, принадлежащими к разным объектам.

Проприальные ЛЕ *Сибирское царство* (22), *Сибирская земля* (19), *Сибирская страна* (8), *Сибирское государство* (3) именуют в летописях один и тот же объект – территорию Сибири – и являются ономастическими синонимами, или полионимами. Мы согласны с мнением ономатологов о том, что «синонимия собственных имен – это принципиально иное явление, не опирающееся на связь с понятием и базирующееся лишь на тождественности объектов, которые служат своеобразными центрами, вокруг которых концентрируются имена» [Суперанская, 2007, с. 300].

Названные имена имеют различия в употреблении. Оним *Сибирское царство* отмечен в качестве наименования Сибири до «взятия», то есть до прихода русских людей, когда это еще татарское царство Кучума: *...есть царство, рекоемое Сибирское, в нем же живяше царь Кучум* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *И прииде под то царство Сибирское и быша с ними бои многие по многие дни. И божиим изволением взяша царство Сибирское* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т[ата]рского...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 42].

Онимы же *Сибирская страна* и *Сибирское государство* называют тот же пространственный объект, уже взятый Ермаком и его дружиной, с поставленными русскими людьми городами, имеющий связи с далекой Москвой: *О Сибирьстей стране, како изволением божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 42]; *В Степенной книге в 17 степени во царствии благочестиваго государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, всеа России самодержца, о Сибирской стране написано...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *Подлинное аписание Сибирского государства городом и островом, и рекам <...> и сколько государство Сибирское отстоит от государьства Московского...* (XVII втр) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75].

Однако гораздо большее количество семантических признаков интегрирует этот ряд полионимов.

1) С административно-политической точки зрения, названные онимы идентифицируют Сибирь как относящуюся к России, то есть находящуюся под властью российского царя, но настолько большую и далекую, что она представляется отдельной страной: *А сам нача подводити под царскую руку всю Сибирскую землю и иные многие государства* (1649 г.) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *Егда же изволил бог предати християном Сибирскую землю и по взяти[и], того же лета Ермак с товариши послаша к Москве [соунчом атамана и казаков]* (1649 г.) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 57]; *Сих же царств, Росийскаго и Сибирьские земли...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 43–44].

2) Онимы отождествляют данное пространство, с культурно-религиозной точки зрения, как земли, на которых поставлены города и храмы и восторжествовала истинная вера: *...о поставлении градов в Сибирьстей земли и о создании церквей православных...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 42]; *...множество православных разсеяшася по лицу всея Сибирския // земли.* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 69]; *И иные многие города в Сибирском царстве поставил* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73] и др.

3) Данные имена идентифицируют пространство, с этнической точки зрения, как место, заселенное разными народами: *...внутрь Сибирския земли; по ней же живут татаровя* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 44]; *И придоша сии воинстии людие в Сибирьскую землю в их нечестивья улусы...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 71] и др.

4) Онимы идентифицируют Сибирь, с географической точки зрения, как территорию, лежащую далеко на востоке, за Уральскими горами, с обширными землями и многочисленными реками: *Сих же царств, Росийскаго и Сибирьские земли, облежит Камень превысочайш[ий] зело...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 43–44]; *Сия убо Сибирьская страна полунощ[ная] отстоит же от России царствующаго града Москвы многое разстояние, яко до двою тысяч поприщ суть.* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 43]; *Оттоле же иде река Тура внутрь Сибирския земли; по ней же живут татаровя* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 44]; *Царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство, рекомое Сибирское...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73] и т.д.

Относительное прилагательное *сибирский* (7) в свободной сочетаемости также обозначает пространственный признак денотатов, отражающих факт русского присутствия в Сибири (*город*,

взятие и под.): *Гради [же] сибирстии имянуеми кишжедо их по смотрению и по прилучию, [и по древнему] имянованию* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 47]; *Лета 7098-го после сибирского взятъя Ермака Тимофеева по указу великого государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа России велено быть в Сибири в Тоболску воеводе князю Володимеру Васильевичу Масалскому-Кольцову* (конец XVII века) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 74] и др.

Пространство от Северного Ледовитого океана (реки *Таз, Лена, Оленек, Колыма* и др.) до *Кузнецкого острога* и *Колмыцкой степи* на юге, от рек *Тавды, Тагила, Тобола* и др. на западе до рек *Алдана, Амура* и др. на востоке, называемое в исследуемых текстах Сибирских летописей *Сибирь, Сибирская земля, Сибирская страна, Сибирское государство*, индивидуализировано, конкретизировано референтной семантикой 136 топонимов.

Семантика ойконимов отражает в анализируемой СП 'Царство-государство – Сибирь' города, городки, остроги, острожки, уезды как выдающиеся, уникальные объекты сибирского пространства. Отражение это предельно точное. Например, ойконимы, именующие поселения, которые поставлены русскими первопроходцами по течению реки Оби: *Тобольск* (22), *Тобольской город* (1), *Сибирь* (12), *Тюмень* (16), *Тюменской город* (5), *Тюменское городище* (3), *Березов* (10), *Кузнецкий острог* (7), *Томской* (5), *Томской город* (4), *Кетской острог* (2), *Пельымь* (3), *Пельымский уезд* (2), *Епончин* (1), *Тара* (4), *Туринский острог* (9), *Верхотурье* (8), *Верхотурский город* (2), *Маковский острог* (4), *Нарым* (3), *Нарымский острог* (1), *Сургут* (3), *Ачинский острожек* (1), *Мелесский острожек* (1), *Чювашев(о)* (5) и др. Например: *И егда доиде до реки Иртыша, еще не близ града Тоболска, и абие нападе на нь трепет и ужас...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 67]; *...из городка погребли рекою Иртышью на низ до реки Оби, а рекою Обью до реки Соби и до Березова...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *И они же доидоша до Тюменского городища и поставиша первой город в Сибири Тюмень* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *И Данила прииде и постави в устьи рек Тобола и Иртыша острог, и даша имя тому острогу Тоболеск* (1649 г) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 73]; *...от царствующаго града Москвы д[о] перваго сибирского града Верхотурья две тыщчи верст* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 75]; *Вверх по Томи стоит город Томской на левой стороне, под Томским же речка Ушайка. По той же речке Томе Кузнецкой острог стоит на левой стороне* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76].

Значения ойконимов, именующих поселения, основанные русскими людьми в Сибири по течению других великих рек, также формируют СП ближней периферии I «Московское царство, Сибирь»: *Тою ж Кетью ходят судами в Енисейской острог, до Маковского острогу, от сего до Енисейскаго острогу 3 дни ходу* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *Выше Енисейского острогу // на той же реке Енисее острог Кра[сно]ярской* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *И на той же левой стороне город Мангозея стоит на реке на Тазу близ моря* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *...и по той реке Лене вверх стоит Верхоленской // острог. А вниз реки Лены стоит город Якунской и Ленской тож* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76] и др.

Семантика ойконимов, именующих поселения коренного населения Сибири, также структурирует эту СП: *Поставиша ж град Тюмень, иже прежде бысть град Чингий...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 65]; *...а от Удинского острогу до первых братцких улусов, которые живут вверх Оки реки, до Ойланского улусу 7 дней* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 77]; *Тоя же зимы Ермакове дружине без опасения идущим (...) под Ябалак* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 71] и др.

Семантика 75 гидронимов формирует СП 'Царство-государство – Сибирь'. Она отождествляет эти имена собственные с сибирскими озерами и реками от Урала до Тихого океана. В исследуемых летописных текстах зафиксированы гидронимы, названия озер: *А на Байкале озере стоят два острога, Баргузинской да Ангарской* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *А вершина реки Оби из озера Телеского с степи вышла* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]. Особенно много в наших материалах отмечено названий рек. Это гидронимы Обского, Енисейского, Ленского, Амурского и др. бассейнов: *Река же Тура вниде в реку, глаголемую Тобол; Тобол же река вниде в реку, глаголемую Иртиш. Сия же река Иртиш вниде своим устьем в великую реку, глаголемую Обь* (1649 г) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 44]; *Карача же доиде до Юльмского озера, иже вверх реки Иртиша, межь реки Тары и реки Оми...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 60]; *В реку ж Енисей впаля большая река Тонгуска, выше Енисейского острогу, вверх идучи...* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 76]; *А Шилка река впаля в реку Шинган. А Шинган впаля // в реку Амур. А Амур река впаля в моря под восток в теплую сторону* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 77] и др.

Значения оронимов (*Камень* 'Урал' (10), *Сомаровы горы* (3), *Чювашева гора* (1)) и топонимов, называющих равнинные места

Сибири (*Колмыцкая степь* (1), *Княж луг* (1) и др.), также участвуют в формировании СП 'Царство-государство – Сибирь': *Сих же царств, Росийскаго и Сибирьские земли, облежит Камень превысочайш[ий] зело, яко дося[за]ти инем холмом до облак небесных, тако бо божшими судьбами устроишь...* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 44]; *Из сего же Камени реки многия изстекоша, ови падоша к Росийскому царству, ови же в Сибирьскую землю* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 44]; *А от Соमारовых гор до Сургута своею силою бес паруса полтретьи недели* (XVII век) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 77]; *Царь же Кучюм, виде своих падение, изыде со многими людьми на висоце место на горе, рекомой Чювашеве* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 53]; *И доидоша до места, иже имянуется Княжь луг, и начаша пуцати ястребы за птицами* (1649 г) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 66].

Автор исследуемых летописных текстов точен, корректен и дальновиден в употреблении онимов. Как было отмечено, в текстах зафиксирован ойконим *Сибирь* и многократно высказана мысль о экстраполяции этого имени на все пространство, завоеванное, «взятое» Ермаком, другими воеводами, русскими казаками и воинскими людьми. В результате количества употреблений омонима *Сибирь* (край) намного превосходит количество фиксаций ойконима *Сибирь* (47 и 15 соответственно). Таким образом, в СП 'Царство-государство – Сибирь' ближней периферийной сферы I «Московское царство, Сибирь» ряд полионимов *Сибирь*, *Сибирское царство*, *Сибирская страна*, *Сибирская земля*, *Сибирское государство* отражает представление о земле Российского государства к востоку от Урала, которая, с точки зрения современных географических представлений, называется Западной Сибирью.

Согласно закону синонимической аттракции [Уллманн, 1966, с. 231], объекты, привлекающие общественное внимание, имеют для своего обозначения больше синонимов. Ономастическая синонимия (полионимия), отмеченная в исследуемых текстах, свидетельствует о общественном и даже государственном интересе к объекту *Сибирь*.

В проанализированной СП понимание пространства от Уральских гор до берегов Тихого океана выражено также значениями топонимов, отождествляющими всю эту территорию (гораздо большую, нежели только Западная Сибирь) с данными именами: *И тако распространися Сибирская земля и до великого моря акияна* (конец XVII – начало XVIII века) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 74]. Можно сказать, составлена подробная словесная географическая карта. Все эти места оказываются осмысленными в текстах Сибирских

летописей как «свое» пространство, то есть как пространство Сибири и как часть Московского царства: *В лето 7091-го благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси посла в свою державу в Сибирь воевод своих* (1649 год) [Сиб. л. ПСРЛ, т. 36, с. 59].

Как один из значимых результатов реконструкции семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи приводим выборочные данные о его структуре и лексической репрезентации (ядро и периферия I).

Ядро поля. СП 'Пространство – царство-государство' (14 ЛЕ и 94 ЛЕ-употребления): *царство* (11), *государство* (8), *страна* 'государство' (7), *держава* (3); *Русь* (10), *русский* (12), *Русия* (6); *Россия* (4), *Москва* (28) и др.

1-ая ближняя периферия «Московское царство, Сибирь».

СП 'Царство-государство – Сибирь' (144 ЛЕ и 620 ЛЕ-употреблений): *Сибирь* (47), *Сибирь* 'город' (15), *Сибирская земля* (19), *Сибирское царство* (22), *Сибирская страна* (8), *сибирский* (7) и др.; *Тобольск* (22), *Тюмень* (16), *Тюменской город* (5), *Тюменское городище* (3), *Березов* (10), *Кузнецкий острог* (7), *Томской* (5), *Томской город* (4), *Туринский острог* (9), *Верхотурье* (8), *Верхотурский город* (2), *Верхотурский уезд* (2); *Енисейский острог* (11), *Илимский острог* (4), *Красноярский острог* (9), *Турухань* (2); *Ленский город* (2), *Якутский острог* (2); *Назимской городок* (1), *Булугацкий улус* (1), *Ойланский улус* (1), *Чингий* (1) и др.

Байкал (7), *Телесское озеро* (1); *Иртыш* (40), *Обь* (27), *Тура* (24), *Тобол* (15), *Вагай* (8), *Тавда* (7), *Тагил* (6), *Кеть* (6), *Ница* (5), *Чусовая* (5), *Ишим* (3), *Томь* (4), *Бия* (1), *Катунь* (1); *Енисей* (10), *Карабазин* (1), *Ангара* (2), *Бирюса* (2), *Илим* (4), *Тунгуска* (10); *Таз* (2); *Селенга* (3); *Колыма* (1); *Лена* (13), *Алдан* (3), *Вилюй* (1); *Амур* (4), *Шилка* (2), *Шинган* (2), *Зия* (2) и др.

Камень (10), *Сомаровы горы* (3), *Чювашева гора* (1); *Колмыцкая степь* (1), *Княж луг* (1).

Дальняя периферия. СП 'Царство-государство – его территории' (4 ЛЕ и 26 ЛЕ-употреблений): *Волга* (10), *Дон* (9), *Кама* (6) и др.

СП 'Царство-государство – чужие территории' (17 ЛЕ и 34 ЛЕ-употреблений): *Казачья орда* (7), *Бухар(а)* (3), *Бухарская земля* (4), *Колмаки* (1); *Римская страна* (2), *Италия* (2), *Китайское государство* (2); *орда* (2), *кизылбаишский* (3), *латынский* (1) и др.

СП 'Царство-государство – власть' (34 ЛЕ и 152 ЛЕ-употребления): *царь* (32), *государь* (26), *самодержец* (5), *государев* (11); *Иван Васильевич* (12), *Федор Иванович* (8); *власть* (2), *область*

(1), *престол* (1); *царствовать* (1), *царский* (1), *княжить* (1), *возвести* (1), *владеть* (1), *обладать* (1), *подвести* (5), *покорить* (6) и др.

СП 'Царство-государство – вера' (35 ЛЕ и 161 ЛЕ-употребление): *бог* (22), *вера* (12), *православный*, прил. (9), *христианин* (9), *господь* (4), *божий* (3), *благочестивый* (2), *креститься* (1); *закон* (10), *церковь* (9), *грамота* (7); *кумир* (6), *капище* (1), *беззаконие* (1), *неверие* (1); *жрети* (2); *поганый* сущ. (30), *нечестивый*, прил. (6), *бусорменин* (3), *окаянный* (2), *неверный*, сущ. (1) и др.

СП 'Царство-государство – человек, герой' (27 ЛЕ и 274 ЛЕ-употребления): *казак* (61), *Ермак* (62), *воевода* (43), *атаман* (17), *воинские люди* (19), *ратные люди* (3), *воин* (2), *дружина* (4), *посол* (7); *ясачные люди* (13), *крестьянин* (8), *кочевные люди* (3), *скотные люди* (2), *оленные люди* (3); *Строганов* (4) и др.

СП 'Царство-государство – чужой человек' (27 ЛЕ и 277 ЛЕ-употреблений): *царь* (65), *Кучум* (68), *Чингис* (4), *князь* (4); *язык 'народ'* (9), *татаровя*, мн. (36), *татарин* (6), *остяки* (18), *тунгусы* (12), *бухарцы* (11), *вогуличи* (5), *калмыцкие люди* (2), *пегая орда* (2) и др.

Итак, «присвоение субъектом пространства» [Цивьян, 1990, с. 141], как обычно трактуется антропоцентричность в применении к теме концептуализации языком пространства, в исследуемом летописном тексте нашло выражение с помощью имен собственных в том числе. В трудах по теории ономастики определено понятие «ономастического поля». Это «сфера соотнесенности имени», которая «для участников речевой ситуации обычно бывает обусловлена экстралингвистически» [Суперанская, 2007, с. 281]. Нас же занимал более общий вопрос о значимости имен собственных в семантическом поле, структурированном значениями ЛЕ разной структуры, разной грамматической принадлежности, а также как нарицательных, так и собственных имен.

Установлено, что собственные имена (топонимы, антропонимы, этнонимы) являются полноправными репрезентантами семантических отношений наряду с именами нарицательными и отмечены как в ядерной, так и в периферийных сферах реконструируемого семантического поля.

Имена собственные, употребляясь рядом с нарицательными в атрибутивных, номинативных детерминативных синтагмах, не вступают в парадигматические отношения с апеллятивами. Они образуют в структуре семантических парадигм семантического поля

свои замкнутые ономастические ряды (омонимические, полионимические), каждый член которых связан с другими по ряду параметров: территория, время, тема, разновидность объекта и т. п.

Онимы могут образовывать самостоятельные семантические парадигмы как ближней периферии, так и дальней. Примером является реконструированная в работе СП 'Царство-государство – Сибирь'.

Литература

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Блинова О.И. Двусловные номинации в аспекте образности и лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1.
- Голев Н.Д. Речевые описательные наименования (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.
- Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVII – середины XVIII веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) // Тэxүчү үрaццaтaктi. Новосибирск, 2004. Вып. 1.
- Есиповская летопись основной редакции // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. Ч. 1.
- Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.
- Инютина Л.А. К методике реконструкции семантического поля по данным памятников письменности донационального периода // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4.
- Инютина Л.А. О структуре семантического поля «пашня» в текстах томских челобитных XVII века // Вестник НГУ. 2008. Сер. История, филология. Т. 7. Вып. 2.
- Климовская Г.И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII – XVIII веков // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2.
- Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.
- Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 2007.
- Торопцев И.С. Очерк русской ономастиологии (возникновение знаменательных лексических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1970.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. Москва, 1990.
- Blanar V. The Problem of personal names // *Onomastica*. Wrocław – Warszawa – Krakow, 1970. r. XV.
- Ullmann S. *Semantic universals // Universals of language*. Cambridge, 1966.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ ФОНДА КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX–НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Т.Г. Варченко

Ключевые слова: немецкая фразеология, крылатое слово, крылатое выражение.

Keywords: German phraseology, catchword, catchwords.

Вторая половина XX – начало XXI веков характеризуются радикальными и необратимыми преобразованиями в мире, ускоренным темпом жизни, интенсивным научно-техническим прогрессом и небывалым развитием средств массовой коммуникации, которые играют огромную роль в «продвижении» «массовой культуры».

Если прежний языковой обычай, «домассово - коммуникативный узус», был связан с деятельностью таких общественных институтов, как школа, театр, государственные учреждения, имеющих ограниченный охват аудитории, то «массово-коммуникативный узус» распространяет свое влияние на практически безграничную аудиторию. Совершенно очевидно, что с развитием и совершенствованием системы средств массовой информации увеличивается зависимость речевой культуры общества от текстов, предназначенных для многочисленных кино- и телевизионных фильмов, радиопьес и шлягеров, определяющих духовный профиль общей культурно-развлекательной индустрии ФРГ. Технические средства коммуникации стали материальными средствами существования «массовой культуры», каналами ее распространения.

Сами по себе средства массовой информации не являются объектом нашего исследования, но имеют значение в развиваемых нами положениях. Под средствами массовой информации мы понимаем систему фиксации и распространения информации, механизм ее тиражирования, в основе которого лежат объективные законы человеческой психики.

Радио, телевизор, видео требуют для своего восприятия только нажатия кнопки, в любой момент открывающей канал коммуникации. Огромные тиражи газет и журналов делают их доступными в любой части страны. Видеозапись позволяет хранить и размножать продукты «массовой культуры» миллионными тиражами. Телефакс избавляет от такого социального института как почта. Однако самый мощный из всех масс медиа на сегодняшний день – Интернет. Синтезируя и совмещая в

себе все виды массовых коммуникаций, глобальная сеть практически поглощает их. Газеты и журналы в большинстве случаев дублируются в Сети, можно слушать радио и смотреть фильмы, не отходя от монитора. Таким образом, средства массовой информации становятся инструментом тиражирования вкусов, запросов, потребностей, формируют новые традиции, художественные ценности и вызывают к жизни новые крылатые единицы (далее – КЕ).

Критериями принадлежности конкретной единицы¹ к “крылатым” послужили следующие факты:

1. фиксация цитаты словарем, имеющим специальные пометы об источнике, принадлежащем к произведениям массовой культуры и указанием на время появления;

2. критерии, отмеченные словарем Дуден:

- цитата должна быть хорошо известна и иметь определенную актуальность, основанную на ее содержании;
- цитата должна активно употребляться в течение какого-то периода времени;
- цитата должна иметь достоверный литературный источник или принадлежать исторической личности [Duden, 2008, с. 12]².

Последний критерий мы считаем необходимым распространить на цитаты, имеющие ссылку на тексты рекламы, телевидения, шлягеров, кинематографа. Немецкий фразеолог Х. Бургер пишет, сегодня уже не актуально рассматривать только литературные выражения, поскольку появляются «крылатые слова» из фильмов, рекламы и других «нелитературных областей языка». Решающим, по его мнению, являются ассоциации говорящего с источником употребляемого им выражения [Burger, 1998, с. 45].

Способность средств массовой информации многократно тиражировать тексты популярных шлягеров, рекламы, названия и реплики из кино- и телефильмов, передач, высказывания известных личностей и т.д., делать их достоянием многомиллионной аудитории создает тот благоприятный фон, на котором процессы перехода этих цитат в

¹ В словаре Дуден речь идет о всеобщих известных и употребляемых как готовые речевые единицы **крылатых цитатах**, авторство которых доказано, названных немецким филологом Георгом Бюхманом «крылатыми словами». [Duden, 2008, с. 11].

² Словарь Дуден отмечает, что выбор конкретной цитаты был основан на литературных источниках, языковых наблюдениях и компетентности сотрудников редакции словаря. Определяющим критерием отбора цитаты являлась ее широкая употребляемость. Тексты, происхождение которых не было доказано, не рассматривались. [Duden, 2008, с. 13]

крылатые могут завершаться в кратчайшие сроки. Огромное количество КЕ, сформировавшихся во второй половине XX – начале XXI веков, пополнили фонд крылатики¹ немецкого языка.

Например, не оставило общество равнодушным “женское движение” (*emanzipatorische Frauenbewegung*). Его активной сторонницей была 70–80-е годы исполнительница рок-песен Ина Детер. Некоторые названия ее песен стали «крылатыми». Например: «*Frauen kommen langsam, aber gewaltig*» [Duden, 2008, с. 175] – название песни 1986 года; «*Neue Manner braucht das Land*» [Duden, 2008, с. 394] – название песни 1988 года. КЕ стала так популярна, что объект, к которому она обращена, может меняться, например: «*Neue Politiker braucht das Land*», «*Neue Walder...*» и даже «*Neue Tapeten braucht die Wand*» [Duden, 2008, с. 394].

КЕ стали многие названия фильмов, театральных пьес, телепрограмм, например:

«*Blondinen bevorzugt*» [Duden, 2008, с. 87] – название фильма 1953 года с участием М. Монро и Дж. Рассела, которое стало «крылатым» и до сих пор употребляется в различных контекстах как в своей первоначальной форме, так и в трансформированном виде. Ср., например, газетные объявления: «*Nichtraucher bevorzugt*», «*Wochenendheimfahrer bevorzugt*» [Duden, 2008, с. 87].

«*Baume sterben aufrecht*» [Duden, 2008, с. 71] – театральная постановка (1950) получила широкий резонанс в обществе благодаря активной жизненной позиции и мужеству героини. Цитата очень скоро стала “крылатой” благодаря близости ее образа и идеи простым людям.

Название телевизионного фильма 1974 года «*Die Gentlemen bitten zur Kasse*» [Duden, 2008, с. 199], в котором речь идет о сенсационном ограблении английского почтового поезда, используется для характеристики ситуации, когда политики или экономисты делают жизнь среднего бюргера дороже, поднимают цены или повышают налоги.

«*Scheidung auf italienisch*» [Duden, 2008, с. 454] – название итальянского фильма 1962 года с Марчелло Мастоияни в главной роли. Цитата используется в шуточной форме, когда смерть одного из супругов воспринимается как способ развода. Лаконичная по форме, но емкая по содержанию формулировка способствовала превращению названия книги, фильма в «крылатые».

«*Der amerikanische Traum*» [Duden, 2008, с. 43] – название пьесы 1961 года американского драматурга Эдварда Олби. Так была

¹ Терминология С.Г. Шулежковой

озаглавлена в 1992 году книга Клауса Манна. КЕ используется для характеристики американского идеала богатой жизни, она отражает тривиальное клише: «в Америке могут сбыться все мечты».

«*Die Frau meiner Traume*» [Duden, 2008, с. 174] – название популярного фильма служит для обозначения идеального образа любимой женщины.

Другие примеры: «*Die Helden sind mude*» (*Les h'eros sont fatigu'es*) – немецкое название французского фильма [Duden, 2008, с. 238]; «*Dolce vita*» – название итальянского фильма [Duden, 2008, с. 136]. Фиксируют и немецкий вариант «*Su?es Leben*» [Bottcher, Berger, 1981; Kupper, 1970, 1990], «*Die Morder sind unter uns*» – название немецкого фильма [Duden, 2008, с. 381; Kupper, 1970, 1990; Bottcher, Berger, 1981], «*Manche mogen's hei?*» (*Some like it hot*) – название американского фильма [Duden, 2008, с. 352]; «*Alle reden vom Wetter, wir nicht*» – рекламная цитата Немецкой Федеральной железной дороги [Duden, 2008, с. 29]; «*Und lauft und lauft und lauft*» – рекламная цитата автомобильной модели «Volkswagen» [Duden, 2008, с. 522]; «*Nicht immer, aber immer offer*» – рекламная цитата безалкогольного пива марки «Clausthaler» [Duden, 2008, с. 395]; «*Mach mal Pause*» – рекламный слоган для Coca-Cola [Duden, 2008, с. 345]; «*Wohnst du noch oder lebst du schon?*» – рекламный слоган «Икеа» [Duden, 2008, с. 616]; «*Die Antwort kennt nur der Wind*» – название опубликованного в 1973 году и экранизированного в 1974 году романа Иоганна Зиммеля, припев песни «Blowin' in the Wind» американского поп-певца Боба Дилана [Duden, 2008, с. 48]; «*Die Presse ist die Artillerie der Freiheit*» – высказывание министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера в 1989 году [Duden, 2008, с. 430]; «*Ich bin ein Berliner*» – цитата из речи Джона Кеннеди 26 июня 1963 года [Duden, 2008, с. 257]; «*Ein lupenreiner Demokrat*» – цитата из ответа Герхарда Шредера 22 ноября 2004 года участвовавшего в телепрограмме «Beckmann» [Duden, 2008, с. 344] и др.

Тиражирование отнюдь не обязательно является «опошлением» высокого и уникального, хотя потери здесь возможны и неизбежны. Автор первой монографии по теории КЕ С.Г. Шулежкова также отмечает, что отнюдь не только «высококачественный» языковой материал получает статус крылатки, но и низкопробные, случайные единицы, зачастую обретают его, что «на процессе образования и употребления крылатых выражений последних десятилетий отразилась характерная для XX – начала XXI веков стандартизация, то есть ослабление возрастных, территориальных и профессиональных

различий в речи носителей языка, благодаря средствам массовой коммуникации. Возникает вопрос об опасности «подавления» «золотого фонда» крылатых выражений потоком новообразований, особенно в речи молодежи» [Шулежкова, 2002, с. 267]. Поэтому также интересно проследить, как в современную эпоху знакомство с тиражированными КЕ нередко ведет к глубокому проникновению в уникальную сущность оригинала «золотого фонда».

В корпусе исследования обращают на себя внимание КЕ, названные нами «актуализированными». Под «актуализацией» понимают «такое использование элементов языка, которое воспринимается как необычное и потому привлекает к себе внимание» [Ахманова, 1966, с. 37]. «Актуализация» КЕ достигается путем «обновления» посредством средств массовой коммуникации характера ее употребления и, следовательно, семантики. Под «актуализированными» КЕ мы понимаем КЕ, имеющие классические источники происхождения (Библия, классическая художественная литература и т.д.), но забытые и ставшие «крылатыми» благодаря массовой культуре, средствам массовой информации посредством названий фильмов, телепередач и т.д. Например:

«*Gefährliche Liebschaften*» [Duden, 2008, с. 191] – название знаменитой книги П. Ходерлоса де Ларкоса (1794–1803) стало «крылатым» благодаря трем кинематографическим постановкам: 1959 – «*Les Liaisons dangereuses*» von Roger Vadim, 1989 – «*Dangerous Liaisons*» von Stephen Frear и «*Valmont*» von Milos Forman. КЕ служит для обозначения сомнительных, аморальных и одновременно опасных дел, в которых кто-либо участвует.

«*Der Herr der Fliegen*» [Duden, 2008, с. 239] – в наше время цитата стала популярна благодаря роману Вильяма Голдинга «*Lord of the Flies*» (1954). Роман был экранизирован английским режиссером Питером Бруком в 1961–1963 годах. Упомянутое в Ветхом Завете имя дьявола Вельзевул в переводе с древнееврейского означает «властелин мух». «*Der Herr der Fliegen*» упоминается Гете в «*Фаусте*». Мефистофель характеризует себя словами: «*Herr der Ratten und der Mause, // Der Fliegen, Frosche, Walzen, Lause*».

Несмотря на библейские корни, это клише можно признать новым, так как его связь с библейским текстом утеряна.

«*Alle Menschen werden Bruder*» [Duden, 2008, с. 29] – под этим названием в 1967 году вышел в свет роман Дж.М. Зиммеля и приобрел широкую известность. Раньше оно ограничивалось знанием стихотворения Шиллера «*An die Freude*» и гимном, завершающим 9-ю

симфонию Бетховена. «Отрыв» этого выражения от классических реминисценций очевиден, если напомнить современный феминистский лозунг «Alle Menschen werden Schwestern». Именно так Луиза Ф. Пуш озаглавила свой сборник сочинений 1990 года. КЕ является гимном братству всех людей в моменты радости и восхищения.

«*Wenn su? das Mondlicht auf den Hügeln schlaft*» [Duden, 2008, с. 584] – из художественного фильма «Morgens um 7 ist die Welt noch in Ordnung» (1969) по роману Э.Л. Мальпасса «At height of noon» (1967). В основе названия фильма лежит произведение Шекспира «Kaufmann von Venedig», где Лоренцо говорит в пятом акте: «*Wie su? das Mondlicht auf den Hügeln schlaft*» (в английском оригинале: *How sweet the moon-light sleeps upon this bank!*). КЕ используется как поэтическое обозначение какого-либо ночного происшествия.

«*Frohliche Wissenschaft*» [Duden, 2008, с. 181] – немецкое название французского фильма режиссера Дж.Л. Годара (franz.: «*Le gai savoir*», 1968). Выражение цитировалось неоднократно ранее (оно заимствовано из сочинений философа Й.Г. Гердера (1744–1803) и относилось к любовной лирике трубадуров). Известна также вариация франц.: «*La Gaya scienza*» – название одного из произведений Фр. Ницше, в котором КЕ обозначала радость от возвращающихся сил после долгих лишений.

«*Wenn der Vater mit dem Sohne*» [Duden, 2008, с. 578] – название немецкого фильма 1955 года цитирует первую строчку стихотворения 1840 года:

*«Wenn der Vater mit dem Sohne
Auf dem Zundloch der Kanone
Ohne Sekundanten paukt...».*

КЕ используется в качестве шутового комментария для совместных действий отца и сына.

«*Auf Flugeln des Gesanges*» [Duden, 2008, с. 58] – начальная строка стихотворения Генриха Гейне из «Книги песен».

*«Auf den Flugeln des Gesanges,
Herzliebchen, trag' ich dich fort,
Doch wei? ich schonsten Ort».*

Стихотворение стало особенно популярно после того, как было использовано Феликсом Мендельсоном (1809–1847) в одном из музыкальных произведений. Певица Эрна Бергер (1900–1990) озаглавила этой цитатой свою автобиографию.

«*Alle Jahre wieder*» [Duden, 2008, с. 28] – название художественного фильма Петера Шамони (1967), которое является первой строкой рождественской песни:

«*Alle Jahre wieder
Kommt das Christuskind...*».

Песня вошла в сборник Вильгельма Гейя (1789–1854) «*Funfzig Fabeln fur Kinder*» (Hamburg, 1837). КЕ обозначает регулярно повторяющееся, но по-разному воспринимаемое событие.

«*Hunde, wollt ihr ewig leben?*» [Duden, 2008, с. 254] – название немецкого фильма 1958 года о битве под Сталинградом. В основе названия фильма лежит реплика прусского короля Фридриха II (годы правления 1740–1786) к солдатам, покидающим поле битвы: «*Ihr verfluchten Kerls, wollt ihr denn ewig leben?*» Сегодня КЕ используется как насмешка над тем, кто хочет избежать опасности.

«*Deutschland, Deutschland uber alles*» [Duden, 2008, с. 126] – так начинается первая строчка песни Гоффманна 1841 года на мелодию Йозефа Гайдна «*Gott erhalte Franz den Kaiser*». В 1922 году эта «песня немцев» была провозглашена национальным гимном. С 1952 года в ФРГ поют до сих пор третью строчку, которая начинается словами «*Einigkeit und Recht und Freiheit*». Стихотворение Карла Зимрокса 1848 года «*Deutschland uber alles*» содержит эту строчку во всех пяти строфах. В 1929 году Курт Тухольски и Джон Хетфилд дали своей книге название «*Deutschland, Deutschland uber alles*». Ганс Магнус Энциенбергер в 1967 году выступил с общественной критикой в собрании эссе под названием «*Deutschland, Deutschland unter anderm*». В настоящее время КЕ цитируют чаще всего тогда, когда хотят критически указать на слишком националистические намерения или точку зрения.

Данные цитаты перешли в новое качество: изменилось узуальное значение исходной КЕ.

В некоторых случаях «актуализация» КЕ достигается следующими средствами:

1. Заменой одного или двух ключевых компонентов лексемами, что на первый взгляд кажется абсурдным. Иногда новая лексема “приживается” и возникает КЕ, которая в семантическом плане является антиподом исходному выражению:

«*Aller Tage Morgen*» [Duden, 2008, с. 32] – название книги швабского писателя Й. Эберле (псевдоним: Себастьян Блау), где «*Morgen*» заменяет привычное «*Abend*» («*Es ist nicht aller Tage Abend*»). Последнее известно из античной классики (встречается в

произведении Тита Ливия (59 год до н.э. – 17 год н.э.): «Ab urbe condita»). Полная цитата: *nondum omnium deorum solem occidisse* («noch sei nicht die Sonne aller Tage untergegangen») – слова македонского царя Филиппа V.

2. Внедрением в структуру КЕ дополнительного компонента:

«*Die neuen Leiden des jungen W*» [Duden, 2008, с. 333] – название рассказа Ульриха Пленцдорфа (1972). Происходит от названия романа Гете «*Die Leiden des jungen Werther*» (1774). В структуру КВ внедряется прилагательное «*neuen*». В 1975–1976 годах «*Werther*» Гете был экранизирован на студии DEFA. В 1974 году опубликована книга австрийского писателя Ганса Вайгеля «*Die Leiden des jungen Werther. Ein Antisprichwörterbuch*». Произошла замена одного компонента другим на эфонической основе. «*Werther*» заменен близким по звучанию «*Wörter*».

3. Изменением синтаксической структуры КЕ:

«*Amerika, hast du es besser?*» [Duden, 2008, с. 43] – данная цитата используется в 1966 году в фильме-репортаже итальянского радио- и тележурналиста Чило Коха. «*Amerika, du hast es besser*» – начальная строка стихотворения Гете «*Den Vereinigten Staaten*» из «*Xenien*». Повествование заменено вопросом.

4. Сменой коннотации ведущего компонента:

«*Weh dem, der nicht lügt*» [Duden, 2008, с. 570] – название комедии драматурга Р. Нейя (1962). «*Weh dem, der lügt*» – название комедии Франца Грильпарцера (1791–1872). Компонент с положительной коннотацией вытесняется отрицательной.

Выступая в новой номинативной роли, «актуализированная» КЕ сохраняет генетическую связь с первоисточником и воспринимается образованным пользователем в сопоставлении с ним, особенно при условии действительной известности исходной классической КЕ. В этом случае опосредованный характер смысла такой КЕ расширяет ее коннотативный ореол. Пользователь, не имеющий определенной эрудиции, не ассоциирует новую КЕ с классической, воспринимает и «принимает» ее как новую КЕ. Таким образом, «реанимировав» библейскую или классическую литературную цитату, «массовая культура» способствует утрате ею первоначального смысла, значительности, интеллектуального подтекста и низводит ее до уровня тривиальной языковой единицы, штампа, обыденности, непритязательности.

Во второй половине XX – начале XXI веков возникает мощный механизм обратной связи создателя КЕ и аудитории, поскольку

ориентация творца направлена в первую очередь на кассовый успех. Существенно также то, что содержание и форма новых КЕ все больше начинает диктоваться массовыми, а не элитарными запросами или вкусами их авторов. КЕ как продукт художественного творчества переосмысливается в качестве рыночного продукта, ориентированного на удовлетворение массового спроса и извлечение прибыли. Ускоренное, «поточное» производство многих КЕ приводит их к своеобразной девальвации, они легко забываются, устаревают, но им на смену приходят новые КЕ.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М., 2002.
Bottcher K., Berger K.H. u.a. Geflügelte Worte : Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. Leipzig, 1981.
Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 1998.
Duden. Zitate und Aussprüche : Herkunft und aktueller Gebrauch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich, 1993. Bd. 12.
Duden. Zitate und Aussprüche : Herkunft und aktueller Gebrauch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich, 2008. Bd. 12.
Kupper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Hamburg, 1970. Bd. 6.
Kupper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1990.

СВОЕОБРАЗИЕ ИНИЦИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

О.А. Плахова

Ключевые слова: сказочный дискурс, хронотоп, инициальные формулы, топический параметр, хронологический параметр.

Keywords: folk tale discourse, chronotope, initial formulae, topical (local) parameter, chronological parameter.

Нестрогая достоверность как один из конститuentов сказочного дискурса определила систему образов сказки, ее поэтику и структурно-композиционные особенности [Мифы народов мира, 1992, т. II; Мелетинский, 1998; Пропп, 2003], среди которых традиционно выделяются сказочные формулы (зачины, концовки,

срединные формулы), указывающие на неопределенность хронотопа и недостоверность; клишированные формульные вопросы и ответы; клишированное описание портрета (действий, места действия и т.д.); ограниченный набор функций, организующих структуру сказки (волшебной); семиперсонажная система (в волшебной сказке).

Изучение традиционных формул фольклорной сказки проводилось в логико-семантическом, лексико-синтаксическом, культурологическом, лингвориторическом и лингвопрагматическом аспектах [Лихачева, 1998; Мальцева, 2000; Егорова, 2002; Соборная, 2004; Акименко, 2005; Матвейчева, 2009]. Будучи универсальными структурными сказочными элементами, присказки, зачины и концовки организуют композиционное пространство произведения, несут эмоциональную нагрузку [Соборная, 2004, с. 14]. Зачины преобразуют пространственно-временную организацию слушателей; концовки выводят слушателей из специфического коммуникативного состояния, дают оценку происходящим событиям. Структурные модели зачинов, как и лексико-фразеологическая сочетаемость их элементов детерминированы спецификой сказочного общения как удовлетворяющего эстетические потребности слушателей повествования о вымышленных событиях и героях и реализуют хронотопический параметр сказочности [Акименко, 2005].

Вместе с тем жанрообразующие признаки народной сказки могут подвергаться определенной модификации в зависимости от условий бытования произведений данного жанра в локальной традиции. В частности, поздняя письменная фиксация народной сказки на Британских островах в сочетании с особой культурно-исторической ситуацией обусловили особую композиционную сказочную структуру; отсутствие отдельных сказочных формул (в частности, присказок); особую систему персонажей сказки, в которой важное место занимают мифологические персонажи, более типичные для несказочных жанров; мифологическую символику сказочного языка (например, тождественность в определенных контекстах символического значения у числительных *two*, *three* и *four* или *seven* и *nine*).

Эти же экстралингвистические условия привели к ослаблению стержневого жанрообразующего признака сказки – установки на вымысел. Соответственно, изучение форм модификации сказочного жанрового канона в английской фольклорной традиции (на примере

параметра хронотопической неопределенности) представляется весьма актуальным. В рамках настоящей публикации предполагается дать характеристику достаточно отчетливо выраженной тенденции к ослаблению хронотопической неопределенности, реализуемой в инициальных формулах английской народной сказки. В фокусе внимания находятся взаимоотношения топического и хронологического параметров, приводящие к пространственной или / и временной локализации сказочных событий, и языковые средства их экспликации. В ходе исследования были использованы дискурсивный метод, метод моделирования и контекстуально-ситуативный анализ.

Роль зачинов английской народной сказки в создании хронотопической неопределенности различна. Безусловно, в наибольшей степени данный параметр реализуется в традиционных зачинах 'Once' и 'Once upon a time', которые могут быть осложнены элементами, усиливающими временную неопределенность за счет идеализации временного периода, о котором пойдет речь в сказке, или за счет характеристики событий, не подчиняющихся законам логики. Подобные инициальные формулы Дж.Р.Р. Толкиен считал наилучшими для сказки: «Одним мазком кисти формула «давным-давно» рождает ощущение огромного неисследованного океана времени» [Толкиен, 1992].

There was once upon a time a poor widow who had an only son named Jack, and a cow named Milky-white («Jack and the Beanstalk») [Jacobs, 1890].

Хронотопическая неопределенность может усиливаться за счет введения в инициальные формулы параллельных конструкций, антитезы (*all big folks were wee ones; all lies were true*) и устойчивых предикативных конструкций, обладающих высокой частотностью. Данные конструкции построены на парадоксе и обозначают действия и состояния референтов, невозможные в силу их собственной природы (*and monkeys chewed tobacco; when houses were thatched with pancakes*). Альтернативная реальность, обладающая парадоксальным характером и допускающая существование невозможного с позиции рационального мышления, при общей положительной аксиологической оценке (*and a very good time it was*) дистанцируется посредством исключения рассказчика и слушателей из временного континуума (*it was neither in my time nor in your time nor in anyone else's time*):

Once upon a time, and a very good time it was, though it was neither in my time nor in your time nor in anyone else's time, there was an old man and an old woman, and they had one son, and they lived in a great forest («Jack and his Golden Snuff-Box») [Jacobs, 1890].

Once upon a time when all big folks were wee ones and all lies were true, there was a wee, wee Mannie that had a big, big Coo («The Wee, Wee Mannie») [Briggs, 1977, с. 112].

Once upon a time – and a very good time it was – when pigs were swine and dogs ate lime, and monkeys chewed tobacco, when houses were thatched with pancakes, streets paved with plum puddings, and roasted pigs ran up and down the streets with knives and forks on their backs, crying ‘Come and eat me!’, that was a good time for travellers («The Clicking Toad») [Риордан, 1987, с. 106].

Гораздо более распространенной является редуцированная до слова *once* (*there once*) формула *once upon a time*, обозначающая, по справедливому утверждению Н.А. Акименко, «постепенный переход от неопределенного ирреального хроноса действия к более или менее определенному» [Акименко, 2005, с. 67–68]: *There were once three tall trees on a hill and on moonlight nights singing could be heard and three Green Ladies danced there* («The Green Ladies of One Tree Hill») [Риордан, 1987, с. 118].

Несмотря на характерные для сказочного дискурса устойчивые формулы создания хронотопической неопределенности, в английской фольклорной сказке наблюдается ярко выраженная тенденция к более или менее четкой пространственно-временной локализации повествуемых событий, которая достигается несколькими способами.

В инициальных формулах хронологическая неопределенность разной степени интенсивности сопровождается топонимической определенностью. Размывание границ временного континуума, вербализуемого клишированными формулами *once upon a time, once, there once, in former times, dunnamany years ago, some time since, long years ago, etc.* компенсируется в зачинах пространственной определенностью при помощи указания на отдельные объекты физической географии (*the Tavy, the Wear, Wood and Mountain Hill, Pendle*), административно-территориальные единицы (*Sussex, Herefordshire*), населенные пункты (*Darlaston, Kentchurch, Hilton Hall*) или рукотворные объекты (*mill-dams of Binnorie*).

Once upon a time there were two king's daughters who lived in a bower near the bonny mill-dams of Binnorie («Binnorie») [Jacobs, 1890].

Dunnamany year ago, two chaps what had come from Lunnon – a pleece where all de men be as wise as owls – met a h'old Sussex man what was doddling along a road near his village wid a pumpkin near his arm («The Mare's Egg») [Риордан, 1987, с. 79].

Hilton Hall, in the vale of the Wear, was in former times the resort of a Brownie or House-spirit, called The Cauld Lad («The Cauld Lad of Hilton») [Hartland, 1890].

At Hilton Hall, long years ago, there lived a Brownie that was the contrariest Brownie you ever knew («The Cauld Lad of Hilton») [Jacobs, 1890].

Топическая конкретизация в зачине может наблюдаться в двух направлениях: от общего к частному, когда происходит постепенная концентрация внимания слушателей на более мелких деталях, имеющих непосредственную связь с описываемыми событиями и погружающих слушателей в эпицентр повествования (а); от частного к общему, когда в ходе обращения к единицам более глобального топографического и административно-территориального членения у реципиента создается достаточно четкое представление о локализации событий (b).

a) *Down in the West, somewhere by the borders of the Tavy, there once lived a kind old woman. Her cottage was near a pixie field, where green rings stood in the grass* («The Tulip Pixies») [Риордан, 1987, с. 34].

b) *There was once a farmer called Jack o'Kent who had a small piece of land near Kentchurch in Herefordshire...* («Tops or Butts?») [Риордан, 1987, с. 110].

Some time since lived one Mother Cuthbert, in a little hovel at the bottom of a hill, called Wood and Mountain Hill (Pendle) («The Lancashire Witches») [Риордан, 1987, с. 164].

Отдаленность событий во времени, также компенсируемая четкой пространственной локализацией, манифестируется (а) прямо, посредством обозначений конкретного, достаточно продолжительного временного отрезка (*more than a hundred years since; a hundred years ago*) или отдаленного во времени периода (*some say about the fourteenth century*); или (b) косвенно, посредством референции к поколениям предков. Как правило, рассказчик апеллирует к третьему – пятому поколению своих

предков (*I've heard my grandmother tell a story; uncle's grandfather <...> was at plough up dere*), что примерно соответствует отнесению в прошлое на 100–150 лет событий, достоверность которых подтверждается современниками слушателей, знавшими лично очевидцев или участников произошедших событий.

a) *In Fenland a hundred years ago, the Fens were smothered with fairies* («A Cure for a Fairy») [Риордан, 1987, с. 146].

The park and manor-house of Lambton, belonging to a family of the same name, lie on the banks of the Wear, to the north of Lumley. The family is a very ancient one, much older, it is believed, than the twelfth century, to which date its pedigree extends. The old castle was dismantled in 1797, when a site was adopted for the present mansion on the north bank of the swiftly-flowing Wear, in a situation of exceeding beauty. The park also contains the ruins of a chapel, called Brugeford or Bridgeford, close to one of the bridges which span the Wear. Long, long ago – some say about the fourteenth century – the young heir of Lambton led a careless, profane life, regardless alike of his duties to God and man, and in particular neglecting to attend mass, that he might spend his Sunday mornings in fishing («The Lambton Worm») [Hartland, 1890].

b) *Talking about fairies the other day to a nearly octogenarian female neighbour, I asked, Had she ever seen one in her youthful days? Her answer was in the negative; 'but,' quoth she, 'I've heard my grandmother tell a story, that Midridge (near Auckland) was a great place for fairies when she was a child, and for many long years after that'* («A Myth of Midridge») [Hartland, 1890].

Акцентуация достоверности излагаемых событий в английской фольклорной сказке происходит за счет введения в инициальные формулы исторических названий топографических объектов параллельно с современными названиями, что создает эффект преемственности, неразрывной связи между прошлым и настоящим, делая прошлое более реалистичным и осязаемым:

More than a hundred years since, there lived somewhere near Lizard Point a man called Lutey, who farmed a few acres of ground in the parish of Cury, or Corantyn, as it was then called («Lutey and the Merrymaid») [Риордан, 1987, с. 37].

В сказочных зачинах может присутствовать индикатор недавнего прошлого, сочетающийся с топической референцией. В таких случаях характерные для жанра классической фольклорной сказки бесконечно отдаленные во времени события максимально

приближены к самому процессу дискурсоразвертывания; рассказчик может принимать на себя роль их активного участника, что, безусловно, позволяет представить события как реальные, перевести повествование из мира сказочного в мир реальности.

*I heard last week of **three fairies having been seen in Zennor very recently*** («A Fairy Caught») [Hartland, 1890].

*I took the opportunity **last autumn, just before the break-up of the weather, of shaking off the dust of shoddy mills, and getting a whiff of smokeless air in a run among the Yorkshire moors. I spent the first night at Bolton, and slept soundly, after a ramble through the beautiful Wharfedale, and an examination of the Strid, where the river gushes through a rift in the rock so narrow that it is supposed possible to stride across it. I hardly knew whither I rambled, but I certainly got into Silverdale, for I lunched on my bread and cheese with Peny Ghent towering above me on the west, and beyond it rose the glorious pile of Ingleborough*** («The Boggart of Hellen Pot») [Риордан, 1987, с. 171].

Дальнейшее ослабление временной неопределенности в инициальных формулах сказочного дискурса наблюдается в полном замещении хронологического параметра топическим. Отсутствие указаний на какую-либо отдаленность событий во времени придает последним более реалистичный характер, ослабляет элемент сказочности и усиливает элемент достоверности, как будто речь идет не о вымышленной истории, а о случае, произошедшем недавно со знакомыми, детали которого доподлинно известны рассказчику.

*Old Honey lived with his wife and his family **in a little hut of two rooms and a 'talfat' on the cliff side of Trereen in Zennor*** («Cherry of Zennor») [Риордан, 1987, с. 54].

In the house of an honest farmer in Yorkshire, named George Gilbertson, a Boggart had taken up his abode («The Boggart») [Hartland, 1890].

Нивелирование хронологического параметра может осуществляться при помощи грамматических средств. Использование в зачине глагольных форм настоящего времени включает повествование во временной поток настоящего, стирая последние границы между вымышленным и реальными мирами:

*On the slopes of Sharp Tor **stands** the solitary farmhouse of Rowbrook, watching the valley below. As winter **draws** near the dimsy light **comes** early. Then the rushing of the River Dart **sounds** like a sighing wind, and sometimes even like a human voice. And when the*

labours of the day are over, and darkness has fallen upon the moor, the dwellers of the lonely farmhouse gather round the hearth upon which the peat fire is burning, oblivious of the cold without, and the winter winds howling over the hearth. <...> A foot step is heard without, causing the little company to look towards the door, which opens and admits a young lad, all excited («Jan Coo») [Риордан, 1987, с. 45–47].

В отдельных случаях в зачинах наблюдается отнесенность событий к конкретному историческому периоду, который определяется по имени правителя (иногда легендарного как, например, король Артур), видных исторических деятелей, знаковых фигур определенного периода (например, известных колдуний и предсказательниц типа матушки Шиптон) или датированием событий. Топический параметр является величиной факультативной. Сочетание четко вербализуемых хронологического и топического параметров в инициальной формуле относит фольклорный текст на периферию сказочного дискурса вследствие дальнейшего ослабления признаков сказочности.

It is said that in the days of the celebrated Prince Arthur, who was king of Britain in the year 516, there lived a great magician, called Merlin, the most learned and skilful enchanter in the world at that time («The History of Tom Thumb») [Hartland, 1890].

When good King Arthur reigned, there lived near the Land's End of England, in the county of Cornwall, a farmer who had one only son called Jack («Jack the Giant Killer») [Jacobs, 1890].

When good King Arthur reigned with Guinevere his Queen, there lived, near the Land's End in Cornwall, a farmer who had one only son called Jack («Jack the Giant Killer») [Steel, 1918].

Somewhere about the start of the 1700s, there was a motley group of lads in Wem in search of fun, but definitely not innocent fun. Anything with a thrill and a few pints of beer attached («The Devil in Wem») [Keding, Douglas, 2005, с. 83].

Knaresborough was once the home of Ursula Southeil, a misshapen child with a big body, huge head and an ugly face, although she had a very clever brain. She lived in the sixteenth century, dying in 1561 on the very day and at the very hour she had foretold («Mother Shipton») [Риордан, 1987, с. 183].

Столь четкая локализация событий во времени и пространстве, или, по словам А.И. Зайцева, привязка событий к определенным пространственно-временным ориентирам [Зайцев, 1984, с. 73] является эффективным средством убеждения слушателей в

правдивости повествования, что является скорее жанрообразующим признаком легенды или былички, а не сказки. Эффект достоверности излагаемого достигается в зачинах также посредством характеристики предметов сверхъестественного происхождения, попавших в реальный мир и оставшихся у человека в качестве «живого» доказательства реальности произошедших событий:

In the vestry of Frensham Church, in Surrey, on the north side of the chancel, is an extraordinary great kettle or caldron, which the inhabitants say, by tradition, was brought hither by the fairies, time out of mind, from Borough-hill about a mile hence («The Fairies' Caldron») [Hartland, 1890].

Реже в качестве доказательства используются объекты физической географии и живой природы: *Cuckoo Bush, near Gotham, tradition says, was planted or set to commemorate a trick which the inhabitants of Gotham put upon King John («The Wise Fools of Gotham»)* [Hartland, 1890].

Традиционные для фольклорной сказки зачины вообще могут отсутствовать в текстах англоязычного сказочного дискурса. Их отсутствие может компенсироваться стихотворными вставками (в том числе отрывками из народных баллад), содержащими завязку (а) или концентрирующими внимание окружающих на рассказчике (б) и выполняющими функцию плавного введения слушателей в сюжет.

a) *Childe Rowland and his brothers twain
Were playing at the ball,
And there was their sister Burd Ellen
In the midst, among them all.
Childe Rowland kicked it with his foot
And caught it with his knee;
At last as he plunged among them all
O'er the church he made it Ike.
Burd Ellen round about the aisle
To seek the ball is gone,
But long they waited, and longer still,
And she came not back again.
They sought her east, they sought her west,
They sought her up and down,
And woe were the hearts of those brethren,*

For she was not to be found ('Childe Rowland') [Jacobs, 1890].

b) *Whisht! lads, haad yor gobs,
Whisht! lads, haad yor gobs,
Whisht! Lads, hold your mouths,
Whisht! Lads, hold your mouths,
Aa 'll tell ye aall an aaful story,
An' aal tell ye 'bout the worm.
And I'll tell you all an awful story,
And I'll tell you about the worm* («The Lambton Worm»)

[Keding, Douglas, 2005, с. 66].

Зачины могут представлять собой своего рода транзитивные элементы, облегчающие переход от непринужденной беседы к сказочному повествованию. Плавность перехода осуществляется за счет акцентуации правдивости излагаемого посредством обращения к многочисленным деталям быта, приемам рационального объяснения и аргументации, топографическим привязкам:

We 'aven't got many giants about our Zummerzet, I 'ear, but we 'ave one down to Dunster. Ah! Come up from Cornwall, 'e did, and 'e didn't like staying in Deven, 'cos 'is cousins there were a bit rough like. 'E come up to Exmoor, nice peaceful friendly place it is. But the folk on Exmoor, they didn't like size of 'im; bit scared they was. But then they found out that there wasn't sheepstealers round about, cattle and sheep was thriving, and 'e didn't 'arm no one. They got quite fond of 'im («Skillywidden») [Риордан, 1987, с. 31].

Таким образом, в английских сказочных инициальных формулах наблюдается постепенное ослабление хронотопической неопределенности. Наиболее неустойчивым является топический параметр в силу регулярности локализации рассказчиком происходящих событий, наблюдающейся в сказочном дискурсе с разной степенью интенсивности. Ослабление временного параметра носит более градуированный характер от ярко выраженной хронологической неопределенности, вербализуемой стереотипными сказочными конструкциями, до четкого закрепления событий во времени посредством дат и прецедентных имен. Нивелирование хронологической неопределенности может иметь имплицитный характер или эксплицироваться грамматическими средствами. Четкое обозначение пространственно-временных ориентиров в инициальных формулах характерно для периферийных областей англоязычного сказочного дискурса и приводит к значительному

ослаблению характерной для сказки установки на вымысел и размыванию границ между вымышленным и реальным мирами.

Литература

Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

Егорова О.А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки) : дис. ... канд. культурол. наук. М., 2002.

Зайцев А.И. К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

Лихачева О.В. Зачины и концовки в сибирской сказке // Языковая картина мира : лингвистический и культурологический аспекты. Бийск. 1998. Т. 1.

Мальцева Т.И. К вопросу о составе и особенностях варьирования инициальных формул русской волшебной сказки // Лингвофольклористика 4. Курск, 2000.

Матвейчева Т.В. Клишированный характер пространственно-временных дискурсивных формул сказочного текста // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 6.

Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.

Мифы народов мира : в 2-х тт. М, 1992.

Риордан Дж. Народные сказки Британских островов. М., 1987.

Полубиченко Л.В., Егорова О.А. Традиционные формулы народной сказки как отражение национального менталитета // Вестник МГУ. Сер. 19. 2003. № 1.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003.

Соборная И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сочи, 2004.

Толкиен Дж.Р.Р. О волшебных сказках. [Электронный ресурс]. URL: <http://fairypot.narod.ru/story/Tolkien.htm> (дата обращения: 06.11.2010).

Briggs K.M. A Sampler of British Folk-Tales. London&Henley : Routledge&Kegan Paul, 1977.

Hartland E.S. English Fairy and Other Folk Tales. [Электронный ресурс]. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (дата обращения: 16.03.2004).

Jacobs J. English Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (дата обращения: 16.03.2004).

Keding D., Douglas A. English Folktales. Westport, London, 2005.

Steel F.A. English Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents (дата обращения: 14.03.2004).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА КАК ФАКТОР ПРЕЗУМПЦИИ

С.С. Барсукова

Ключевые слова: картина мира, объективный мир, отражающее сознание, язык, вербализация, языковая картина мира.

Keywords: world view, objective reality, reflecting conscience, language, verbalization, linguistic view of the world.

Находясь в тех или иных пространственно-временных условиях, человек воспринимает объективный мир таким образом, что в результате этого восприятия у него формируется индивидуальная система представлений о мире и различных отношениях, складывающихся между существующими в нем субъектами и объектами. Такую систему наглядных представлений, или образов, принято обозначать термином картина мира. Под картиной мира в науке понимают «совокупность знаний о мире» [Колшанский, 1990, с. 21] или, более точно, «совокупность представлений о структуре действительности, способах ее функционирования и изменения» [Андрейченко, URL]. Образы и представления, составляющие картину мира, являются источником личных убеждений, идеалов и ценностей каждого отдельно взятого человека. Перемены в ценностной сфере индивидуума являются следствием изменений, по тем или иным причинам произошедшим в его картине мира.

Складывающаяся в мышлении, картина мира требует адекватного выражения средствами языка, поскольку она априорно существует в форме язык-мышление. Картина, отраженная в сознании, представляет собой «вторичное существование мира объективного, существование,

закрепленное в материальной форме языка» [Колшанский, 1990, с. 23]. При этом объективный отражаемый мир и субъективное отражающее сознание лежат как бы в одной плоскости взаимодействия, а придающий представлениям материальную форму язык и содержащее эти представления сознание находятся в отдельной плоскости взаимодействия, что исключает межплоскостное «сотрудничество» объективного мира и языка как инструмента материализации представлений. Невозможность подобного «сотрудничества» обусловлена также тем, что сам по себе язык не познает объективный мир и не создает картину мира, а лишь является неотъемлемым атрибутом отражающего сознания, инструментом человека для познания мира, в то время как всякий инструмент сам принадлежит миру материальных вещей, не отделим от него, а соответственно, не может быть ему противопоставлен или ограничен [Колшанский, 1990, с. 19–27]. Термин «языковая картина мира» был впервые введен в употребление немецким языковедом Л. Вайсгербером и подразумевает «отраженную в языке совокупность представлений о мире», некий «способ концептуализации действительности» [Вайсгербер, 1993]. Каждому языку соответствует особая картина мира, создававшаяся под влиянием совокупности определенных условий, характерных для того или иного социума. Наличие множества языков в мире иллюстрирует различные пути духовного освоения действительности разными этническими группами, в основе мышления которых, тем не менее, лежат одни и те же принципы [Храпченко, 1983, с. 231]. Итак, языковая картина мира является продуктом взаимодействия действительности, языка и сознания, способного принадлежать как отдельному человеку, так и социуму в целом.

Понятие картины мира подразумевает, в частности, классификацию по критерию научности, позволяя выделять научные и эмпирические (или наивные) картины мира. В отличие от научной картины мира, используемой всеми членами сообщества в независимости от их национальной принадлежности, эмпирическая (наивная) картина мира является достоянием лишь определенной группы людей, ограниченной от других как национально-культурными, так и территориально-географическими барьерами. Всякая эмпирическая (наивная) картина мира включает в себя, в частности, определенный набор стереотипов (социальных, поведенческих, языковых и стереотипов мышления), направляющих деятельность и поведение «художников» той или иной наивной картины мира [Степин, 1994, с. 54].

Итак, имеющаяся в сознании человека (или группы людей) эмпирическая картина мира позволяет говорить о наличии у них определенного багажа знаний, опыта как знания о причинно-следственных связях явлений. Исходя из опыта, человек может строить различные предположения относительно следствий, вызванных теми или иными причинами. Регулярно воспринимаемая человеком, а значит, уже ставшая для него стандартной и привычной ситуация имеет конкретный, легкопрогнозируемый и маловарьируемый исход. Постепенно воспринимая разворачивающуюся ситуацию, человек в итоге сталкивается с исходом, совпадающим или не совпадающим с имевшимися у него ожиданиями. Другими словами, происходит или подтверждение ранее полученного человеком опыта, или обогащение этого опыта – за счет привнесения в него сведений об еще одном, ранее не известном, но возможном пути разворачивания стандартной ситуации.

Говоря о способности человека к построению ожиданий относительно финала той или иной ситуации или ее отдельного этапа, следует упомянуть о феномене предположения. Под предположением подразумевается «предварительное суждение, догадка, не подтвержденная прочными доказательствами мысль о чем-нибудь» [Андрейченко, URL]. Будучи зрителем или непосредственным участником какой-либо ситуации, человек как будто руководствуется собственной интуицией, происходящей из накопленного опыта и подсказывающей кажущуюся верной последовательность необходимых действий. Однако если применение накопленного опыта тождественно опоре на стереотипические представления, являющиеся составным компонентом эмпирической картины мира, то не исключается возможность выявления несостоятельности этих стереотипов, их несовпадения с реальным положением вещей, а именно с развязкой той или иной ситуации. В случае, когда прогнозируемый человеком финал оказывается противоположным ожиданию, на человека воздействует эффект обманутого ожидания. Другими словами, этот эффект возникает при взаимодействии предсказуемого и непредсказуемого, ожидаемого и неожиданного, как будто двух сторон одной монеты, образующих друг с другом диалектическое единство по принципу «как зло не существует без добра» [Яacobсон, 1975, с. 211].

Эффект обманутого ожидания справедлив не только применительно к жизненным ситуациям, завершение которых не совпадает с представлениями, содержащимися в картине мира

человека или общества. Кроме своего проявления в ситуациях объективной действительности, «обманутое ожидание в том или ином виде встречается в любой области искусства и в любом его направлении» [Арнольд, 1990, с. 70]. Данное утверждение можно считать закономерным, учитывая тезис об идентичности устройства мира реального и художественного произведения. Говоря о возникновении эффекта обманутого ожидания в литературных произведениях, следует упомянуть о таком феномене, как вероятностное прогнозирование. По определению И.М. Фейгенберга, вероятностное прогнозирование представляет собой мысленный обгон в процессе чтения [Feigenberg, 1967]. Очевидно, что, прочитывая, например, какое-либо слово, можно прогнозировать слова из его дистрибуции; прочитывая начальную часть фразы, можно предугадать ее финальную часть; прочитывая часть текста и доходя до кульминационной точки развития событий в произведении, можно выстроить предположения относительно того, каким будет разрешение этих событий. Другими словами, существуют определенные факторы, обеспечивающие прогностическую деятельность читателя, и эти факторы относятся к языку, являясь промежуточным звеном в схеме: картина мира – факторы ее вербализации – собственно языковая экспликация (картины мира). Суть факторов, способствующих прогностической деятельности, выражается, в частности, в когерентности текста и заключается в следующем: «Последующее частично дано в предыдущем. При такой связи переходы от одного элемента к другому малозаметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако если на этом фоне появляются элементы малой вероятности, то возникает нарушение непрерывности, которое действует подобно толчку: неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, преодоление этого сопротивления требует усилия со стороны читателя, а потому сильнее на него воздействует» [Арнольд, 1990]. Итак, эффект обманутого ожидания создается благодаря «элементам малой вероятности», возникающим на однообразном фоне связного текста, обеспечивающем предсказуемость всех последующих элементов.

Элементы малой вероятности могут иметь грамматическую или лексическую «природу». Приведем пример, в котором полужирная структура, носящая «грамматический характер», является элементом низкой предсказуемости:

(1) *My one, my one, my only love, hide, hide your face in a leaf, and let the hot tear falling burn the stupid heart that will not learn the everywhere of grief* (G. Baker).

В традиционном использовании наречие *everywhere* не предполагает употребления с артиклем и включенности в *of*-фразы, однако в данном случае оно употреблено в синтаксической роли существительного и призвано создать образ «вездесущности горестей и бед». Элементы, относящиеся к области лексики, чаще всего бывают выражены архаизмами, авторскими неологизмами, заимствованиями, словами со специфической лексической окраской, сочетанием контрастных по значению слов (оксюморон) и т.д. Такое стилистическое средство, как оксюморон, можно иллюстрировать следующим примером:

(2) *A log palace is an architectural as well as a verbal oxymoron; so is a short skyscraper or an urban villa* (J.F. O’Gorman, D.E. McGrath).

В обыденном представлении дворец не может быть выстроен из бревен, небоскреб по определению не может быть низким, а вилла представляет собой дом для отдыха, расположенный за городом. В данном предложении присутствует три выражения, являющихся оксюморонами, причем второе и третье выражения приведены как будто для того, чтобы доказать абсурдность первого, и цель эта успешно достигнута авторами. Кроме лексико-грамматических элементов, создающих эффект обманутого ожидания, следует помнить о таком явлении, встречающемся в художественных произведениях, как неожиданный, непредсказуемый поворот событий, который может быть намечен как целым предложением, так и отдельным словом, которые буквально рушат все ожидания и прогнозы читателя. Известно, что произведения, в частности, детективного жанра построены на эффекте обманутого ожидания, обусловленного низкой предсказуемостью развязки. Многие рассказы американского писателя Эдгара Аллана По привлекают читателей именно благодаря наличию в них эффекта обманутого ожидания. В рассказе «The Purloined Letter» расследование дела об украденном с целью дальнейшего шантажа письме ведется профессиональным полицейским Жиске и детективом-любителем Дюпенем. И если первый прилагает огромное количество усилий для нахождения пропавшего письма, обыскивая дом подозреваемого похитителя настолько тщательным образом, что у читателя не остается сомнений в его добросовестности и высоком профессионализме, то второй приходит к разгадке почти диалектическим способом, удивляя читателя простотой решения дела.

В разговоре с Дюпеном Жиске подробно описывает процедуру поиска письма:

(3) <...> *we examines the rungs of every chair in the hotel, and, indeed the jointings of every description of furniture, by the aid of a most powerful microscope <...> we scrutinized each individual square inch throughout the premises <...> we examined the moss between the bricks <...> we opened every package and parcel <...> we turned every leaf in each volume...* (Е.А. Пое).

Однако посещая Дюпена вторично, Жиске приходится признаться в тщетности поисков, несмотря на всю их аккуратность и основательность. Читателю начинает казаться, что колоссальный труд полицейского так и останется неоплаченным тем огромным вознаграждением, которое было обещано нашедшему письмо. В ответ на признание Жиске Дюпен произносит фразу, оказывающуюся неожиданной для читателя и обуславливающую непредсказуемую развязку:

(4) <...> *you may as well fill me up a check for the amount mentioned. When you have signed it, I will hand you the letter* (Е.А. Пое).

Таким образом, картина мира читателя обогащается представлением, что залогом успешно раскрытого дела может являться не только тщательность практического расследования, но и остроумность теоретических рассуждений.

Краткое освещение существа затронутой проблемы позволяет заключить, что выраженность в языке представлений, составляющих эмпирическую картину мира, выступает как фактор презумпции, позволяющий человеку ожидать от какой-либо ситуации чего-то конкретно-определенного, строить прогнозы, которые, тем не менее, могут быть неверными, вследствие вмешательства в ход событий эффекта обманутого ожидания, саму возможность возникновения которого нужно всегда иметь в виду.

Литература

- Андрейченко Г. Философия. Учебник. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Andr/16.php
 Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
 Вайсгербер Л.Й. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
 Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
 Степин В.С., Кузнецова Л.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
 Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. М., 1975.
 Feigenberg L. Introduction to Satire. Iowa, 1967.

Источники

По Э.А. Новеллы. Новосибирск, 2007.

Baker G. Summer Song. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cross-kpk.ru/ims/files/New/07-eng3/Doc/ch.htm>

O’Gorman J.F., McGrath D.E. ABC of Architecture. [Электронный ресурс]. URL: <http://grammar.about.com/od/mo/g/oxymoronterm.htm>

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н.В. Чернова

Ключевые слова: языковая способность, когнитивная структура значения слова, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

Keywords: linguistic competence, cognitive structure of the meaning of the word, linguistic consciousness, associative experiment.

Одной из актуальных проблем антропоцентрического направления в гуманитарных науках является проблема становления языковой способности (далее ЯС). На протяжении ряда десятилетий формирование структур сознания в онтогенезе представляло собой одно из приоритетных направлений психологии. Однако сложившаяся в 50-е годы XX века психолингвистика в связи с особым вниманием к исследованиям когнитивных оснований речевой деятельности также начинает интересоваться вопросами онтогенеза. В отличие от психологического подхода, в рамках которого формирование психики ребенка изучалось на примере одного или нескольких испытуемых (см. исследования Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и др.), в психолингвистике проводятся масштабные эксперименты с участием большого числа испытуемых, что позволяет экстраполировать полученные результаты на всю генеральную совокупность и моделировать общие закономерности формирования ЯС. В статье представлены результаты эксперимента, направленного

на уточнение некоторых закономерностей становления ЯС детей в возрасте от 4 до 11 лет.

1. Описание эксперимента

Для того чтобы выявить и обосновать принципы формирования когнитивной структуры значения слова в сознании детей, был проведен ассоциативный эксперимент (далее АЭ) с детьми, учащимися в дошкольных образовательных учреждениях и средних общеобразовательных школах. В АЭ приняли участие 210 детей в возрасте от 4 до 11 лет.

Выборка испытуемых была разбита на семь экспериментальных групп (далее ЭГ) в соответствии с годом обучения испытуемых в дошкольном учреждении и начальной школе.

В качестве экспериментального материала были отобраны 10 частотных русских слов, знакомых детям в возрасте 4–11 лет: *карандаш, игра, дерево, подарок, дом, рисование, конфета, семья, природа, кукла*.

В силу специфики испытуемых АЭ проводился в группах и индивидуально, письменной и устной форме. Испытуемым предлагалось *назвать / написать первое пришедшее на ум слово при прослушивании / прочтении слов-стимулов*. При этом испытуемые могли продуцировать любое количество реакций, относящихся к любой части речи.

На этапе планирования АЭ были разработаны гипотезы:

1. С возрастом происходит усложнение когнитивной структуры значения слова (в нее входит большее количество компонентов, которые выстраиваются в более сложные иерархии). Это сопровождается появлением новых механизмов ассоциирования (основанных на абстрактных отношениях), которые вытесняют простые механизмы ассоциирования (основанные на соположении в пространстве и во времени и пр.). В АЭ это, вероятно, получит отражение в разном количестве ситуативно-обусловленных и личностных реакций и реакций, основу которых составляют сложные механизмы ассоциирования, в ответах испытуемых из разных ЭГ.

2. Поскольку усложнение когнитивной структуры значения слова также происходит за счет включения в нее большего количества компонентов, общее количество реакций, которые способен предложить испытуемый, растет с возрастом ребенка. Дети, относящиеся к разным ЭГ, будут, вероятно, предлагать разное количество ассоциатов на слово-стимул.

2. Классификация и первичный анализ полученных данных

В ходе обработки данных были применены шесть классификаций. В их число вошли традиционные классификации (по характеру языковых отношений между стимулом и реакцией) и новаторские (по характеру механизма ассоциирования).

Рассмотрим классификацию по характеру механизма ассоциирования, так как именно она, на наш взгляд, в полной мере отражает специфику формирования ЯС этой группы испытуемых. В эту классификацию вошли следующие группы:

1. Реакции, объективно относящиеся к предмету:

- а) категория предметов;
- б) характерный признак предмета;
- в) действие.

2. Реакции, в которых проявляется личностный фактор:

а) ситуативные реакции

- предметы, находящиеся в поле зрения испытуемых (*рисование – зонтик*)

- предметы, находящиеся вне поля зрения испытуемых, но часто встречаемые в текущее время (*карандаш – арбуз* (при проведении эксперимента в августе или сентябре));

- б) личностные реакции (*семья – поцелуй*);

- в) моделирование контекста:

- моделирование реального контекста (*семья живет вместе*);

- моделирование нереального контекста (*в семье живет волк*).

3. Повторы:

- а) повтор стимула;

- б) персервативные реакции (ассоциаты, повторяющие предыдущий стимул или реакции на предыдущий стимул);

- в) шаблонная реакция (*игра – много игр; дерево – много деревьев, подарок – много подарков, дом – много домов, рисование – много рисования*).

4. Реакции на основе фонетического сходства:

- а) рифма;

- б) реакции, основанные на ритмическом сходстве;

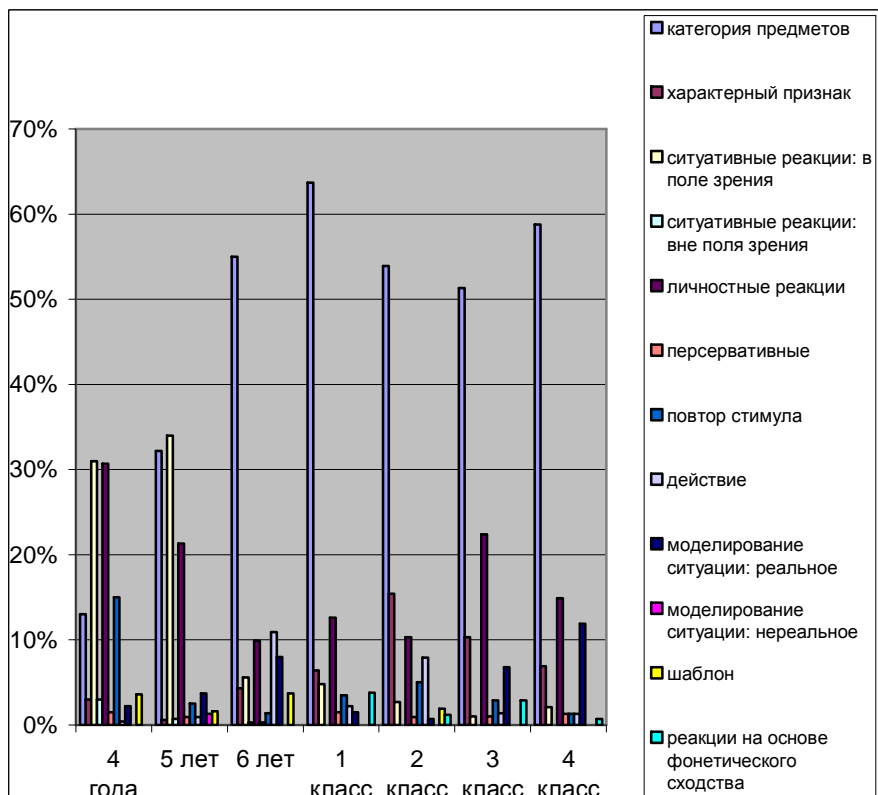
- в) квазислова.

Реакции испытуемых из всех ЭГ были распределены в группы в соответствии с этой классификацией. Количество ассоциатов было преобразовано в проценты, все данные были сведены в таблицу:

		4 года	5 лет	6 лет	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
категория предметов		13%	32,2 %	55%	63,7 %	53,9 %	51,3 %	58,8 %
характерный признак		3%	0,6 %	4,3 %	6,4 %	15,4 %	10,3 %	6,9 %
ситуативные реакции	в поле зрения	31%	34%	5,6 %	4,8 %	2,7 %	1%	2,1 %
	вне поля зрения	3%	0,7 %	0,3 %	0%	0%	0%	0%
личностные реакции		30,7 %	21,3 %	9,9 %	12,6 %	10,3 %	22,4 %	14,9 %
персервативные		1,5 %	0,95 %	0,3 %	1,5 %	0,95 %	1%	1,3 %
повтор стимула		15%	2,5 %	1,4 %	3,5 %	5,03 %	2,9 %	1,3 %
действие		0,4 %	0,95 %	10,9 %	2,2 %	7,9 %	1,4 %	1,3 %
моделирование ситуации	реальное	2,2 %	3,7 %	8%	1,5 %	0,7 %	6,8 %	11,9 %
	нереальное	0%	1,3 %	0%	0%	0%	0%	0%
шаблон		3,6 %	1,6 %	3,7 %	0%	1,92 %	0%	0%
реакции на основе фонетического сходства		0%	0%	0%	3,8 %	1,2 %	2,9 %	0,7 %

Таблица 1. Классификация реакций, полученных в ходе проведения АЭ

Для упрощения дальнейшего анализа и интерпретации результатов АЭ данные были представлены в виде гистограммы:

Гистограмма 1. Классификация реакций, полученных в ходе проведения АЭ

3. Интерпретация полученных данных

Анализ полученных результатов показал, что большинство реакций детей из ЭГ1 можно отнести к группам *ситуативные реакции (в поле зрения)* (31%) и *личностные реакции* (30,7%). Это может быть связано с тем, что языковое знание детей данной возрастной группы еще не сформировано до конца и неотделимо от предметной действительности, что совпадает с мнением Л.С. Выготского о том, что на ранних этапах развития ребенок не в состоянии обобщать отсутствующие объекты и говорить о них. Это также подтверждается большим количеством реакций, относящихся к группе *повтор стимула* (15%).

Следует отметить, что реакции, относящиеся к группе *категория предмета*, составляют всего 13%, что также говорит о слабо сформированном ЯС детей этой возрастной группы. Ассоциативные связи в сознании этих испытуемых еще очень неустойчивые (что говорит об отсутствии или недостаточной сформированности стабильных структур сознания), а следовательно, ребенок называет окружающие его предметы, используя их в качестве опоры при ассоциировании, или повторяет само слово-стимул. Общее количество ассоциатов, предложенных испытуемыми ЭГ1 составило 304 реакции, количество отказов среди них составило 28 реакций.

Анализ ассоциатов, предложенных детьми из ЭГ2, продемонстрировал, что большинство реакций можно отнести к *личностным* (21,3%) и к *ситуативным (в поле зрения) ассоциатам* (34%). При этом заметно возрастает количество реакций, относящихся к группе *категория предмета* (32,2%). Это позволяет говорить о том, что когнитивные структуры значения слов уже сформированы настолько, что испытуемые из этой ЭГ способны отделить слово-стимул от предметной действительности и соотносить обозначаемый им предмет с предметами того же класса. Общее количество ассоциатов, предложенных испытуемыми ЭГ2 составило 328 реакций, количество отказов составило 14 реакций.

Количество *ситуативных реакций* существенно уменьшается (5,6%) в ответах детей из ЭГ3, что может быть связано с развитием в данный период устной и письменной речи. При этом основную массу реакций составляют ассоциаты, относящиеся к группам *категория предмета* (55%), *действие* (10,9%), *характерный признак* (4,3%). Отметим, что реакции этого типа практически полностью отсутствуют в ЭГ1 и ЭГ2. Такое соотношение реакций говорит о том, что испытуемые в возрасте 6 лет способны не только дифференцировать предметную действительность и абстрактные отношения, но и установить связи между предметом, называемым словом-стимулом, и его признаками, а также действиями, которые совершает предмет или которые совершаются с ним.

Отметим, что в ответах испытуемых из ЭГ3 появляются реакции, которые можно отнести к группе *моделирование ситуации* (9,9%). Это говорит как об усложнении структуры сознания, так и о том, что дети в возрасте 6 лет обладают знанием основ синтагматики. Общее количество ассоциатов ЭГ3 составило 379 реакций, количество отказов составило 5 реакций.

В ответах испытуемых из ЭГ4 уменьшается количество *личностных* (12,6%) и *ситуативных (в поле /вне поля зрения) реакций* (4,8%), что говорит об относительно сформировавшемся языковом знании. При этом в данной возрастной группе преобладают реакции, относящиеся к группе *категория предмета* (63,7%), и возрастает количество реакций, относящихся к группе *характерный признак* (6,4%). Заметим, что полностью исчезают *ситуативные* реакции, что свидетельствует о том, что в ЯС детей данной возрастной группы ассоциативные связи уже довольно устойчивы, следовательно, при ответе у испытуемых не возникает потребности опираться на предметную действительность. Такое распределение реакций испытуемых может быть связано с развитием номинативной способности у детей, с появлением способности описать предмет и ситуацию. Из этого следует, что развитие связной речи у ребенка относится в основном к школьному периоду, что, скорее всего, связано с овладением письменной речью, что подтверждает мнение психологов [Выготский, 1997; 2008; Рубинштейн, 2011]. Общее количество ассоциатов ЭГ4 составило 556 реакций, количество отказов составило 11 реакций.

Большинство реакций испытуемых из ЭГ5, были распределены в группы *категория предмета* (53,9%), *характерный признак* (15,4%), *личностные реакции* (10,3%), *действие* (7,9%). Сравнение с результатами, полученными в ходе проведения АЭ с другими ЭГ, демонстрирует рост количества реакций, относящихся к группам *категория предмета* и *характерный признак*, и уменьшение числа *личностных реакций*. Общее количество ассоциатов ЭГ5 составило 422 реакции, количество отказов составило 5 реакций.

В ответах испытуемых из ЭГ6 вновь возрастает количество *личностных реакций* (22,4%). Однако следует отметить, что эти *реакции* качественно отличаются от *личностных реакций*, предложенных испытуемыми из средней и старшей подготовительных групп детского сада. Личностные реакции испытуемых в возрасте 9 лет логически связаны со словом-стимулом и, вероятно, вызваны желанием детей рассказать о себе. Это уже не речь ребенка для себя, а использование жизненного опыта в качестве опоры в процессе ассоциирования или при поиске ответа на поставленную задачу. Следовательно, появление таких реакций, вероятно, не связано с недостаточным языковым знанием испытуемых, что также подтверждается психологическими исследованиями [Пиаже, 2008].

Отметим также, что среди ответов испытуемых из ЭГ6, могут быть выделены ассоциаты, относящиеся к группам *категория предмета* (51,3%), *характерный признак* (15,4%), *моделирование ситуации (реальное)* (6,8%). Увеличение количества таких реакций свидетельствует о развитии номинативной способности у детей и связано с умением детей описать предмет и связать его с предметами, находящимися вне поля зрения, но обладающими схожими категориальными признаками. Общее количество ассоциатов ЭГ6 составило 552 реакции, при этом среди ответов испытуемых не было отказов.

В ходе анализа реакций детей из ЭГ7, было выявлено, что большинство предложенных ими ассоциатов также может быть отнесено к группам *категория предметов* (58,8%), *характерный признак* (6,9%), *моделирование ситуации (реальное)* (11,9%). Общее количество ассоциатов ЭГ7 составило 838 реакции, среди ответов испытуемых не было отказов.

4. Индивидуальные особенности ассоциирования испытуемых из разных возрастных групп

В ряде случаев тот или иной механизм ассоциирования характерен только для одной ЭГ. Представляется, что подобные случаи надо рассмотреть отдельно, поскольку они позволяют выявить некоторые важные закономерности формирования ЯС.

Рассмотрим ассоциаты, относящиеся к группам *персервативные реакции*, *повтор стимула* и *реакции по шаблону*. Анализ данных показал, что они в основном присутствуют в ответах испытуемых из ЭГ1 и ЭГ2. С возрастом количество реакций, основанных на повторении стимула или применении шаблона, значительно снижается. Так, из общего количества реакций, предложенных испытуемыми из ЭГ1, 15% ассоциатов были отнесены к группе *повтор стимула*, тогда как уже испытуемые из ЭГ4 продуцируют всего 3,5% таких реакций, а количество таких ассоциатов среди реакций испытуемых, учащихся в четвертом классе школы, составило всего 1,3%. Такое распределение реакций подтверждает сделанные ранее выводы о том, что ЯС испытуемых в возрасте 4–6 лет еще не достаточно сформировано.

Рассмотрим *реакции на основе фонетического сходства*. Заметим, что такие реакции полностью отсутствуют в ответах испытуемых дошкольного возраста (4–6 лет). Однако среди реакций учащихся 1 класса количество ассоциатов, которые можно отнести к данной группе, достигает 3,8%. Далее вновь сокращается количество таких реакций, и в ответах испытуемых из ЭГ7 количество реакций, которые были

отнесены к данной группе, вновь падает до 0,7%. Можно предположить, что явное увеличение числа таких ассоциатов в ЭГ4, скорее всего, связано с активным развитием у детей в этом возрасте письменной и устной речи.

Среди реакций, полученных в ходе проведения АЭ с детьми в возрасте 4–5 лет, только 2,2% и 3,7% реакций были отнесены к группе *моделирование ситуации*, что может быть связано с тем, что ребенок еще не способен моделировать и описывать ситуацию, поскольку это требует построения полноценных синтаксических структур. Количество реакций, связанных с моделированием ситуации, резко возрастает (8%) в ответах испытуемых из ЭГ4. Однако в ответах испытуемых 7 лет вновь наблюдается уменьшение числа таких реакций (1,5%), что может объясняться складыванием нового механизма ассоциирования (на основе абстрактных отношений) и его приоритетным применением в процессе мышления. В более старших возрастных группах (9–11 лет) вновь наблюдается рост количества таких реакций.

5. Выводы

Анализ реакций, полученных в ходе АЭ с детьми в возрасте 4–11 лет, позволяет сделать следующие выводы:

1. С возрастом испытуемых общее количество реакций увеличивается на 77%. Если испытуемые в возрасте 4–5 лет отвечают на слово-стимул одним – двумя ассоциатами, как правило, называя окружающие их предметы, то уже в возрасте 8 лет испытуемые реагируют на слово-стимул двумя – тремя ассоциатами, а в возрасте 9–10 лет, количество реакций может быть более трех единиц.

2. С возрастом испытуемых количество реакций, относящихся к группе *категория предмета*, увеличивается на 45%. При этом также увеличивается количество ассоциатов, относящихся к группе *характерный признак предмета*. Вероятно, рост числа этих реакций связан с развитием номинативной способности у детей, поскольку у них формируется умение описать предмет, ситуацию, что, по мнению психологов, тесно связано с развитием письменной речи у детей.

3. Количество реакций, отнесенных к группе *ситуативных реакций*, уменьшается в ответах детей из старших возрастных групп. Так, наибольшее количество таких реакций присутствует в ответах испытуемых в возрасте 4–5 лет, что связано с недостаточным развитием ЯС детей этого возраста что, в свою очередь, приводит к поиску опоры в окружающем пространстве. Эта опора, как правило, не отражает действительные параметры объекта и является искусственной. Уменьшение количества таких реакций, а затем и полное их

исчезновение в ответах испытуемых говорит о том, что у детей в возрасте от 6 лет сформировано ситуативно-обусловленное мышление, и они могут говорить о предметах, находящихся вне поля их зрения.

4. В ответах испытуемых более старшего возраста количество реакций, относящихся к группам *повтор стимула, реакции по шаблону и персервативные реакции*, сокращается на 15%. Такие реакции говорят о несформированности и неустойчивости структур сознания.

5. В ответах испытуемых в возрасте от 6 лет появляются реакции, относящиеся к группам *действие и моделирование ситуации*. Это подкрепляется увеличением количества глагольных ассоциатов. При этом сначала формируется когнитивная структура, описывающая действие самого предмета (6–7 лет), а позже появляются реакции, отражающие те действия, которые можно совершить с этим предметом.

Литература

- Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб., 1997.
Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 2008.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 2008.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2011.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ Д. ХАРМСА И Н. ЗАБОЛОЦКОГО

А.С. Ватутина

Ключевые слова: авангард, ОБЭРИУ, абсурд, символика, энтомология.

Keywords: avant-garde, the Association of real art, absurd, symbolism, entomology.

Начало XX века в литературе ознаменовалось движением авангардного творчества, которое в своих разнообразных течениях пыталось отразить мироощущение нового века. Ведущие позиции здесь заняла игровая, абсурдная поэтика, которая стала благодатной почвой для развития энтомологической образности. Как отмечает Н. Злыднева, «в XX веке инсектный код <...> выступает как глобальный метатроп авангарда» [Злыднева, 204, с. 242], что

исследователь объясняет изменением пространственно-телесной соотнесенности, проявляющейся в присущей авангарду минимализации или инобытийности телесности.

Причины подобного изменения самоидентификации человека связаны, как пишет Л. Кацис [Кацис, 2000, с. 489–490], с апокалиптическими настроениями рубежа веков, усиленными военными событиями и революцией. В таких обстоятельствах активность человеческого общества уподобляется копошению множества насекомых, а ценность жизни человека и ее продолжительность ничуть не отличается от существования какой-либо букашки. В связи с этим, большинство энтомологических образов, о чем говорит Н. Злыднева, приобретают негативную окраску [Злыднева, 204, с. 243], преобладающими становятся образы мухи, клопа, таракана и т.п.

В начале 30-х годов, в связи с развитием естественнонаучной мысли, распространением идей бессмертия атома и панпсихизма К.Э. Циолковского, исследованием биосферы и учением о ноосфере В.И. Вернадского, на смену эсхатологическим взглядам приходит представление о едином эволюционном развитии мира, где все живые существа самоценны и включены в целостный мировой процесс. В этом ключе насекомое становится объектом для изучения как микрокосмос со своими тайнами, постижение которых позволяет изменить точку зрения на окружающий мир, переоценить давно привычные вещи. Негативный модус при этом окрашивается в положительные тона, в связи с чем внимание художников привлекают стрекоза, кузнечик, бабочка.

В качестве примеров «инсектной» поэтики как тенденции в литературе авангарда чаще всего ссылаются на творчество писателей, объединившихся в 1928 году в литературную авангардную группу ОБЭРИУ (А. Введенский, Д. Хармс, Н. Заболоцкий, К. Вагинов, Б. Левин, неофициально примыкающий к группе Н. Олейников). В их творчестве образы насекомых занимают особое место, обретая статус философских универсалий, выраженных всеобъемлющей метафорой или аллегорией. Именно в текстах обэриутов в полной мере эксплицируется энтомологический код начала XX века в разных его аспектах и разных контекстах, чему способствует и творческая индивидуальность авторов. Объединенные общей идеей, они по-разному смотрят на окружающий мир, ставят перед собой разные задачи, в связи с чем и энтомологические образы в творчестве

Заболоцкого, Олейникова, Хармса отличаются специфической художественно-эстетической функциональностью.

Творчество Д. Хармса многие исследователи, и в частности Ж.-Ф. Жаккар [Жаккар, 1995], связывают с литературой абсурда. При этом в качестве одного из основных средств создания общей абсурдной картины в поэзии и прозе автора выступают мотивы смерти. Как отмечает С.Г. Семенова, «абсурдный их колорит создается как полным отсутствием нормальных реакций на такие прискорбные события, так и их нескончаемо-нелепой мультипликацией» [Семенова, 2004, с. 461]. В энтомологическом аспекте с мотивами смерти у Д. Хармса соотнесен образ мухи, что соответствует традиционной латентной символике этого насекомого. А. Ханзен-Леве объясняет связь мухи и смерти «метонимически – из-за присутствия в местах, где умирает, гниет и разлагается плоть, метафорически – из-за своей беспредметности, малости и раздражающей, назойливой случайности и вездесущести» [Ханзен-Леве, 2003, с. 550]. Так, например, в цикле миниатюр Д. Хармса «Случаи» представлен небольшой рассказ без названия, состоящий из 3 частей, и начинающийся со слов «*Одна муха...*» (1929–1930). Абсурдно-бытовая ситуация первого эпизода – «*Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина...*» – получает неожиданное фантастическое развитие – «*...прошла сквозь его голову и вышла из затылка*» [Хармс, 2000, с. 40]. Это происшествие погружает господина, по фамилии Дернятин, [Хармс, 2000, с. 40] в состояние продолжительной рефлексии, но его итоговое решение не думать о случившемся оказывается бессмысленным («*...но как он ни бежал, того уже все-таки не получалось*» [Хармс, 2000, с. 40]) – мир начинает кривиться и рушиться. Разрушение касается, прежде всего, самого Дернятина: его тело словно распадается на отдельные составные части, возможность управления которыми превращается в сложный произвольный процесс («*На голубой дорожке Дернятин оступился ногой <...> пришлось даже помахать руками в воздухе*» [Хармс, 2000, с. 40]). Одновременно запускается своеобразный механизм цепной реакции, в результате чего, посредством текстуального параллелизма действий, *господин Дернятин* уподобляется недавно встреченной им мухе и сталкивается с неожиданно появившимся автомобилем. Это событие, в свою очередь, на долю секунды вводит в текст новых персонажей; абсурдно равнодушные к случившемуся, они также быстро исчезают из поля зрения читателя, как и появились. Завершается сложившаяся

цепь событий констатацией – «Смерть в виде автомобиля миновала его» [Хармс, 2000, с. 42]. Но понятно, что произошло это только потому, что *господин Дернятин* давно мертв – «Уже *Дернятин* понял, что он умер» [Хармс, 2000, с. 42]. Финалом истории становится упоминание о времени: *Дернятин* как бы движется вспять, отправляясь нагонять упущенные им «*девять с половиной минут*». В творчестве Хармса категория времени имеет существенное значение и связывается Ж.-Ф. Жаккаром с философскими воззрениями Л. Липавского: «остановившееся время не есть вечность, но пустота и смерть» [Жаккар, 1995, с. 248]. В связи с этим, неожиданно возникающий в рассказе образ мухи также выступает как символ «Ничто» [Ханзен-Леве, 2003, с. 550], именно с него начинается сплетение жизни и смерти в один клубок: жизнь оказывается неумолимо скоротечной, что сравнимо со стремительным движением насекомого, а присутствие смерти – обыденным, как его повседневная назойливость.

Во второй части данного рассказа история с мухой повторяется, но уже в виде воспоминаний одного из гостей *семейства Рундодаров*, являющего собой пародийно-саркастический образ мещанского общества. Здесь *игумен Мирослав II* воспринимает факт столкновения с мухой, как таинство, благодать: «*Вдруг из дома вылетела муха, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударила в лоб и прошла насквозь головы <...> Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо*» [Хармс, 2000, с. 43]. Это «чудо» соотносится в тексте с известием о таинственных «*летающих холмах*», один из которых будто теряет свойство непроницаемости и сквозь него пролетает галка. Весь окружающий мир оказывается эфемерным и зыбким, и эта пугающая непрочность природы сочетается с уже свершившейся нравственной и духовной смертью людей. Общество, где царит пошлость, где люди подобны животным («*Гости ели жидкие и твердые блюда, потом подползали на четвереньках к Анне Маляевне, целовали ей ручку...*» [Хармс, 2000, с. 43]) по своей сути уже мертво. Это подчеркивается в третьей части рассказа, состоящей из двух предложений и представляющую гротескное изображение застрявшего в дверях столовой *Платона Ильича Рундодара*, для которого собственный дом становится гробом («*Он уперся локтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял*» [Хармс, 2000, с. 43]). В связи с этим, образ мухи в рассказе выполняет прежде всего символично-метафорическую функцию и выступает в качестве

вестника смерти – физической, нравственной и духовной, в общем абсурдном контексте актуализируя экзистенциальные проблемы личности в отношениях с обществом, природой.

Другой эстетической модальностью характеризуются энтомологические образы Н.А. Заболоцкого, творчество которого, как отмечает С.Г. Семенова, прошло эволюционный путь от осознания абсурдной конечности бытия всего живого до утверждения идей духовного бессмертия [Семенова, 2001]. И. Роднянская рассматривает поэтический мир раннего Заболоцкого как движение «от наступательного экспрессионизма гротескных городских «*Столбцов*» – к «*прекрасно-глупой*», идиллически-пасторальной эстетике «наивного искусства» и одновременно к оккультно-магической таинственности таких вещей, как «*Меркнут знаки зодиака*», «*Змеи*», «*Царица мух*» [Роднянская, 1996, с. 223]. В стихотворении-колыбельной Н. Заболоцкого «*Меркнут знаки зодиака*» (1929) все живое с наступлением ночи погружается в сон, причем, наименования насекомых, как и названия других животных и растений, графически выделены как имена собственные (*Собака, Воробей, Камбала, Корова, Муха, Паук, Картошка* и т.д.). Всему живому на земле противостоит нежить, олицетворяющая ночные кошмары: русалки, ведьмы, леший, покойник и пр.. Между этими двумя мирами в универсуме Заболоцкого находятся люди – «*Полузвери, полубоги*» [Заболоцкий, 1983, с. 87]), обособленность которых обусловлена наличием разума, порождающего чудовищ: «*Уродцы эти – / Только вымысел и бред, / Только вымысел, мечтанье, / Сонной мысли колыханье <...> То, чего на свете нет*» [Заболоцкий, 1983, с. 87]. Среди энтомологических образов этого стихотворения из общей логики мироустройства выпадают Муха и блохи. Слово «блохи» использовано как имя нарицательное и вписано в один семантический ряд с именами существительными, обозначающими представителей ночной жути – «*Ведьмы, блохи, мертвецы*» [Заболоцкий, 1983, с. 87], что обусловлено ночной паразитической активностью этих насекомых, нарушающих мирный сон и людей, и животных. Напротив, Муха представлена как жертва нечисти, потревожившей ее сон: «*Спит животное Паук, / Спит Корова, Муха спит*» – «*Вслед за ними бледным хором / Ловят Муху колдуны*» [Заболоцкий, 1983, с. 86–87].

Мистический контекст этой ситуации отсылает к другому стихотворению Н. Заболоцкого «*Царица мух*» (1930). Ее смысл раскрывается И.Е. Лоциловым в связи с особой символикой образа

мухи [Лоцилов, URL]. Исследователь ссылается на старинное предание о магическом свойстве мухи указывать место скрытых под землей сокровищ, связанное, в свою очередь, с религиозно-мифологическим представлением о Вельзевуле (от иврит. Бааль-Зевув – «повелитель мух») – одним из подручных сатаны, знак которого – пентакль – носит Царица мух. Потому и в колыбельной *«Ловят Муху колдуны»* [Заболоцкий, 1983, с. 86].

В более поздних произведениях Н. Заболоцкого энтомологическая образность может быть обусловлена его увлеченностью развивающимися в этот период в России натурфилософскими идеями. С.Г. Семенова, в частности, говорит о влиянии на поэта эволюционных и космогонических учений Циолковского и Вернадского [Семенова, 2001, с. 232]. В поэме *«Школа жуков»* (1931) поэт раскрывает идею единства живого космоса, во-первых, через уподобление людей насекомым. Беременные *Женщины*, несущие огромные шары-животы, называют себя *«толкачихами мира»*, уподобляясь жукам-скарабеем, толкающим задними лапами навозный шар, семантизированный в древних мифах как восходящее солнце, возрождающее жизнь. Мифологические значения образа скарабея – самозачатие, обновление, первоначало мира – также соотносятся с образами *Женщин*, рождающих *«толстых красных (подобно солнцу. – А.В.) младенцев»* [Заболоцкий, 1983, с. 109]. В образах *Плотников*, строящих для младенцев *«огромные колыбели»*, каждому, в связи с его будущим, из особого дерева, угадываются жуки-древоточцы, знающие строение древесных волокон изнутри. В хоровой декламации *Живописцев* Заболоцкий рисует картину эволюции живой разумной материи от *«зачатка мозгов» «в теле картошки»* [Заболоцкий, 1983, с. 109] до мозга человека, а в хоровой партии *Каменщиков* поэт воссоздает вечный круговорот живой умной материи, из которой строится ноосфера планеты: люди, *«наблюдатели жизни животных»*, умирая и разлагаясь в земле, отдают свой мозг растениям, насекомым, животным – *«Лучшая жертва, / Которую видели звезды»*, *«Жуки с неподвижными крыльями, / Зародыши славных Сократов, / Катают хлебные шарики, / Чтобы сделаться умными»* [Заболоцкий, 1983, с. 112]), что связано с древней символикой жука-скарабея, ставшего в Египте, с одной стороны, *«символом ученика и его пути к мудрости»* [Гусев, 2010 с. 68–69], а с другой, – проводником души человека в мире мертвых. Кузнечики– *«часы насекомых, / Считают течение*

времени, / Сколько кому осталось / Свой ум развивать» [Заболоцкий, 1983, с. 112], чтобы затем передать его человеческим детям, которые находят разумных жуков «в каменной пазухе мира». Так, «путешествия / Из одного тела в другое» [Заболоцкий, 1983, с. 112], растет разум, ширится ноосфера Земли, в которой насекомые занимают низший уровень, представляя «младенчество мира». Поэма заканчивается сообщением Женщин о том, что «Ныне заложена первая школа жуков» [Заболоцкий, 1983, с. 112], жуков – учеников, впитывающих разум из мозга провожаемых ими в могилу людей, и жуков – учителей, передающих полученный ум человеческим детям. Образный строй поэмы можно истолковать и как выражение идеи бессмертия – реинкарнации человеческих душ, на одном из этапов своих путей постигающих тайну мироздания в теле насекомых: «Из одного тела в другое, / Вырастает таинственный разум. / Время кузнечика и пространство жука / – Вот младенчество мира» [Заболоцкий, 1983, с. 110]).

Таким образом, в поэзии обэриутов Д. Хармса и Н. Заболоцкого насекомые занимают немаловажное значение, выполняя в каждом случае свои специфические функции, соответствующие общей концепции творчества авторов. В целом поэтическая динамика энтомологических образов в их символическом содержании воссоздает эволюцию творчества обэриутов от идей абсурдности и непостижимой стихийности бытия до его покорения бессмертной силой мысли и искусства.

Литература

- Гинзбург Л. Николай Олейников // Олейников Н. Пучина страстей : стихотворения и поэмы. Л., 1991.
- Гусев И.Е. Скарабей // Все знаки и символы. Большая энциклопедия. Минск, 2010.
- Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
- Заболоцкий Н. Собрание сочинений : в 3-х тт. М., 1983. Т. 1.
- Злыднева Н. Инсектный код русской культуры XX века // Абсурд и вокруг него. М., 2004.
- Кацис Л. Эротика 1910-х и эсхатология обэриутов // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000.
- Лоцилов И. «Царица мух» Николая Заболоцкого: буква, имя и текст // Сетевая словесность: сетевой литературный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netslova.ru/loshilov/sidelka.html>
- Роднянская И. Единый текст // Новый Мир. 1996. № 6.
- Семенова С.Г. «Мы же новый мир устроим с новым солнцем и травой...» («атомы новых смыслов» поэзии Николая Заболоцкого) // Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М., 2001.

Семенова С.Г. Метафизика смерти и абсурда // Метафизика русской литературы. М., 2004. Т. 1.

Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003.

Хармс Д. Собрание сочинений : в 3-х тт. СПб., 2000. Т. 1.

«ШЛЕМ УЖАСА» В. ПЕЛЕВИНА И ПЬЕСА Э. ИОНЕСКО «НОСОРОГ»: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МОТИВА ПРЕВРАЩЕНИЯ

Е.А. Куликова

Ключевые слова: абсурд, животное, превращение, мотив, новаторский, Минотавр.

Keywords: absurd, animal, transformation, motive, innovative, Minotaur.

Превращения, в особенности, принятие человеком животного обличия – одна из традиционных тем в творчестве Виктора Пелевина. Автор нередко обращается к знаменитым текстам мировой литературы, содержащим мотив перевоплощения людей в животных. Сравнение можно провести, например, между новеллой Ф. Кафки «Превращение» и романом Пелевина «Жизнь насекомых», между повестью «Собачье сердце» М. Булгакова и «Священной книгой оборотня». По мнению А. Балода, одна из причин интереса писателя к теме оборотней «лежит в области идеологии. <...> Превращение живых существ из одного вида в другой - например, из человека в волка является хотя и примитивной, но очень впечатляющей и зрелищной формой взаимопроникновения, взаимозаменяемости, и, в известной степени, иллюзорности» [Балод, 2002, с. 2].

«Шлем ужаса» представляет собой новую версию мифа о Минотавре и Тесее. В сюжет добавляется мотив превращения: представители человеческого рода пытаются стать Минотавром – существом с бычьим «сознанием» и нравом. Тот же мотив превращения находим в пьесе Э. Ионеско «Носорог»: только здесь речь идет о коллективном перевоплощении людей в носорогов. Носорог и бык – животные не только близкие в весовом отношении, но и обладающие такими общими чертами, как импульсивность, «твердолобость».

Ионеско и Пелевин – писатели разных эпох, национальностей, противоположны они и в литературно-жанровом отношении. Эжен Ионеско – французский драматург-авангардист. Пелевин – русский писатель-постмодернист, чьи произведения по своей литературно-родовой ориентации всегда были эпическими. Но в 2005 году Пелевин публикует «Шлем ужаса» – текст, совершенно выбивающийся из привычных эпических и вообще любых жанровых рамок. Пелевин создал произведение в стилистике Интернет-чата: чередование реплик героев в процессе виртуального общения. Это роднит «Шлем ужаса» с драмой.

И Ионеско, и Пелевин оказываются новаторами, каждый для своего времени. Ионеско известен как один из основоположников «театра абсурда» («Общее название для драматургии поставангарда 1950-1970-х годов» [Руднев, 1999, с. 303]). Главным признаком данного культурного явления стало разрушение канонов традиционного театра. В этом плане В. Пелевин также имеет все шансы называться новатором, поскольку создал «пьесу», которую поставить на театральной сцене почти невозможно (это все-таки было сделано, но зрителям пришлось выдавать ноутбуки). «Шлем ужаса» – синтез двух литературных родов, да еще с вкраплениями киберкультурной эстетики. Критик Д.В. Бавильский дает характеристику произведению: «Все это напоминает мне драму абсурда, разговоры, которые никуда не ведут и ни к чему не приводят» [Бавильский, 2005].

Пьеса «Носорог», написанная в 1959 году, раскрывает перед читателем / зрителем жутковатую фантастическую историю превращения жителей некоего городка в носорогов. В финале только одному герою удастся сохранить свой облик и не превратиться в животное. Речь идет о Беранже, мелком чиновнике, не лишенном способностей, которые он смог бы в себе развить, если бы не чрезмерное увлечение алкоголем и душевное безволие. Однако он – единственный, кто по воле автора противостоит стаду, потерявшему связь с человеческим сообществом. Хотя внутренний мир героя к финалу пьесы разделен: с одной стороны – желание слиться с животной средой, стать таким, как все, с другой – стремление сохранить индивидуальность. Конфликт остается неразрешенным. Существенным в пьесе Ионеско является социальный подтекст произведения: это жизнь человека и его роль в тоталитарном государстве. Идейная основа пьесы – конфликт между человеческим и стадным началом. Театральный критик

Мартин Эсслин, размышляя о пьесе Ионеско, подчеркивает, что «Носорожество - не только болезнь, именуемая тоталитаризмом, свойственным правым и левым, но и стремление к конформизму» [Эсслин, 2010, с. 186].

Подобный мотив находим и в произведении Пелевина: его идейная концепция также основана на проблеме соотношения человеческого и животного. Кроме того, в пьесе Пелевина мы сталкиваемся с сюжетом о превращении коллективном. Каждый из персонажей оказывается составной частью Минотавра, и значит все они – носители как человеческой, так и животной природы. Каждый герой уникален, обладает своим набором свойств. Есть здесь героинтеллектуалы: Монстрадамус и Щелкунчик. Они – умственная сила и связывают виртуального Минотавра с человеческой природой. Такие же герои как Организм, Ромео соотносятся, скорее, с примитивной, менее развитой сферой. То есть «Шлему ужаса», как и пьесе Ионеско, присущ мотив противоборства человеческого и животного.

Родственность текстов прослеживается и на уровне главных героев. В пьесе Ионеско – это Беранже. У Пелевина сложно вычленить главного героя, поскольку все персонажи равноценны, образуют единство. Однако находится в пьесе персонаж, наделенный особой функцией. Как детективное произведение, где всегда присутствует герой, чья тайная деятельность вроде бы невозможна, но который впоследствии все-таки оказывается не тем, за кого себя выдает, – так и «Шлем ужаса» предлагает подобного героя – непримечательного, со странным именем Sliff_zoSSchitan (сокращенная форма - «Слив»). Появляется он редко, общаясь с остальными в кратковременных перерывах между попойками. Перед нами герой-пьяница, и это роднит его с персонажем Ионеско. Слив играет непосредственную роль в отношениях Минотавра и Тесея. «Сливая» информацию Тесею и помогая тому не превратиться в Минотавра, Слив перестраивает весь образ Минотавра на свой лад. В итоге получается Минозавр (инициалы героев образуют слово «Minotaug», а после вмешательства Слива (Sliff) «Minotaug» преобразуется в «Minosaur»).

Роль Тесея в «Шлеме ужаса» имеет также немалое значение. Появляется он на мгновение и исчезает, избежав общей судьбы стать частью Минотавра. В этом плане героя Ионеско можно сопоставить и с Тесеем, так как оба не желают превращаться в животных. В «Шлеме ужаса» только Тесей остается человеком, как

в «Носороге» лишь Беранже сумел сохранить свою человеческую сущность.

Очевидна в том и другом произведении и тема абсурдности, отказа от рационального. У Ионеско абсурдизируется логика. Примером служит сцена, где герои ведут бессмысленное рассуждение о том, сколько рогов у азиатского и африканского носорогов. В «Шлеме ужаса» Монстрадамус, привыкший все подвергать рациональному осмыслению, приходит в замешательство, столкнувшись с невозможностью осмыслить рационально содержимое «шлема ужаса» – головы Минотавра: «У меня скоро шлем ужаса перегреется» [Пелевин, 2005, с. 78].

Примечательно, что и в том, и в другом произведении неоднократно упоминается зеленый цвет. У Ионеско носороги зеленого цвета; Жан, друг Беранже, незадолго до превращения, ходит по комнате в зеленом костюме. В «Шлеме ужаса» стены комнаток героев окрашены в зеленый, сам Минотавр является Ариадне во сне и сравнивается ею с черно-зеленым грибом. Можно предположить, что зеленый цвет является символическим указанием на мир природы, естественной среды обитания носорогов и быков.

Важно подчеркнуть, что оба автора склонны к игре слов. В оригинальном французском варианте пьеса Ионеско называется «Rhinoceros». В данном слове содержатся все буквы, составляющие фамилию писателя (Rhinoceros – Ionesco). Пьеса Пелевина носит название «Шлем ужаса». Можно заметить, что при слиянии двух слов названия рождается бычий крик: «му». Это слияние аналогично желанию героев слиться, чтобы стать Минотавром. Таким образом, у Ионеско фамилия автора порождает чудовище, а у Пелевина – инициалы персонажей (название «Шлем ужаса» еще более это подчеркивает). Прием словесной игры, а именно совмещения частей (слогов) двух рядом стоящих слов с целью порождения иных смыслов, для Пелевина не нов, он использовал его задолго до «Шлема ужаса», например, в рассказе «Ухряб». По сюжету главному герою рассказа – Василию Маралову – однажды открывается своеобразная истина бытия, всплывающая в его сознании в виде загадочного слова «Ухряб». После «озарения» Маралов начинает воспринимать все сущее как «форму, в которой временно застыл ухряб», сам же ухряб в полусознанном представлении героя подменяет традиционную категорию Бога. С помощью указанного писательского приема, позволяющего частям двух примыкающих друг к другу слов сливаться, создается эффект

«неизбежности» ухряба для героя. Например, Маралов берет наугад книгу и на одной из страниц читает: «...вкручиваясь в раскаленный воздух. Рябая гладь...», затем встречает такую цитату: «...вот-с, умял двух рябчиков, да еще...». [Пелевин, 2002, с. 117]. В статье «Виктор Пелевин между Ухрябом и УРАЛОм» В.В. Десятов, опираясь на фрейдовское понятие *verdichtung* (конденсация, сгущение), отмечает: «Ухряб штурмует сознание Маралова, «конденсируясь» из различных текстов» [Десятов, 1998, с. 90]. Название «Шлем ужаса» так же может быть вариантом «конденсации». Игра со словом для Пелевина как для писателя – постмодерниста традиционна. Очевидным становится то, что в «Шлеме ужаса» эта традиция продолжается.

Противопоставление человеческого и животного, абсурдность происходящего, нетрадиционный подход к жанровым канонам, наконец, сам сюжет зоометаморфозы коллектива, из которого выбивается единственный человек – вот главные элементы, сближающие новаторское произведение Ионеско с постмодернистским творением Пелевина. В целом же, неоднократное повторение в литературе сюжета о превращении людей в животных не столько указывает на нерасторжимость связи человека с биосферой, сколько на неоспоримую значимость этого факта в писательском сознании. Но роль природы неоднозначна: с одной стороны, она подменяет собой реальность, тем самым выполняя практическую функцию (тема оборотничества у Пелевина – пример взаимозаменяемости и иллюзорности миров), с другой – может быть источником опасности.

Литература

Бавильский Д.В. Вы слышите их? «Шлем ужаса» В. Пелевина : книга и спектакль // Взгляд. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/culture/2005/12/13/15575.html>

Балод А. Иронический словарь А Хули // Новый взгляд. 2005. № 19.

Десятов В.В. Виктор Пелевин между Ухрябом и УРАЛОм // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998.

Ионеско Э. Пьесы. М., 2004.

Пелевин В. Хрустальный мир. М., 2002.

Пелевин В. Шлем ужаса. М., 2005.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты. М., 1999.

Эсслин М. Театр абсурда. СПб., 2010.

**КОНЦЕПТОСФЕРА АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
'УСАДЬБА' В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ И. ВО «ВОЗВРАЩЕНИЕ В
БРАЙДСХЕД» И А. МЕРДОК «ДИКАЯ РОЗА»)**

М.А. Рябцева

Ключевые слова: концепт, концептосфера, миф, ценностный компонент.

Keywords: concept, conceptsphere, myth, value component.

В структуру концепта входит все то, что делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. [Степанов, 2004, с. 43]. Смысловые слои концепта могут быть выявлены через анализ языковых средств его репрезентации. Так, наращивание смысловых слоев концепта-мифемы можно представить следующим образом. На первом этапе происходит его осмысление, то есть соотнесение в сознании смыслового содержания концепта с этимологом (истинным, первичным значением) соответствующего слова. На втором этапе формируется внутренняя форма слова – смысловый центр концепта-образа. Для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. На третьем этапе происходит метонимическая концентрация образа, что, в свою очередь, стимулирует формирование символического значения слова. На четвертом этапе появляется установка на миф – действие символа в парадигме культуры. Таким образом, концепт – это и исходный пункт порождения значения языкового знака, и завершающий этап его смыслового насыщения [Сергеева, 2009, с. 76–77], а разные его «слои» являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох.

Если литература XIX века развивалась по пути демифологизации, то в XX веке она вновь обращается к слиянию фантазии и реальности в цельность мифа, где субъективное и объективное рационально не разграничены. Но трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает уже не природа, а сотворенная самим человеком цивилизация. Становится характерным свободное, непатетическое отношение к мифологии, дополняемое иронией и пародией, притом что мифические первоосновы прощупываются часто в самых простых и обыденных вещах и представлениях.

В литературных текстах усадебный дом, как правило, уже фигурирует как «старый», «старинный», что также можно рассматривать как своеобразную мифологию. «Возращение в Брайдсхед» И. Во (1945) – это ретроспективный рассказ, ведущийся от лица художника Чарльза Райдера, случайно оказавшегося во время войны вблизи дома маркиза Марчмейна. С этим домом и его обитателями были связаны лучшие годы жизни Райдера. «Возращение в Брайдсхед» – взгляд в прошлое человека, когда-то жившего в доме, для него дом даже более важен, чем для коренных владельцев («*My theme is memory, that winged host that soared about me one grey morning of war-time. These memories, which are my life – for we possess nothing certainly except the past – were always with me*»).

Жизнь прошлым и в прошлом, на которую провоцирует усадебный быт, легко кореллирует со смертью. Идеал успокоения в сельском доме связан с идиллическим мироощущением, главным символом которого является Аркадия, предстающая в эклогах Вергилия как топос смерти. Доведенная до логического предела метафора «старого дома» превращается в метафору дома-гроба (в романе лорд Марчмейн возвращается в Брайдсхед умирать). Для коренных владельцев Брайдсхеда поместье уже не имеет ни эстетической («смотреть здесь совершенно нечего»), ни эмоциональной ценности («Здесь живет наша семья», говорит Себастьян, а не «Это мой дом»; показывая дом своему другу-художнику, вполне способному оценить это истинное богатство и даже получить от него вдохновение, Себастьян говорит: «Сами видите, смотреть здесь совершенно нечего»). Теряя функции жилого (и живого) дома, он становится своеобразным «аккумулятором» культуры всего рода человеческого. Для Чарльза Райдера, художника, он является «бесценным эстетическим уроком». Не обязательно описывать вещи в таком доме, достаточно их просто назвать: «Chippendale fretwork», «Chinese drawing», «painted paper», «tapestry-hung hall», «cucumber sandwich», «silver cream-jug», «English girl <...> in flowered muslin» – чтобы воскресить в памяти узнаваемую концептосферу. Опасность, однако, состоит в том, что истинно характерные, индивидуальные и тем ценные черты превращаются в «обаяние» («charm is the great English blight»), становятся чисто внешними атрибутами.

XIX век был веком материальных ценностей. Материальное становилось идеалом, красотой, поэзией. Мир был наполнен вещами, а деньги являли собой основное мерило всех вещей. Аристократизм

понимался как виртуозная культура внутренней и внешней жизни, и вещи начали выражать своих владельцев. Накопление эстетических богатств и восхищение ими постепенно стало самоцелью. «Вещный мир» уже не выражает, а замещает человека. Будучи пресыщены собственным домом, хозяева уже не могут вдохнуть в него жизнь, придать ему индивидуальный характер. Мучаясь выбором между потребностью в стабильности и тягой к динамичности, герои то бегут из Брайдсхеда, то возвращаются в него. Есть еще художник, который может черпать вдохновение из старого дома и его артефактов, но в его живописи появилось «что-то джентльменское», что-то сугубо внешнее.

Истинно ценные предметы искусства уже не вызывают восхищения даже у их владельцев. Зато теперь принято восхищаться тем, что следовало бы принимать как должное.

Если рассматривать английскую усадьбу как концептосферу, то есть совокупность отдельных, но взаимосвязанных концептов, то, вероятно, можно условно разделить составляющие ее отдельные концепты на две группы: «предметные» (терминология В.И. Карасика: [Карасик, 2004, с. 122]; предметы, являющиеся неотъемлемой частью обстановки поместья) и «ценностные» (сфера отношений) и сказать, что со временем происходит смещение акцентов. В классической усадебной литературе (например, в произведениях Джейн Остен) усадьба почти всегда является сюжетообразующим элементом, но не имеет субъектной ценности. В позднейших произведениях на первый план выходит масса «типичных» для английского поместья предметов и деталей, которые уже являются своеобразной «торговой маркой», и даже отношения становятся едва ли не театральными, пытаются соответствовать существующим представлениям о жизни в «настоящей английской усадьбе».

Название романа А. Мердок «An Unofficial Rose» напрямую относится к выведению новых сортов роз, которым занимается семья Перонетт. Но достаточно легко прочитывается и второй план, подтекст – роза является официальным символом Англии и любимейшим украшением традиционных английских садов. В названии романа, таким образом, содержится намек на несоответствие традиционных представлений и истинного положения вещей и отношений в жизни английского поместья как проекции всей общественной жизни. Автор «Дикой розы» видит свою задачу не в том, чтобы утвердить в своих читателях чувство

стабильности, неизменности окружающего миропорядка, а в том, чтобы развеять такое чувство, если оно у читателей уже выработано [Шестаков, 1989, с. 14–15].

Судя по вехам сюжета, «Дикая роза», написанная в 1962 году, – это традиционный бытовой психологический роман, и некоторые моменты сюжета романа даже соответствуют привычным коллизиям «усадебной» прозы, например, приезд «чужака» – в «Дикой розе» это племянник Перонеттов Пенн, приехавший на каникулы из Австралии.

«I'm so glad Penny will have a chance to see Seton Blaise. He ought to see a real English country house. <...>».

«Our chaos is ceremony to him», said Hugh. «And you know he thinks Grayhallock is terribly romantic!»

На самом деле у Пенна несколько иное мнение: *«...he would be sorry to go home without having seen a bit more of England. But he was depressed by the countryside which they all thought so pretty, and constantly exclaimed about instead of taking it for granted. He disliked its smallness, its picturesqueness, its outrageous greenness, its beastly wetness. ...he missed, more than he would have believed possible, the absence of the outback, the absence of a totally untamed beyond».*

«Smallness», «picturesqueness», «greenness», «wetness» – все это возможно считать составляющими концептосферы английского поместья, что подчеркнуто формулированием этих понятий в виде абстрактных существительных. Дом символизирует освоенное, замкнутое пространство, где человек чувствует себя в безопасности («an Englishman's home is his castle»). Но оборотной стороной защищенности является закоснение, ограниченность обзора, отсутствие свежего воздуха. Вбирая в себя черты своих владельцев, отражая их внутреннюю сущность, дом, в свою очередь, сам начинает влиять на характеры и отношения живущих в нем людей. Мердок не ограничивается подтекстом, а формулирует эту связь на редкость прямо, доходя до обратной метафоры (см.: [Резанова, 2012, с. 30], [Потураева, 2011]): *«He asked no questions about the future. He waited. And he made of his strange friendship with Ann a place of security, a sort of permanent house, an English house for a wandering man, a place where his valued things could be stored in safety».*

Таким образом, происходит эволюция «до наоборот» оценочной составляющей концептов. «Зелень», «влажность», «крохотность» изначально не несут никакой коннотативной окраски, а просто отражают самую жизнь здесь, проникают в

сознание и становятся необходимыми категориями мысли. Такая форма представлений о мире фиксируется в мифе, основной функцией которого, по терминологии Ролана Барта, является «натурализация» концепта. Миф выглядит как нечто естественное, «само собой разумеющееся», идея дается в нерасчленном отождествлении с чувственным образом. Пенн думает о своей английской кузине Миранде: «*She was a green sprite, something unposed out of the green watery light of England*»; ср. в романе Ш. Бронте «Джен Эйр», слова Рочестера о Джейн: «*And so you were waiting for your people when you sat on that stile?*» – «*For whom, sir?*» – «*For the men in green*».

Эти детали возникают в сознании всякий раз при упоминании Англии и «английского», повторяются, накапливаются, из естественных становятся типическими и наконец превращаются в раздражающие. Происходит словно бы «умаление», «сжатие» и дальнейшее «перевертывание» означаемого и означающего. Романы на полке в комнате Стива (английского кузена Пенна, заочно обожаемого им) «*looked dull English teaparty stuff*». То есть «вечерний чай» («teaparty») не является уже атрибутом английского уклада, а вся жизнь в большом поместье низводится до уровня «вечернего чая», который, в свою очередь, возводится до концептуального уровня. При этом каких-либо новых объектов, способных заместить опошлившиеся реалии, нет. На первый взгляд безопасное и безусловно приятное «обаяние» оказывается грозным бедствием, способным разрушить даже семейные отношения: «*It was an innocent little world, except that Steve was dead and Randall was drunk upstairs and Emma Sands was at this moment existing somewhere in London*».

В тексте романа есть еще один момент, связанный с «перевертышем». Пенн размышляет о лицемерных и отстраненных отношениях в семье своих английских родственников: «*After his own noisy argumentative affectionate family it seemed to him scarcely credible that two married people could continue on such terms, being so cold and mysterious to each other and so silent: he was shocked. <...> It was all so irrational, he thought, using one of his father's most favoured terms of abuse*». Слово 'irrational' может быть понято и как «нерационально» (то есть «не отвечает соображениям практичности, нецелесообразно»), и как «иррационально» (то есть «непостижимо», «абсурдно»). Оба эти компонента присутствуют в английском национальном характере: с одной стороны – трезвость и

здравомыслие, а с другой – нонсенс, эксцентричность. Пенн оказывается в пространстве, которое одновременно и является, и не является тем, чем кажется. Границы между реальностью и ее «отражениями» размыты даже для постоянно живущих там людей. Сдержанность в чувствах, самоконтроль, терпимость к окружающим, стремление избегать конфликтов, умение уединяться – все это, направленное в конечном счете на достижение комфорта (еще одно концептуальное для Англии понятие), приводит к прямо противоположным результатам. Рациональное поведение вызывает иррациональный страх. Это можно сравнить с эхом, отдающимся в коридорах старого дома, превращающим обыденное в зловещее, привычное в потустороннее, и, кажется, единственный способ вырваться из этой зеркальной карусели – вовсе отрицать ее существование: «...if one were disposed to find things odd one might find this rather odd. But why be so disposed?».

Основываясь на всем сказанном выше, мы считаем возможным представить концептосферу усадьбы в динамике. Первоначально усадьба концептуализируется через предметные концепты (назовем это 1-м этапом концептосферы), на 2 этапе – через ценностные концепты, на третьем – ценностные концепты превращаются в эхо-концепты, где оценка переосмысливается вплоть до противоположной. Таким образом, мы получаем трехслойную систему концептов, что позволяет расширить традиционное «полевое» представление (ядро, приядерная зона, ближняя и дальняя периферия) о внутренней структуре концептосферы.

Литература

- Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004.
Лихачев Д.С. О русском и чужестранном // Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.
Потураева Е.А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «дом» в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011.
Резанова З.И. Обратимые метафорические модели : семантико-функциональная асимметрия (статья 1) // Вестник ТГУ. 2012. № 2(18).
Сергеева Е.Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике // Вестник ВЭГУ. 2009. № 3(41).
Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры. М., 2004.
Шестаков Д. О двух романах Айрис Мэрдок // Мэрдок А. Под сетью. Дикая роза: Романы. М., 1989.
Bronte Sh. Jane Eyre. Penguin Books Ltd., 1994.
Hall J. The Lunatic Giant in the Drawing Room. Bloomington, 1968.
Murdock I. An Unofficial Rose. Vintage, 2000.
Waugh E. Brideshead Revisited. Penguin Books Ltd., 2002.

КОММУНИКАТИВНАЯ СУЩНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТА ТЕКСТОВ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ФОРМАТОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А.А. Шмаков

Ключевые слова: текст с обращением, интернет-коммуникация, интернет-форум, блог, бытие текста.

Keywords: text with the form of address, Internet communication, message board, blog, being of the text.

Текст является центральным звеном коммуникативного акта в любой коммуникативной среде, поскольку через него «проговаривается» (М. Хайдеггер) бытие взаимодействующих субъектов – Говорящего и Слушающего, благодаря своей сущности объединенных в текстовую личность *Homo Loquens* (термин Н.В. Панченко). Таким образом, «текст ... всегда ориентирован “на другого”, даже если этим “другим” является сам автор. В связи с этим диалогичность текста рассматривается как важнейшая текстовая категория» [Болотнова, 2009, с. 235–236].

Цель данной статьи – выявление коммуникативной сущности обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации (далее – ДФ ИК): интернет-форумов (далее – ИФ) и блогов, таких как «Форум Академгородка» [www.forum.academ.org], «Мужской форум Новосибирска» [<http://he.ngs.ru/forum/>], «Живой Журнал» [www.livejournal.com].

Современные лингвисты изучают ДФ ИК с разных сторон: дискурсивной – как компонент диалогического дискурса (И.С. Масленников), жанровой (А.А. Селютин), коммуникативной – с позиций влияния коммуникативной среды на характер общения (О.Ю. Усачева). В нашем понимании диалогические форматы интернет-коммуникации – это такие форматы ИК, которые позволяют коммуникантам взаимодействовать в режимах *online* (реального времени) и *offline* (отложенной коммуникации), с использованием специально разработанных интерфейсов оставляя адресованные виртуальным собеседникам сообщения.

Понятие «текстовый компонент» трактуется исследователями по-разному. Так, М.Н. Кожина под текстовым компонентом понимает «коммуникативные и смысловые блоки», между которыми устанавливается «чисто смысловая» связь. Текстовые компоненты «сцепляются» друг с другом под действием определенной структуры:

«Смысловое сцепление текстовых единиц обусловлено особой структурой: с одной стороны, наличием жестких моделей построения, с другой – возможностью объединения с другими содержательными элементами. Такая структура текстовой единицы способствует порождению единого смысла всего произведения» [Кожина, 2011, с. 167].

Если говорить о «широком» подходе к трактовке понятия «текстовый компонент», то А.П. Сковородников, например, под текстовым компонентом понимает те или иные языковые средства (как правило, изобразительно-выразительные, фразеологизмы и пр.), включенные в текст [Сковородников, 2011, с. 189].

Подход к выделению текстовых компонентов на основе их смысловой спаянности, предлагаемый М.Н.Кожиной, представляется более близким коммуникативной трактовке текстовых категорий, чем позиция А.П. Сковородникова, поскольку в процессе текстопорождения и восприятия ключевым фактором, определяющим коммуникативные процессы, является смысл текстовых единиц, а не их значение (Е.С. Кубрякова, И.А. Мельчук, Л.Н. Мурзин, А.А. Чувакин и др.).

В отечественной и зарубежной лингвистике обращения изучаются в связи с исследованием диалогической речи, прямой речи, вводных, обособленных и сегментированных конструкций. Языковеды рассматривают обращения как односоставные предложения [Проничев, 1971; Торсуев, 1950], единицы коммуникации [Газиева, 1988], речевые акты [Минина, 2002; Рыжова, 1982], самостоятельные части [Ван Цзиньлин, 1996] или элементарные единицы дискурса [Дорофеева, 2005]. Однако, говоря о структурных и семантических особенностях обращений, их отношениях с понятиями предложения, высказывания, морфологическими категориями, исследователи часто обходят стороной коммуникативную сущность данного текстового компонента.

Н.И. Формановская считает, что обращение является универсальным феноменом, присущим языкам различного строя в силу того, что первичная функция обращения во всех языках едина – привлечение внимания собеседника: «Можно думать, что зов, призыв собеседника оказался для разных человеческих сообществ коммуникативной универсалией и развился в категорию обращения, поскольку адресация речи лежит в основе коммуникации» [Формановская, URL].

В рамках данной позиции обращение наделено статусом языковой категории, в то же время в процессе речекommunikативной деятельности оно выступает как текстовый компонент. Обращение проецирует в текст

образ субъекта, этот текст воспринимающего и интерпретирующего, если бы этой фигуры не было, то создание текста не имело бы смысла. Ср. идею датского лингвиста О. Есперсена об осмыслении природы языка: «Если мы хотим понять природу языка ... мы не должны упускать из виду упомянутых двух людей – производящего и воспринимающего речь, назовем их проще – говорящим и слушателем» [Есперсен, 1958, с. 15]. Данный тезис соединяет три понятия: язык, речь (=текст) и порождающую и воспринимающую стороны (фигуру Номо Локуэна). Обращение, реализуясь как текстовый компонент, включает в себя и образ слушающего (эксплицитно), и образ говорящего (имплицитно).

Приведем пример. В одной из записей в блоге известного дизайнера А. Лебедева в рассказе об аэропортах г. Москвы находим следующее высказывание: *Там разве что во Фрайдис можно пойти, приобщиться к регламентированным американским ценностям, бро¹*. У «непросвещенного» пользователя, возможно, не знающего английский язык и незнакомого с американской культурой, возникнет вопрос: «Что такое / кто такой “бро”?». Однако читатели, владеющие культурным кодом, поймут, что обращение *бро* (сокр. bro от англ. brother – ‘брат’) является заимствованным и обычно используется в речи рэперов – приверженцев американской культуры. Используя данное обращение, автор ни в коем случае не обращается только к рэперам, он использует обращение, рассчитанное на узкий круг просвещенных, понимающих читателей, которые оценят его шутку. Обращение эпатажно, поскольку и сам А. Лебедев известен в интернет-среде эксцентричным речевым поведением (Подробнее об этом см. [Шмаков, 2011]). В данном примере обращение выступает своеобразным коммуникативным «медиатором», посредником между автором и адресатом, способствующим передаче сообщения. С другой стороны, обращение «отбирает» своего адресата и отсеивает «чужого», который не приемлет данную форму обращения (об этом может быть сообщено в ответной реплике), и это послужит поводом для прекращения коммуникации.

Некоторые исследователи средств речевого этикета (Н.Г. Тырникова, И.В. Щербинина и пр.) считают, что в устной и письменной коммуникации обращение может выступать в качестве маркера категории вежливости. Так, И.В. Щербинина пишет о том, что «речевой акт обращения входит в систему ритуальных речевых актов. Сами ритуальные речевые акты, наиболее репрезентативными из

¹ <http://tema.livejournal.com/784624.html?thread=419304944&mode=reply>

которых являются обращения с приветствием, извинением, выражениями соболезнования, поздравления с различными юбилеями, награждениями и т.д., функционируют в семантико-прагматическом пространстве вежливости» [Щербинина, 2007, с. 10]. Этикетные жанры, связанные с использованием текстового компонента «обращение», транслируются и в сферу ДФ ИК. При этом наблюдается существенное расширение этикетного спектра речевых средств, что связано с креативностью ИК. Ср. запись на одном из ИФ: *Поздравляю всех любителей кошек с Международным днем кошек!*¹ может быть трансформирована следующим образом: *Все любители кошек! Поздравляю вас с Международным днем кошек!* – при этом обращение *все любители кошек* не будет являться этикетным средством. В приведенном примере речевое сообщение сопровождается картинкой с изображением котят (рис. 1), поэтому текст, представленный на ИФ, без изменений не мог бы быть передан средствами ни устной, ни письменной коммуникации.

Рис. 1.

Говоря о неэлектронной диалогической коммуникации, исследователи (В.Е. Гольдин, Л.Г. Ефанова, Н.И. Формановская) отмечают, что, «выбор обращения <...> при речевом контакте коммуникантов, зависит прежде всего от отношений, определяющих степень их близости в определенной сфере социального пространства (в области бытовых, семейных, родственных, служебных и т.п. отношений)» [Ефанова, 2011, с. 6]. Эта степень близости – коммуникативная дистанция – определяет степень непринужденности речевого общения.

В ДФ ИК дело обстоит иначе, поскольку коммуникативная дистанция между собеседниками определяется исходя из личных коммуникативных предпочтений собеседников. Пользователи ИФ и блогов продолжают спор о том, какой регистр общения в Интернете

¹ <http://forum.academ.org/index.php?showtopic=526861>

необходимо выбрать: на «ты» или на «Вь». Если в устной речи «переход от вежливого “вы” к фамильярному “ты” есть показатель отрицательного эмоционального воздействия, то, напротив, переход от официального “вы” к дружескому “ты” оценивается адресатом положительно [Федосюк, 1997, с. 83–84], то в ИК у говорящего нет возможности различить эти две ситуации, так как отсутствуют невербальные коммуникативные средства, а часто и экстралингвистическая информация о собеседнике, поэтому комфортная коммуникативная дистанция определяется только «опытным путем». Единые стандарты обращения к незнакомому собеседнику в Интернете пока еще не выработаны и вряд ли когда-либо будут определены.

В ДФ ИК происходит перераспределение нагрузки между функциями, реализуемыми обращениями. Этикетно-фатическая (*Мужики, помогите советом!*¹) и номинативная (*Уважаемые туристы, планирующие в ближайшее время путешествие во Вьетнам, а именно – в город Ня Чанг, очень Вас прошу - отписаться!!!*²) функции обращения отходят на второй план, тогда как обращения с оценочно-характеризующей функцией, причем негативной смысловой окраски, преобладают.

Обращения с негативной оценкой говорящего используются не только в ситуациях конфликтной коммуникации. Упомянутый выше А. Лебедев в одном из постов своего блога моделирует ситуацию конфликтной коммуникации, превращая ее в своеобразную игру среди своих читателей. Им предлагается обзвать своего собеседника как можно более изощренно, поэтому в комментариях можно наблюдать высказывания типа:

- *Грызи гантелю, вафел!*
- *Не булькай, жижа!*
- *Иди ежиков паси, сосунок*³.

Данные примеры, пожалуй, являются наименее оскорбительными из тех, что, встречаются в комментариях к анализируемой записи. «Пикировки» в полилогической форме продолжают между собеседниками до тех пор, пока у них хватает терпения (всего в данном посте на 30.06.2012 зафиксировано 1249 комментариев) и репрезентируют практически безграничный «фразотворческий» потенциал носителей русского языка.

¹ <http://he.ngs.ru/forum/board/formen/flat/1922438197/?fpart=1&sort=5&period=>

² <http://forum.academ.org/index.php?showtopic=881938>

³ <http://tema.livejournal.com/820848.html?thread=443645296>

В текстах ИФ используются экспрессивные обращения к аудитории в записях, открывающих ту или иную тему, например: *Алкашня, мож расстрясем жирок и пошлем тошнيلовки лесом?* (hohlenok 08.07.12 16:13)¹. Нельзя понимать данное обращение к аудитории буквально (*алкаш* – лицо, злоупотребляющее употреблением алкоголя). Если прочесть сообщение до конца, то за грубой формой будет скрываться вполне безобидное содержание: *В общем предлагаю изменить формат ваших тошнотворных и вялых алко-тусовок на тусовки на свежем воздухе. Как вариант - пейнт-болл, можно всем и девочкам и парням...* Таким образом, обращение *алкашня* носит снисходительно-иронический оттенок и призвано пристыдить и раззадорить пользователей одновременно.

Виртуальная коммуникация осуществляется в режиме «Я – МЫ» и может быть квалифицирована как индивидуально–коллективная, так как пользователь, имея конкретного адресата, часто сам того не желая, обращается ко всем участникам дискуссии, число которых не ограничено.

Как правило, интернет-сообщение обращено к непосредственным собеседникам и всем тем, кто находится в зоне передачи, независимо от того, участвует человек в обсуждении или пассивно следит за ходом. Реже сообщение имеет определенного адресата, но в обоих случаях собеседники сознательно отправляют свои высказывания с целью быть услышанными виртуальным сообществом, а значит, заинтересовать и вызвать на «словесный поединок» как можно больше желающих. В ДФ ИК возможно возникновение такой ситуации общения, когда адресанту отвечает такой адресат, от которого меньше это всего ожидалось получение сообщения: *Хм...и тут одни бабы...* – реакция раздосадованного пользователя на то, что он задал вопрос на мужском форуме, а первые ответы получил от женщин)².

Таким образом, если в текстах устной и письменной коммуникации обращения являются знаками, несущими экстралингвистическую информацию социально-культурного характера, в первую очередь, о слушающем, и, опосредованно, о говорящем, то коммуникативная сущность обращения в ДФ ИК заключается в его способности актуализировать в тексте образы *слушающего* как объекта привлечения внимания, *говорящего* как субъекта такого действия, мотива (интенции – кооперативной, манипулятивной, презентационной) действия и

¹ <http://he.ngs.ru/forum/board/formen/flat/1920532437/?fpart=1&sort=5&period=>

² <http://he.ngs.ru/forum/board/formen/flat/1922438197/?fpart=1&sort=5&period=>

связанной с ним цели (например, установление и /или поддержание контакта в избранной тональности).

Расположение обращения в тексте влияет на коммуникативно-прагматические характеристики обращения. Коммуникативно-нейтральной является инициальная позиция в тексте (как правило, реализуется только функция адресации), расположение обращений в середине и конце текста говорит о том, что адресант преследует определенную цель (например, воздействие на адресата или выражение собственного эмоционального состояния). Избранная формула обращения влияет на установление коммуникативной дистанции между собеседниками, однако в ИК наблюдается отступление от общепринятых этикетных норм общения и расширение диапазона этикетных средств.

Итак, коммуникативная сущность обращения в текстах ДФ ИК проявляется при преломлении их структуры, семантики и прагматики сквозь призму интернет-пространства.

Литература

- Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М., 2009.
- Ван Цзиньлин. Обращение в типологически различающихся языках : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.
- Газиева Г.А. Обращение как коммуникативная единица языка (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
- Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. М., 2009.
- Дорофеева И.В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Ефанова Л.Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник ТГУ. 2011. Сер. Филология. № 2(14).
- Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2011.
- Минина О.Г. Обращение в современном английском языке : коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002.
- Митрофанова Т.А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л., 1971.
- Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1982.
- Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2011.
- Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. М., 1950.
- Тырникова Н.Г. Этикетная структура дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2006. Вып. 6.

Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997.

Формановская Н.И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. [Электронный ресурс]. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070273.pdf

Шмаков А.А. Фигуры Говорящего и Слушающего в интернет-тексте (на материале обращений в «Живом журнале») // Образ России и россиянина в словаре и дискурсе : когнитивный анализ. Екатеринбург, 2011.

Щербинина И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ИНДИВИДА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Н.В. Вязигина

Ключевые слова: пол, гендер, гендерный тип, языковое сознание, ассоциации.

Keywords: sex, gender, gender type, language consciousness, associations.

Исследование языкового сознания, как и гендерные исследования в лингвистике – современные междисциплинарные исследования, переживающие период бурного роста и развития. Языковое сознание в данном исследовании понимается как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000]. Появление термина «языковое сознание» (и соответствующего объекта исследования) в лингвистике связано с развитием психолингвистики как новой научной дисциплины, стремящейся к сближению психологии и языкознания. Языковое сознание, как следует уже из беглого просмотра имеющихся исследований, имеет национально-культурную специфику [Караулов, URL; Гармашова, URL; Нгуен Тхи Хыонг, URL], возрастные особенности [Соколова, URL], профессиональные [Харченко, URL]. Безусловно, в этот же список входят половые особенности [Горошко, 1996]. Гендерные исследования в лингвистике также развиваются в различных направлениях (выявление мужских и женских

особенностей письма, коммуникативного поведения, ассоциаций и др.), вырабатывая собственную методологию и накапливая эмпирический материал.

В настоящей работе представлена попытка исследования языкового сознания в гендерной парадигме. Не вызывает сомнения тот факт, что речевое поведение мужчин и женщин имеет свои особенности, но в той же мере бесспорно наличие «мужских» и «женских» черт у одной и той же личности, и существует довольно много способов определить их соотношение. Согласно теории гендерных типов, в процессе усвоения социальных норм у человека формируется гендерный тип – набор характеристик, одни из которых оцениваются обществом как присущие женщинам, другие – как присущие мужчинам. В зависимости от того, какие характеристики преобладают, каждого человека можно отнести к маскулинному, фемининному, андрогинному или недифференцированному типу. Цель настоящего исследования – с помощью анализа ассоциативных полей определить особенности языкового сознания в гендерной парадигме, учитывая одновременно пол и гендерный тип личности. Разграничение и учет одновременно пола и гендерной принадлежности, по нашему мнению, позволяет более подробно изучить проблему проявлений гендера в языковом сознании и речевой деятельности. Для достижения этой цели были поставлены такие задачи, как: 1) создать выборку испытуемых, распределив их на группы соответственно полу и гендерному типу; 2) провести ассоциативный эксперимент и обозначить ассоциативные поля для каждой отдельной группы, 3) проанализировать данные поля и их особенности, сравнивая ассоциативные поля разных групп с учетом существующих в психологии и социологии представлений о маскулинности и фемининности.

Для решения первой задачи использовался опросник Сандры Бем [Бем, 2004], создавшей теорию андрогинности (по мнению С. Бем, существует четыре гендерных типа). Для определения гендерного типа Сандрой Бем был разработан специальный опросник. Результаты теста подтвердили, что половая принадлежность не всегда соответствует гендерному типу: только 30,6% мужчин маскулинны, и 36,13% женщин фемининны¹. ММ

¹ Далее при обозначении гендерных типов используются сокращения по первой букве слова, обозначающего пол или гендерный тип (фемининные женщины – ЖФ, андрогинные мужчины – МА и т.п.).

лишь на 1,5% больше МА, а ЖФ преобладают над ЖА только на 5,16%. Отметим, что нетождественность пола и гендера, то есть наличие в структуре одной личности определенного соотношения маскулинных и фемининных черт, и ранее были неоднократно доказаны исследователями, но главным образом – в области психологии, социологии, биологии, психоанализа [Ильин, 2010, с. 530–542].

Ассоциативные поля были получены нами методом свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). По мнению Е.И. Горошко, из всех психолингвистических методик САЭ является не только одним из самых разработанных методов, но и также одним из самых надежных, так как получаемые результаты могут быть воспроизведены и проверены. Кроме того, именно ассоциации, а не связная речь, являются «окном» в языковое сознание личности, способом раскрыть ее языковую картину мира [Горошко, 2001]. В то же время Е.Ф. Тарасов, один из авторов «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», отмечает, что ассоциативное поле для исследователей является непривычным объектом анализа, а «эвристические возможности ассоциативных словарей оказались не умопостижимыми для многих современных русистов» [Тарасов, 2000]. Разумеется, языковое сознание не может быть исследовано полностью, а границы исследования ассоциативных полей вряд ли существуют, тем не менее, ограничившись теми фрагментами языкового сознания, которые частично освещают гендерную, социальную, интеллектуальную и языковую сферы, и мы попытались произвести некоторый анализ и сделать обобщения особенностей, свойственных особенностям ассоциирования в гендерном аспекте.

В ходе проведения эксперимента испытуемым (студентам филологического и физико-технического факультетов АлтГУ) была предложена анкета, в первой части которой требовалось заполнить опросник Бем, а во второй – записать свои ассоциации на каждое из 10 слов: «мужчина», «женщина», «семья», «работа», «власть», «наука», «литература», «текст», «язык», «филфак».

Далее исследовались ассоциации 8 групп испытуемых, объединенных соответственно их полу и гендерному типу. Полученные таблицы ассоциативных полей позволили отчетливо проследить ядро (самые распространенные реакции) и периферию ассоциативного поля (единичные реакции). При этом ядра лишь в количественном соотношении незначительно отличались у некоторых гендерных типов, а по качеству были идентичны.

Например, ассоциации «женщина – мужчина», «работа – деньги», «власть – сила» входили в ядро у всех испытуемых. В то же время единичные реакции существенно отличались у разных гендерных типов как в лексико-семантическом, так и в формально-грамматическом отношении. Вероятно, гендерные различия более тонки и проявляются только в индивидуальных реакциях, в связи с чем последние представляют наибольший интерес.

Для каждой группы испытуемых были составлены словарные статьи по примеру Русского Ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова [Караулов, 1996]. Анализ этих статей показал следующие результаты:

- наиболее разнообразны реакции МФ (94 из 100 ассоциаций – разные), наименьшим – ЖФ (56 из 100 ассоциаций – разные);
- наибольшее число единичных реакций – у МФ (79 из 100). Наименьшее – у ЖФ: 44 из 100;
- мужчины в среднем в 4 раза чаще отказывались от реагирования.

В отношении **частеречной принадлежности** реакций были выявлены следующие особенности:

- наибольшее количество существительных наблюдается у ЖМ и МН (86% и 84% соответственно), наименьшее – у ЖА (70%). У остальных типов – 76–79%). Наблюдается полное совпадение у ЖФ и МФ (77%);
- наибольшее количество прилагательных присутствует в ассоциациях ЖФ и ЖА (26% и 27%), наименьшее – у МФ и ММ (12%);
- мужчины женщин используют глаголы (3-7% против 0,6-3%). Среди женщин наибольшее количество глаголов используют ЖМ (3%), а среди мужчин – МФ (7%). Как ЖМ и ММ одинаково часто реагировали глаголами;
- реакции-наречия чаще всего встречались у ЖА (4% случаев), местоимения – у ЖМ.

При распределении ассоциаций на **парадигматические, синтагматические, звуковые и фразовые** были выявлены следующие особенности:

- наибольшее число парадигматических ассоциаций («женщина – нежность», «работа – начальник») наблюдается у МН (94%), наименьшее – у ЖА (80%);

– среди синтагматических ассоциаций («*семья – любимая*», «*текст – неразборчивый*») значительного разброса не наблюдается (самый высокий процент – 23% у ЖА, и самый низкий – 10% у МФ);

– фразовые ассоциации («*работа – не волк*», «*женщина – друг человека*») чаще всего встречались у ЖФ и ЖН (9%). Реже всего – у МА (4%);

– звуковые ассоциации («*власть – класть*», «*наука – злюка*») – самые редкие (максимум – 1% у ЖМ).

Также в ходе анализа ассоциаций было отмечено, что мужчины в 5 раз чаще женщин совершают ошибки («*нравится*», «*програмист*»). Отсутствуют ошибки только у ЖФ. Кроме того, мужчины в 3 раза чаще прибегают к ненормативной лексике («*текст – инфа*», «*литература – халява*»). Среди женщин грубую лексику чаще всего используют ЖМ (3%), среди мужчин – ММ (5%).

Разница в ассоциациях проявляется не только в формальных особенностях, но и в семантике слов-реакций. Самые яркие особенности были выявлены в ассоциациях на гендерно маркированные понятия «*мужчина*» и «*женщина*».

В смысловом отношении ассоциации на предложенные стимулы имеют следующие особенности:

ЖФ чаще всего ассоциируют слово «**женщина**» с понятиями, связанными со сферой семьи («*мама*», «*жена*»), а также «женскими» предметами («*платье*», «*туфли на каблуках*»). ЖА ассоциируют данное слово прежде всего с понятиями, смежными с женственностью («*коварство*», «*легкомысленность*»). Реакции, содержащие негативный компонент, встретились только у ЖМ («*стерва*», «*мегера*») и МН («*жестокая*», «*своенравие*»). Мужчины чаще женщин пытались дать объяснительные реакции (женщина – это «*слабый пол*», «*особь женского пола*»). В целом реакции мужчин на слово «женщина» обладали положительной эмоциональной окраской или же содержали элемент иронии, в то время как реакции женщин чаще были нейтральными или стереотипными.

Среди ассоциаций на слово «**мужчина**» у ЖФ и ЖА преобладают слова, обозначающие те или иные личностные качества («*умный*», «*порядочный*»), а также реакции с позитивным эмоциональным компонентом («*счастье*», «*любовь*»). У мужчин значительно чаще, чем у женщин, встречаются слова, не относящиеся к семейным ролям («*товарищ*», «*борец*»). Это свидетельствует, на наш взгляд, о разном представлении о гендерных ролях в языковом сознании мужчин и женщин. Негативные ассоциации («*козел*»,

«тупой») наблюдались чаще всего у ЖН и МН. Ассоциации «*мужчина – я*» встретились у всех мужчин, что, на наш взгляд, отражает стремление к самоидентификации (у женщин подобные реакции отсутствуют).

В реакциях на слово «*семья*» у ЖА, ММ, МА и МН представлены номинации более широкого круга лиц, чем традиционный состав семьи («*друзья*», «*родственники*»), что свидетельствует, вероятно, об их большей экстравертности. Наибольшее количество понятий, связанных с семьей и домом, отмечено в ассоциациях ЖА («*очаг*», «*теплота*»). Ассоциации, отражающие личное отношение к семье («*хотелось бы*», «*не надо*») обнаружены у всех типов мужчин, кроме ММ, и отсутствуют у женщин. Возможно, это связано с тем, что мужчина в вопросах семьи осознает себя активной стороной, а женщина – пассивной.

Слов-реакций на стимул «*работа*» с положительным оценочным компонентом («*любимая*», «*достойная*») достаточно много у представителей всех типов, за исключением ЖН и МФ. Слов с негативными коннотациями («*скука*», «*лень*») больше всего у МН. Ассоциации, обозначающие различные профессии, обладают наибольшим разнообразием у МА и ЖА. Дифференциация профессий по половому признаку в языковом сознании разных гендерных типов не отразилась. Ассоциации, отражающие активную позицию относительно работы («*ищу*», «*нужна*»), присутствуют только у ММ и МА. Возможно, это проявление стереотипа «*мужчина должен зарабатывать*».

В ассоциациях на слово «*власть*» МА и ЖА обращают внимание на то, что власть подавляет свободу личности («*тирания*», «*страх*», «*подчинение*»). В остальном гендерной специфики не выявлено, ядерный компонент ассоциативного поля выражен слабо.

Гендерная специфика понятия «*наука*» трудно определима из-за профессионального фактора: точные науки («*физика*», «*химия*») выделяются всеми испытуемыми, а гуманитарные («*филология*», «*история*») – только участвовавшими в эксперименте студентами-филологами.

Ассоциации на слова «*литература*», «*язык*», «*текст*» коррелируют между собой, поскольку относятся к смежным областям знания. Реакции на данные стимулы в целом слабо отражают гендерную специфику, однако прослеживается влияние профессионального фактора. К примеру, разнообразие видов литературы, представленное у девушек в целом, можно объяснить

тем, что большинство девушек-испытуемых являются студентками филологического факультета. У мужчин (физиков) ассоциации на слово «текст» чаще связаны с компьютером: «*набирать*», «*Word*».

Ассоциации на слово «**язык**» как материальный объект, орган («*голова*», «*розовый*») наблюдаются у МА, МН и ЖФ. Национальные языки («*немецкий*», «*испанский*») чаще встречаются у девушек, чем у юношей. Понятия, связанные со сферой общения («*коммуникация*», «*общение*», «*беседа*») чаще всего встречаются у ЖФ.

В реакциях на слово «*филфак*» значим фактор причастности. Студенты-физики, вероятно, не знали этого слова и выдавали ассоциации типа «*философия*», «*что это*», «*не знаю*». Гендерная специфика была отмечена лишь в эмоциональном восприятии слова. ММ, МН и МА часто реагировали негативными ассоциациями: «*зло*», «*облом*», «*отстой*» и т.д. МФ выдавали преимущественно нейтральные реакции. ЖФ чаще других типов реагировали положительно окрашенными словами: «*родной*», «*веселый*», «*нравится*» и т.д.

Таким образом, результаты нашей работы в целом не противоречат теории гендерных типов и ранее проведенным исследованиям [Вязигина, 2010]. Взаимодействие пола и гендерного типа создает уникальный тип, несводимый к сумме биологических и психосоциальных характеристик. Одинаково важна дифференциация индивидов в обеих парадигмах, и проявляется это не только выявлении психологических черт, особенностей мотивационной сферы, выбора профессии и отношении к браку лиц разных гендерных типов, но и в языковом сознании. Ассоциативные поля гендерно дифференцированных индивидов имеют как формальные, так и семантические различия. При этом формальные показательны на фоне всего ассоциативного поля, а семантические – только на его периферии. Семантические различия ярче проявляются в ассоциациях на гендерно маркированные понятия, чем на гендерно нейтральные. Здесь имеет место и самоидентификация, и выражение представлений о роли мужчин и женщин в обществе.

Выяснилось, что ЖМ явно соотносятся с мужчинами вообще. При этом МФ представляют собой особый тип, не соотносимый ни с одной из других групп. ЖФ продемонстрировали склонность к стандартизации, следованию правилам. Отмечается слабая корреляция между МА и ЖА. В остальном андрогинные и недифференцированные личности на данном этапе изучения не показали существенных особенностей ассоциативной структуры

языкового сознания. Полученные результаты могут быть использованы для теоретического изучения проблемы языкового сознания и языковой личности в гендерном аспекте (например, посредством создания гендерного ассоциативного словаря), а также для решения практических проблем автороведения (например, автороведческой экспертизы).

Литература

Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

Вязигина Н.В. Ассоциативная структура языкового сознания в гендерном измерении (экспериментальное исследование) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. Вып. 6.

Вязигина Н.В. Гендерный аспект письменной речи // Молодежь – Барнаулу : в 2-х тт. Барнаул, 2010. Т. 1.

Вязигина Н.В. Проект гендерного ассоциативного словаря // Молодежь – Барнаулу : в 2-х тт. Барнаул, 2010. Т. 1.

Гармашова И.В. Юаровцы о русских и русские о себе: сравнительный анализ персонифицированных портретов и автопортретов русских // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-8.html

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М., 2001.

Горошко Е.И. Особенности мужских и женских ассоциаций // Пол и его маркировка в речевой деятельности. Кривой Рог, 1996.

Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб., 2010.

Караулов Ю.В. Российский ассоциативный словарь. М., 1996. Т. 1.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html

Нгуен Тхи Хыонг. Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка: структура ассоциативного распределения // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/2-3.html

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html

Харченко Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психлингвистики // Языковое сознание и образ мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-7.html

**ДИЕГЕТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ В
ПОВЕСТИ «ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»
Н.В. ГОГОЛЯ**

Т.М. Ковалева

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная стратегия, диегезис, нарратор первичный и вторичный, эксплицитный / имплицитный автор и читатель.

Keywords: discourse, communicative strategy, diegesis, primary and secondary narrator, explicit / implicit author and reader.

О.А. Ковалев в статье «О наблюдающем за наблюдателями...» отмечает, что художественный текст «очень часто является метатекстовым образованием, включающим в себя текст и более или менее заметно выраженные моменты восприятия этого текста» [Ковалев, 2005, с. 120]. В качестве одного из таких «выраженных моментов» исследователь рассматривает диегетических субъектов говорения и восприятия – персонажей. Выступая в статусе персонификации креативной/рецептивной функции дискурса имплицитного автора, персонаж манифестирует «олицетворенную направленность внимания <...> незаметно и ненавязчиво организующую читательское восприятие» [Ковалев, 2005, с. 119]. Этот факт до сих пор не был актуализирован в работах, посвященных описанию инстанции имплицитного читателя в творчестве Н.В.Гоголя. Повесть «Иван Федорович Шпонька...» является, на наш взгляд, одной из самых репрезентативных в аспекте экспликации диегетических моделей коммуникации. Одну из таких экспликаций можно наблюдать в главе «Обед»:

«– Гм, что это за индейка! – сказал вполголоса Иван Иванович с видом пренебрежения, обратившись к своему соседу [Ивану Федоровичу]. – Такие ли должны быть индейки! Если бы вы увидели у меня индеек! Я уверяю вас, что жиру в одной больше, чем в десятки таких, как эти <...>.

– Иван Иванович, ты лжешь! – произнес Григорий Григорьевич, вслушиваясь в его речь.

– Я вам скажу, – продолжал все так же своему соседу Иван Иванович, показывая вид, будто бы он не слышал слов Григория Григорьевича <...>.

– *Иван Иванович, я тебе говорю, что ты лжешь!* – произнес Григорий Григорьевич, для лучшей ясности – по слогам и громче прежнего.

Но Иван Иванович, показывая вид, будто это совершенно относилось не к нему, продолжал так же, но только гораздо тише» [Гоголь, 1984, с. 254–255].

Важной деталью, вскрывающей суть данной коммуникации, является то, что истинный адресат высказываний Ивана Ивановича исключен из ситуации активного слушания – Иван Федорович не произносит ни одной ответной реплики, пребывая в состоянии безмолвного восприятия. Подобная рецептивная реакция становится знаком, указывающим на автокоммуникативную природу дискурса Ивана Ивановича. Показательным примером автокоммуникативности (Ивану Ивановичу, в принципе, все равно перед кем хвастаться: перед Иваном Федоровичем ли, барышнями или хозяйкой) становится момент полного игнорирования реплик Григория Григорьевича. Подобный случай игнорирования рецептивных выпадов оказывается отличным от примеров имитации глухоты:

«– Тетушка имела честь... сказывала мне, что дарственная запись покойного Степана Кузьмича...<...>

– *Ей-богу, ничего не слышу!* – отвечал он. – *Надобно вам сказать, что у меня в левом ухе сидел таракан. <...> Мне помогла одна старуха самым простым средством...* [Гоголь, 1984, с. 252].

Принципиальной разницей между коммуникативной ситуацией имитации глухоты и игнорирования реплик оказывается то, что имитация глухоты – есть коммуникативный жест самоустранения по причине нежелания реципиента превратить иллокутивный акт говорящего в перлокутивное событие. Игнорирование же рецептивных реакций – есть коммуникативный жест устранения активного собеседника, при котором иллокутивный акт не свершается, а по желанию говорящего бесконечно долго растягиваться во времени, превращаясь в вербальную актуализацию интенции говорения.

Данный факт позволяет провести параллель между Иваном Ивановичем, который «*был один из числа тех людей, которые с величайшим удовольствием любят позаняться улаждающим душу разговором обо всем, о чем только можно говорить*» [Гоголь, 1984, с. 256] и первичным нарратором Рудым Паньком, который в предисловии ко второй части «Вечеров...» сообщает: «*Разговорились все (опять нужно вам заметить, что у нас никогда о пустяках не бывает разговора. Я всегда люблю приличные разговоры: чтобы, как говорят,*

вместе и улаживание и назидательность была), разговорились о том, как нужно солить яблоки» [Гоголь, 1984, с. 149].

Если для Рудого Панька бесконечная актуализация интенции говорения оказывается сверхфункциональной (напомним, что «улаживающее душу» говорение о солении яблок приводит к тому, что «панич в гороховом кафтане» идентифицируется как «чужой»), то для Ивана Ивановича, в рамках автокоммуникативного дискурса, такая актуализация превращается в чистое самоулаживание: *«Если разговор касался <...> до хозяйственных [предметов], то [Иван Иванович] высовывал голову из своей брички и делал такие мины, глядя на которые, кажется, можно было прочесть, как нужно делать грушевый квас, как велики дыни, о которых он говорил, и как жирны те гуси, которые бегают у него по двору»* [Гоголь, 1984, с. 256].

М. Ямпольский пишет: «Эстетическая кажимость, преодолевающая двойственность репрезентации, возникает с целью подавления различия через элиминацию референтности. И видимость эта имеет все характеристики театра», в котором «репрезентация превращается в «перформативный акт инсценировки чего-то»» [Ямпольский, 2007, с. 393]. Элиминация референтности в дискурсе Ивана Ивановича, приводит к тому, что Иван Иванович превращается в театральную репрезентацию того, о чем говорит. В контексте «перформативного акта инсценировки чего-то» оказывается, что персонаж, равно как и все его части, могут становиться репрезентацией чего угодно.

Репрезентативный механизм, актуализированный через эстетически сниженный референт (жирные гуси, индейки, арбузы, дыни), выявляет комическую природу дискурса вторичного нарратора Степана Курочки. В.И. Тюпа в работе «Анализ художественного текста», описывая различные стратегии художественного оцельнения, говорит о «саркастическом “я”», которое есть «нулевое “я”»: «комические эффекты могут обнаруживать и отсутствие лица под маской, где на месте внутреннего я-для-себя обретаются в таком случае «органчик», «фаршированные мозги», «бред» и т.п. <...> если юмористическая индивидуальность скрыта под нелепицами масочного поведения, то саркастическая псевдоиндивидуальность самоотожествляется с маской – этой видимостью своей причастности бытию» [Тюпа, 2006, с. 162–163].

Метаморфозы лица Ивана Ивановича оказываются следствием его бытийной пустоты, при которой театральная репрезентация референта приводит к тому, что референт полностью замещает субъект говорения.

Другими словами, читатель имеет дело не с репрезентацией референта, а с самим референтом. Показательным становится то, что в более поздних текстах элиминируются все промежуточные театральные знаки репрезентирования, что приводит к обильному использованию персонажами и нарраторами обценной лексики. Типологически близким примером (в частности, на уровне идентичности имен и на уровне идентичности актуализированного референта) оказывается спор между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, при котором нарратором, без развернутого описания способов репрезентации, сообщается, что *«Иван Иванович <...> необыкновенно живописно говорил»* [Гоголь, 1984, с. 196], после чего все тот же Иван Иванович именуется Иваном Никифоровичем *«гусаком»*.

Если на уровне вторичного нарратора Степана Курочки дискурс Ивана Ивановича оказывается дисквалифицирован по причине того, что он актуализируется в рамках саркастического модуса художественности (из актера Иван Иванович превращается в эксплицированный им референт), то в мире персонажей принципиальная невключенность слушателей в модель «реципиент-зритель» обусловлена спецификой коммуникативных намерений / способностей самих реципиентов.

Жест самоустранения, используемый Григорием Григорьевичем, является одним из способов разрушения коммуникативных намерений собеседника, знаменующий коммуникативный авторитаризм самого Григория Григорьевича. В главе «Дорога» встречается эксплицированный вариант подобного разрушения. На отказ Ивана Федоровича в просьбе отужинать Григорий Григорьевич восклицает:

«– И слушать не хочу, милостивый государь! – возвысил голос помещик, – и слушать не хочу! С места не сойду, покамест не выкушаете...» [Гоголь, 1984, с. 246].

Весь ужин сопровождается рассказами Григория Григорьевича о курицах, тараканах и лекарях, которые *«морочат и дурачат нас»*. Единственный раз возникающая реплика Ивана Федоровича *«Действительно, вы изволите говорить совершеннейшую правду. Иная точно бывает...»* [Гоголь, 1984, с. 246], представляющая собой вербальную экспликацию интенции говорения, оказывается за рамками коммуникации, поскольку, с одной стороны, не производит никакого приращения информации. С другой стороны, реплика Ивана Федоровича оказывается за рамками коммуникации

по причине актуализации Григорием Григорьевичем другого реципиента: все последующие реплики являются обращением к лакею-подлецу. В рамках «коммуникативного авторитетизма» Григория Григорьевича не допускается существование другого коммуникативного намерения. В этом смысле реплика *«ты лжешь!»* представляет собой не верификацию сообщаемых Иваном Ивановичем событийных фактов, а последовательным уничтожением в нем интенции говорения. А.А. Фаустов делает по поводу этого ценное замечание: «Все врет – это, конечно, не индуктивно полученное умозаключение. Сторченко (с “подачи” автора) лишь констатирует то, что истории Ивана Ивановича расположены как бы в “параллельной” по отношению к референтной плоскости, и потому их невозможно (а главное, и не нужно) “верифицировать”. Их просто незачем слушать» [Фаустов, 1998, с. 25].

«Нулевая» реакция Ивана Федоровича оказывается обусловленной спецификой его «природных» задатков. Во время обеденного разговора описание рецептивных реакций Ивана Федоровича на уровне нарратора Степана Курочки возникает единожды. На вопрос Ивана Ивановича о том, читал ли Иван Федорович книгу «Путешествие Коробейникого ко святым местам», нарратором констатируется следующее: *«Иван Федорович услышавши, что дело идет о книге, прилежно начал набирать себе соусу»* [Гоголь, 1984, с. 255]. Поведенческая реакция Ивана Федоровича представляет собой все тот же театрализованный эффект, с той лишь разницей, что она оказывается вторичной по отношению к театрализации Ивана Ивановича.

Характеристика креативных способностей Ивана Федоровича выявляется через сопоставление его писем с письмами тетушки. Д. Боровиков отмечает: «В его послании отсутствуют признаки хотя бы минимальной эпистолярной самостоятельности, поскольку построил его Иван Федорович точно так же, как построила свое письмо тетушка» [Боровиков, 2007, с. 256]. Другими словами, текст Ивана Федоровича, выстраивающийся как нарративная калька с текста тетушки, актуализирует креативно-рецептивный механизм текстопрождения, при котором репродуктивный рецептивный механизм обнуляет креативный потенциал его текстов.

Механизмы чтения также оказываются достаточно специфичными: *«Книг он [Иван Федорович], вообще сказать, не любил читать; а если и заглядывал иногда в гадательную книгу,*

так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз. <...> Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь по нескольку раз в день, не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен» [Гоголь, 1984, с. 243–244]. Ю. Манн по этому поводу пишет: «Чтение, как известно, существует для узнавания неизвестного, в том числе и чтение повторное. Здесь же приносит удовлетворение узнавание знакомого, то есть действие совершается с заведомо бессмысленной целью» [Манн, 1988, с. 144]. Другими словами, многоуровневый процесс восприятия текста трансформируется в методичное перечитывание без интерпретационного приращения смысла.

В рецептивной деятельности Ивана Федоровича значимым оказывается то, что характеристика процесса чтения актуализируется посредством визуального кода («печатная роспись»), за счет чего письменный языковой знак превращается в объект живописного созерцания.

С одной стороны, такой художественный прием в позднем творчестве Гоголя в рамках миметического искусства становится концептуально значимым элементом коммуникативной стратегии имплицитного автора (достаточно вспомнить пример «немой сцены» в «Ревизоре»), который выводит данный механизм рецепции на метадискурсивный уровень. С другой стороны, в контексте данной повести подобный механизм рецепции обращает знак, предполагающий бесконечность реинтерпретаций, в конечную систему, не предполагающую наличие интерпретанты. Другими словами, знак превращается в бессмысленный графический завиток. Учитывая то, что персонаж имеет дело с гадательной книгой, эксплицитно указывающей на природу знака (поскольку во сне все не то, что есть, а нечто другое, гадательная книга по отношению к семиозису сновидений выступает как система интерпретант), данный рецептивный механизм комически дискредитирует языковой знак в целом и письменный знак в частности.

Диегетические дискурсивные модели, транслируемые читателю через Ивана Ивановича, Ивана Федоровича и Григория Григорьевича, представляют собой различные варианты продуцирования формы без содержания. Имплицитный читатель имеет дело не только с репрезентацией экзистенциальной пустоты субъектов коммуникации, но и, как следствие, с репрезентацией пустоты самого коммуникативного акта. На метадискурсивном

уровне, уровне абстрактных повествовательных инстанций, подобная репрезентация, являясь предметом эстетической рефлексии автора и читателя, может быть осмыслена в качестве манифестации коммуникативного антиобраза.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Боровиков Д. Пишущие герои у Гоголя // Вопросы литературы. 2007. № 2.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 8-ми тт. М., 1984 Т. 1.

Ковалев О.А. О наблюдающем за наблюдателями (об одном аспекте рецептивно-эстетического анализа художественного текста) // Критика и семиотика. М., 2005. Вып. 8.

Мани Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988.

Овечкин С.В. Повести Гоголя. Принципы нарратива : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М., 2006.

Фаустов А.А. «Сад расходящихся тропок» : рассказывание, сюжет и реальность в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия, 1998. № 3.

Ямпольский М. Ткач и визионер : Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫЕ ВАРИАНТЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

И.А. Вороновская

Ключевые слова: стилистически окрашенные варианты расположения, частицы, авторское повествование.

Keywords: stylistically colored versions of placement, particles, author's narrative.

В русском языке есть частицы, которые характеризуются фиксированным местом в высказывании. Например, частица *же* всегда употребляется в контактной постпозиции к выделяемому слову (ср. у Л. Улицкой: *Гуля же в спешном порядке вышла замуж за старого красивого человека, носившего известную фамилию; – Ах Гуля, Гуля, ну как тебя не любить! Это же просто*

невозможно). По наблюдениям Е.А. Земской, несмотря на большую вариативность порядка слов, и в устной речи нет отклонений от этого [Земская, 1979]. Тем более это касается частицы *-то*, объединяющейся на письме со словом, к которому она относится (ср. у Л. Улицкой: *Девчонки-то* какие были! *Золотые, ласковые...*), и к ряду других словообразующих частиц (*-либо*, *-нибудь*, *кое-*). Однако есть частицы, которым в письменной речи (имеется в виду письменная стилистически нейтральная речь) свойственно одно определенное место, и при его изменении в предикативной единице они способны менять семантическую трактовку предложения (см. об этом, например, [Николаева, 1982]), но в речи разговорной в связи с такими ее особенностями, как экспрессивность, непринужденность, неподготовленность, могут располагаться и в других местах. В статье рассматриваются высказывания с разговорными вариантами расположения частиц, не соответствующими письменной стилистически нейтральной речи, и стилистическая роль таких вариантов в современных художественных текстах. Материалом исследования послужили произведения Б. Акунина (далее А.), В. Пелевина (П.), Л. Петрушевской (Петр.), Л. Улицкой (У.).

Наблюдения показали, что современные писатели довольно редко прибегают к использованию места частиц в стилистических целях (в отношении *уже* и *еще* проблема состоит, прежде всего, в ограничении их от наречий, поэтому в данной статье они нами не рассматриваются). Нам встретилось всего 115 высказываний со стилистически окрашенным вариантом расположения частиц, среди них 47 случаев с частицей *только* и 33 с частицей *даже*. Принято считать, что названные частицы являются рематизаторами, то есть словами, у которых, по определению И.М. Богуславского, рема составляет их сферу действия [Богуславский, URL]. Исследователями языка неоднократно подчеркивалось свойство частиц *только* и *даже* выделять слово, следующее за ними. Однако это закономерность письменной речи, где обычным является порядок тема – рема. Авторы художественных текстов, в отличие от авторов научной литературы или официально-деловых текстов, гораздо шире пользуются возможностями языка. Ткань художественного произведения допускает отступления от норм, что оценивается здесь не как ошибка или небрежность писателя, но как стилистический прием. Несвойственные письменной стилистически нейтральной речи позиции частиц в составе художественных

произведений придают высказыванию разговорный и часто эмоциональный оттенок, поскольку именно для живого разговора характерно в некоторой степени произвольное их размещение.

Рассмотрим, какими разговорными вариантами расположения этих частиц пользуются современные прозаики. Начнем с выделительно-ограничительной частицы *только*. Можно выделить два таких варианта.

Вариант первый, наиболее частотный (35 случая из 47) и употребляемый всеми четырьмя писателями – частица размещается после выделяемого слова: – *Дура ты! Понарошку, конечно! – засмеялась Челышева, и тут только Гайка поняла, что никакого Тиграна и не было* (У.). Если рассматривать это высказывание вне контекста, то может показаться, что такой порядок соответствует нормам письменной речи, и частица, определяя *Гайку*, противопоставляет ее другим участникам ситуации пониманием, что никакого Тиграна не было. Однако предыдущие высказывания дают понять, что выделяемым словом является вовсе не следующее за частицей, а предшествующее ей, так как это понимали все, а *Гайка* поняла только в тот момент, только *тут*. Приведем еще несколько примеров: *Одно только смущает: кажется, у принцесс белокурые волосы, а у мамы веселые черные кудряшки, подхваченные сзади двумя заколками...* (У.); *Вообразить только эту мою панику!* (Петр.); – *Ну как? – спросил гордый за своего кандидата Козловский. – Правда молодец? – Над улыбкой только надо еще поработать* (А.); *И как тебе не надоест только, Юрий?* (П.) и др.

Аналогично обстоит дело с рематизатором *только* при выделении согласованного определения: *<...> и как будто бы невинные рукопожатия, с той только особенностью, что последний отчаянный взгляд послал не кто иной, как человек шестидесяти с лишком лет <...>* (Петр.); *Бухара все пила пахучую траву, ела совсем мало, всегда одну* (в знач. ‘одну и ту же’) *только еду – вареный рис и сушеные абрикосы, привезенные с родины, очень жесткие и почти белые* (У.). В результате получается своеобразная интерпозиция, поскольку частица располагается внутри словосочетания, но при этом она выделяет предшествующее слово.

В некоторых случаях постпозиции *только* может вызывать сначала неправильное понимание смысла фразы. Например, у Л. Улицкой встретилось несколько случаев, когда *только* с первого

взгляда воспринимается как употребленное в качестве союза при присоединении временного придаточного в значении ‘сейчас же, как’, что предполагает быструю смену ситуации (ср. *Только я вернулся домой, сразу же лег спать*), но затем выясняется, что ожидаемой читающим смены ситуации не происходит: *Эй, женщине плохо, помогите поднять! – зыкнул голос, и чьи-то руки потянули Зинаиду вверх, потащили чуть не волоком к скамье и усадили. Тут только она открыла глаза. Перед ней стоял маленький широкоплечий – сначала показалось – мальчишка, нет, не мальчишка, мужиковатого вида женщина в брюках с косыми бровями и разбойным лицом.* Женщина находилась возле нее и до того, как она открыла глаза, смены ситуации нет. Употребление здесь союза было бы уместным, если бы в следующем предложении содержался какой-либо компонент, указывающий на непосредственное следование одной ситуации за другой (например, *тут только она открыла глаза, как заметила / увидела, что перед ней стоял...*). В данном контексте подчеркивается, что только *тут*, на скамье, именно в тот момент, когда ее усадили, она открыла глаза. Перед нами частица, которая выделяет слово, находящееся левее от нее, и таким образом привносит в высказывание экспрессивный оттенок.

Большинство примеров с постпозицией *только* встретились не в диалогах и монологах персонажей исследованных произведений, как ожидалось бы, потому что это основная сфера использования сигналов разговорности, а у двух авторов (Л. Петрушевской и Л. Улицкой) в повествовании. Между прочим, и другие стилистические варианты расположения этой частицы, как и частицы *даже*, тоже в основном наблюдаются в их авторской речи. Возможно, это связано с жанровыми особенностями произведений – в рассказах и повести «Время ночь», которая представляет собой записки главной героини, повествователь – рассказчик, а не автор произведения. В следующем примере можно увидеть, что наряду с разговорным вариантом расположения *только*, в качестве сигнала устности используется и порядок знаменательных слов: *Во всяком случае, ушла она в состоянии удовлетворения, и особенно удачно удалось ей вернуть уже в дверях, как беспокоится она за своих племянниц, потому что одна только девочка толковая, учится, а другие три шальные, беспутные, и прока от них ждать не приходится – стакана воды не подадут (У.).* В рассказах В. Пелевина постпозиция *только* в авторском повествовании не

встречается, впрочем, как и любой другой разговорный вариант расположения слов. И в произведениях Б. Акунина, даже в повестях, которые стилизуются под устную речь, в речи рассказчика не было обнаружено ни одного случая с разговорным расположением частиц. Это позволяет предположить, что постпозитивное расположение рематических частиц характерно для индивидуальной авторской манеры Л. Петрушевской и Л. Улицкой.

Второй вариант – *только* размещается на расстоянии от слова, которое должно быть выделено. Так, в высказывании *Младше ее были многочисленные девочки и самый последний, мальчик, которого мать так и носила у груди все самое последнее время своей супружеской жизни и бегала со своим сыном на руках вслед за мужем, направляющимся на службу, – бежала, чтобы не дать ему уйти на эту проклятую службу, где он только занимается сплошным развратом* (Петр.) – ремой является *сплошным развратом*, что и должно быть выделено частицей, так как важно, чем именно он занимается, а не то, что он занимается, а не, например, пропагандирует разврат. Известно, что *только* связано с представлением о множестве, из которого оно выделяет элемент, противопоставленный по некоторому признаку другим элементам. В высказывании *Восемнадцать, тринадцать и семь лет назад родил детей и теперь их только признал?* (Петр.) частица не может относиться ни к близко стоящему *признал*, поскольку оно не противопоставлено другим действиям, ни к слову *их*, поскольку нет больше никого, кого он мог признать, но не признал. Выделенным должно быть *теперь*.

Этот вариант расположения частицы *только* встретился у Л. Петрушевской, что подтверждает ранее сделанный нами вывод о характерном для нее использовании почти всего разговорного, в том числе и о «свободном» порядке слов в ее произведениях [Вороновская, 2012].

Еще одной частицей, часто используемой в стилистических вариантах расположения, является *даже*. Согласно Г.Е. Крейдлину и многим другим лингвистам, элементы, входящие в сферу ее действия, стоят правее частицы. Исследователь упоминает и о возможности употребления частицы в постпозиции, но в разговорной речи [Крейдлин, URL]. В стилизованной речи рассмотренных произведений она встречается в тех же вариантах, что и частица *только*. Кроме того, как и в случае с *только*, из двух разговорных вариантов расположения преобладает постпозиция (22

из 33): *В этой точке обнаружилась их прямолинейная простота, с перебором **даже** (У.); – Да как сказать, – ответил майор Звягинцев, – был советский, а сейчас не знаю **даже** (П.); Я и не фельдшер **даже**, – ответил Стенич, похоже, тронутый откровенностью незнакомца (да и лестью, падох человек на лесть) (А.).* При этом во многих случаях (в 11 из 22) *даже* разрывает словосочетание: *А женским полом очень **даже** интересовался (А.); Соседка-бабушка вызывала **даже** милицию, имела право <...> [помимо милиции она не вызывала никого] (Петр.); Господи, все же делают абортмы с большими **даже** сроками... (Петр.).*

Вариант, при котором частица *даже* и выделяемое по смыслу слово располагаются дистантно, тоже встречается. Уже упоминалось, что смена позиции некоторых частиц может привести к изменению смысла. По мнению Г.Е. Крейдлина, семантика частицы определяется следующим образом: в предложениях, содержащих слово *даже*, объект (или предикат), соответствующий реме предложения, рассматривается как входящий во множество ему подобных объектов (или предикатов), при этом выделенный объект противопоставлен по отношению к событию, описываемому в оставшейся части предложения [Крейдлин, URL]. За счет дистантного расположения частицы *даже* возникает неправильное выделение, следствием чего является неправильное противопоставление, которое не соответствует смыслу контекста: *И когда Андрей сел в тюрьму, она **даже** ему писала, речь об этом впереди (Петр.).* Выделяется *ему* и появляется значение ‘писала многим и, вопреки ожиданиям, ему тоже’, но в тексте не сказано, что героиня писала еще кому-либо, неожиданностью было то, что она писала. Рассмотрим еще примеры: *Теперь **даже** фамилий не скрывают (П.).* Предполагается, что не скрывают еще что-то, тогда как нет противопоставления, важным является то, что их не скрывают. *Они его потом учат, они пытаются поставить его на ноги, они не все ему прощают. И они **даже** его ругают (Петр.).* Должно быть выделено *ругают*. Во всех этих случаях между частицей и словом, которое необходимо выделить, находится компонент темы. Напомним, традиционно считается, что *даже* выделяет ремю предложения, либо ее часть. И это тоже позволяет утверждать, что в данных случаях мы имеем дело со вторым вариантом разговорного расположения частицы.

Даже и *только* не единственные рематические частицы, позиции которых в современных текстах напоминают разговорные.

Наибольшим разнообразием частиц и стилистической функцией их места пользуется Л. Петрушевская, хотя случаи с ними и у нее немногочисленны (по 2–3, а то и одному высказыванию). У нее можно встретить такие рематические частицы, как *якобы* в конце предложения либо в позиции, приравняваемой к концу (перед запятой), *именно* в тех же позициях, как *раз* и как *будто* в постпозиции, близкое к частице наречие *явно* в конце предложения: *Потом она вышла и вошла ко мне, я дрожала, я сидела работала **якобы**; <...> а хозяева стыдились перед нею **именно**, хотя сдержаться себя не могли, позорная несдержанность, увы, при посторонних <...>; Такая фантастическая была **как будто** история; <...> обнаружили дверь в квартиру настежь (в композиторскую **как раз** квартиру, куда Сережа все-таки привел Нину, так как мать свалилась и нужен был женский уход, а потом случились и похороны); Но сидит, надувши губы, девушка, это девушка Алика **явно** и др.*

Кроме этого, в повести «Время ночь» прозаик вставляет частицу между предлогом и управляемым им существительным, достигая тем самым большей выразительности (2 примера): *Я нарочно выбрала именно эту Веронику, честную комсомолку, которую Алена называла «водка кислярка» после **именно** колхоза <...>; Через **буквально** десяток минут шофер остановил и сказал, что приехали.*

У Б. Акунина в «Пиковом валете» в речи главного героя встретилось три высказывания с постпозицией *это* в функции частицы, которое, как известно, тоже является маркером ремы: *Она **это**, Тюльпанов, она.* Но писатель, в отличие от других, меньше всех использовал место частиц (в нашем материале из 112 высказываний с разговорным вариантом расположения частиц у Б. Акунина лишь 11), несмотря на то, что его тексты больше по объему, поэтому считаем, что ему это не свойственно.

Итак, в разговорной речи подвижны не только знаменательные, но и служебные слова. В художественных произведениях эта особенность разговорной речи – ее сигнал. Однако место частиц не является регулярно применяемым стилистическим средством. Одни писатели пользуются им чаще, как Л. Улицкая и Л. Петрушевская, при этом в речи не только персонажей, но и рассказчика. Основное отличие между ними заключается в том, что для Л. Улицкой характерно использование преимущественно позиций частиц *только* и *даже*, выбор частиц Л. Петрушевской более разнообразен,

хотя чаще всего она обращается к этим же двум частицам. Другие используют место частиц лишь иногда, к примеру, как В. Пелевин, только в диалогах и монологах персонажей. Или как Б. Акунин, у которого встретившиеся нам примеры носят случайный характер, хотя, безусловно, не являются ошибками автора, так как употреблены в репликах его героев, где, так или иначе, сигнализируют о разговорности.

Литература

Богуславский И.М. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семантика и информатика. [Электронный ресурс]. URL: <http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/sii0/36/>

Вороновская И.А. «Свободный» порядок слов как одна из примет идиостиля писателя (на материале повести Л. Петрушевской «Время ночь») // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2012. Вып. 12.

Земская Е.А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

Крейдлин Г.Э. Лексема *даже*. [Электронный ресурс]. URL: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/sii0/35/35_04KREJD.pdf.

Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Источники

Акунин Б. Инь и ян. М., 2008.

Акунин Б. Любовница смерти. М., 2005.

Акунин Б. Смерть на брудершафт. Мука разбитого сердца. М., Владимир, 2010.

Акунин Б. Особые поручения. М., 2007.

Пелевин В.О. Все рассказы. М., 2008.

Пелевин В.О. Числа. М., 2007.

Петрушевская Л. Жизнь это театр. СПб., 2008.

Улицкая Л. Рассказы. М., 2010.

АЛТАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ОБРАЗ АЛТАЯ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1940-Х ГОДОВ

А.И. Куляпин

Ключевые слова: алтайский текст, символ, миф, образ.

Keywords: Altai text, symbol, myth, image.

В художественном осмыслении революционных событий сибирские писатели не только шли вровень со своими российскими коллегами, но, порой, заметно опережали их. В. Зазубрину, Вс. Иванову, Вяч. Шишкову принадлежат ярчайшие страницы, открывшие летопись гражданской войны. Превосходство сибиряков было во многом обеспечено богатством и колоритностью социально-психологического и культурно-бытового материала, ведь Сибирь в 1918–22 годы стала ареной исторических столкновений колоссального масштаба.

Теме гражданской войны в Сибири отдает дань даже такой, казалось бы, максимально далекий от нее писатель, как А.С. Новиков-Прибой. М.Л. Новикову поразило, что повесть «Море зовет» писалась им «в зимнюю стужу 1919 года в Сибири, в городе Барнауле, за тысячи километров от каких-либо морей» [Новикова, 1980, с. 93–94]. Здесь же, в Барнауле, писатель начал работу над «Цусимой», издал несколько морских рассказов. Однако параллельно он обращается и к сюжетам, позаимствованным из истории партизанского движения на Алтае. В 1919–20 годы пишет рассказ «За городом», позже, уже в Москве, вернется к алтайскому материалу в рассказе «Зуб за зуб». В этой группе произведений Новикова-Прибоя очерк «Поезд № 204», пожалуй, наиболее интересен.

Для Новикова-Прибоя воспоминания о поездке весной 1918 года в Барнаул за хлебом – лишь повод, чтобы дать панорамное изображение России в самый канун гражданской войны. Писатель набрасывает, пусть и эскизно, ряд запоминающихся типажей времени: безмянного штабс-

капитана и «ласкового кооператора», пожилого железнодорожного кондуктора и насмерть перепуганного дежурного по станции, красногвардейцев и переодетых офицеров, крестьян и рабочих. Некоторая хаотичность композиции очерка закономерна, поскольку революция уподоблена здесь ледоходу. «Сравнение не ново», – оговаривается автор. Это, конечно, так, но как раз устойчивость сравнения и доказывает его верность.

К той же привычной для советской литературы двадцатых годов метафорике тяготеет и П. Низовой. В его повести «В горах Алтая» (1925) параллели между природной и социальной стихиями проводятся неоднократно. Например, в главе XIII, где героям грозит одинаково смертельная опасность и от неведомых всадников, преследующих их, и от кипящих валов горной реки. «Если не расстреляют, то разобьет о камни», – бесстрашно формулирует печальную альтернативу Санька [Низовой, 1927, с. 113].

Заметно, впрочем, что гораздо больше, чем социальными потрясениями, Низовой интересуется природой Алтая. Сбегая от ужасов войны «под защиту гор» (название второй главы), герои повести переживают своеобразную робинзонаду, и только в самом конце вновь включаются в противостояние красных и белых. Видимо, прав был Н. Унаньянц, когда в статье из «Литературной энциклопедии» 1934 года охарактеризовал произведения Низового об Алтае как «пантеистический гимн». Правда, с точки зрения советского критика это явный недостаток, ведь писателю «пришлось смягчать нарушающие гармонию природы отзвуки гражданской войны».

Советскую литературу тридцатых годов природа, как таковая, перестала занимать совсем. Задача номер один в период индустриализации страны – покорение природы. Главный конфликт эпохи откровеннее других выразил В. Катаев. «Это был бой человека с природой. И человек победил», – пишет он в романе о строительстве Магнитогорского металлургического комбината [Катаев, 1984, с. 166]. В литературе предвоенного десятилетия на первый план вышли произведения о великих стройках пятилеток (Магнитка, Кузнецк, ДнепрогЭС, Комсомольск и др.). Алтай же во многом остался белым пятном на той воображаемой карте СССР, которая рисовалась в сознании среднестатистического советского гражданина. В тридцатых годах край и его столица нечасто фигурировали в центральной печати и в текстах писателей союзного масштаба. Промышленные гиганты здесь не возводились.

Ситуация, наверное, могла быть иной, но случилось так, что крупнейшее произведение об Алтае – роман В. Зазубрина «Горь» (1933) – оказалось забытым на многие десятилетия. Дело не в художественных просчетах автора. Напротив, «Горь» – его несомненное творческое достижение. М. Горький, сравнивая Зазубрина с Шолоховым, считал, что сибирский писатель «сделал шаг дальше Шолохова». Гипотетически образ Алтая мог бы занять в русской культуре место в одном ряду с образом шолоховского Тихого Дона, но этого не произошло. Зазубрин был репрессирован, его имя и его творчество было предано забвению. Из алтайского текста XX века вычеркнули лучшие страницы.

В жизни и творчестве Зазубрина Алтай сыграл особую роль. Биограф писателя В. Яранцев отметил: «В тяжкие годы межвременья конца 20-х Зазубрин только на Алтае найдет спасение и вернется к роману, как в год рождения своей славы» [Яранцев, 2010, № 5, с. 169]. Вот почему даже переехав в Москву, Зазубрин весь столичный период своей жизни работал над романом «Горь». Вероятно, алтайский материал как никакой другой позволял в полной мере раскрыть его индивидуальную мифологию.

Писатели двадцатых годов любили изображать революцию как стихию. Пафос советской литературы тридцатых – преодоление стихии и стихийности. Разделяя многие увлечения и заблуждения своей эпохи, Зазубрин воплотил, поочередно, обе концепции. Его роман «Два мира», написанный в 1920-ом году, по мнению В. Яранцева, «можно было назвать первым сибирским романом, а не советским, как это принято»: «Ни И. Калашников, ни И. Оммулевский, ни даже Г. Гребенщиков, ни другие сибирские романисты не дали такой “стихии” в ее эпическом виде, как Зазубрин. Природа и человек здесь слиты в одном саморазрушающем порыве, не зависящем от воли большевиков: это не они победили, это самоуничтожилась большая масса людей, которая действовала слепо, как суровая зима» [Яранцев, 2010, № 6, с. 175].

Поучаствовав в гражданской войне, сначала на стороне белых, потом – красных, Зазубрин своими глазами видел страшные последствия беспощадного русского бунта, а поскольку человеческая деструктивность поставлена им в один ряд с природными катаклизмами, неизбежно должна была возникнуть мысль о необходимости укрощения и социальной, и природной стихии любыми средствами. С конца двадцатых годов писатель часто говорит о том, что «только на цементе и железе» можно построить братский союз всех людей, и пусть при этом будет «выжжена, вырублена тайга, пусть вытоптаны будут степи». В период создания романа «Горь» Зазубрин все еще во власти этой

риторики. Хотя крайне экстремистских заявлений от лица автора в тексте нет, главный герой романа Иван Безуглый, набрасывая тезисы к докладу, первым делом записывает: «*Сволочь природа*» [Зазубрин, 1992, с. 230].

Трудно представить советский роман 1930-х годов без обращения к темам коллективизации, электрификации, индустриализации. Не обходит их в своем романе и Заzubрин. Субъективно он, видимо, задумывал создать произведение о социалистическом преобразовании некогда отсталой окраины России. Объективно получилось нечто иное. Поэтика романа «Горы» ориентирована скорее на неомифологические тексты, чем на каноны социалистического реализма. Свою индивидуальную мифологию Заzubрин строит на базе, по меньшей мере, четырех архаических претекстов: легенды о Беловодье, сказания об Александре Македонском, Книги пророка Исаии и тангутского предания о богинях Ане-гома-джаму и Нчжигму.

Эккурс в историю Алтая Заzubрин начинает, естественно, с мифа о Беловодье: «*Сибирь издавна влекла к себе своим обилием и просторами. Страна, открытая и завоеванная людьми, бежавшими от жестокостей царя Ивана Грозного, стала обетованной землей для всех гонимых. <...> Они шли неумоимо, через таежные чащобы, через болота, озера, реки и горы. Они искали сказочное “Беловодье”, где “господь бог щедрою рукою рассыпал всякого добра на поживу человека”.* Им выпало на долю освоить бескрайние богатые пустыни Сибири» [Зазубрин, 1992, с. 186].

Давно подмечено (и Заzubрин тоже это осознает), что легенды о Беловодье создавались в самые мрачные периоды русской истории, а так как по степени жестокости революционная эпоха намного превзошла времена Ивана Грозного и Петра I, мечта о Беловодье вспыхнула тогда с новой силой. Е. Папкова выделяет целую группу произведений двадцатых годов, в основе которых лежал сюжет поиска Беловодья: «В 1925 году печатаются рассказ Вяч. Шишкова “Алые сугробы”, повести Вс. Иванова “Бегствующий остров”, А. Караваевой “Золотой клюв”. Ненапечатанной остается повесть М. Плотникова “Беловодье”. Два года спустя, в начале 1927 года, А. Платонов начинает работу над рассказом “Иван Жох”, а Вс. Иванов – над повестью “Тибель Железной”. В каждом из указанных произведений беловодская легенда представлена поразному. Все они имеют близкую проблематику. Ведущим является вопрос о “крестьянском царстве”» [Папкова, 2011, с. 137].

Примечательнее всего, что герои Заzubрина не только ищут Беловодье, но и находят его. На Алтае. Беловодье у каждого свое.

Кулак Поликарп Петрович Агапов объясняет свое переселение из Тамбовской губернии на Алтай: *«Собрались <...> и махнули сюда, на молочные реки, на кисельные берега. <...> Человеку тут все дадено, как в раю, – земля, вода, лес, зверь и дикари, идолам поклоняющиеся»* [Зазубрин, 1992, с. 264, 268].

Коммунист Безуглый на собрании партячейки рассказывает *«о людях, которые поколение за поколением искали “Беловодье” для всего человечества. Он сказал, что оно найдено. Горы препятствий – позади. Он утверждал, что люди могут быть счастливы, если на новой земле станут жить по-новому»* [Зазубрин, 1992, с. 236].

Основные события романа разворачиваются в селе Белые Ключи. Это символическое название тоже отсылает к легенде о Беловодье. Сказочная страна изобилия и свободы расположена здесь, правда, люди со своими пороками и преступлениями сумели превратить ее в настоящий ад. Поселенье обречено на проклятье, ведь его история начинается с преступления. Грехопадению Магафора и Милодоры, которые *«как Адам и Ева»* трудились у истоков Белых Ключей [Зазубрин, 1992, с. 231], предшествует не вкушение плодов с древа познания, а убийство: Магафор убивает Киприяна и мужа Милодоры Евлантия.

Авторский ключ к прочтению романа содержится в названии «Горы» и эпиграфе: *«...им же (горам. – А.К.) высота яко до небесе и в горах тех клич и говор; и секут гору хотящие просеища»* [Зазубрин, 1992, с. 137]. Писатель вспоминает старинное сказание об Александре Македонском, который заключил когда-то в неприступных горах «сынов Иафетовых». Считается, что выход этих «нечистых людей» из заточения совпадет с днем Страшного суда. В «Откровении Мефодия Патарского» говорится: *«В последняя же дни по пророчеству Езекиину глаголящу: в последняя дни на скончание мира излезеть Гог и Магог на землю Израильскую иже суть цари язычестии, яже закова Александр об ону страну севера... яже вогнав аки в ограду Александр и заключи о них врата»*. Нечистота сынов Иафетовых, в изложении Мефодия Патарского, сводится исключительно к пищевым перверсиям: *«...едяху бо всяк живот, жюпеличию тварь, гнусное и скверньное, комары и мухи, котки, змия <...>; мертвецъ же не погребяху, но едяху»* (цит. по: [Повесть временных лет, 1950, с. 458]).

Зазубрин пищевыми перверсиями щедро наделяет врагов советской власти и на этом основании именно они могут считаться «нечистыми». Кулаки в романе – кровопийцы, причем не метафорические, а настоящие. В сцене срезки пантов они действительно буквально

упиваются кровью (маралов): *«Кровь пили все: Моревы, Мамонтов, Чащегоров, Бухтеев и Пахтин. Пестимея и Лепестинья Филимоновна вымазали себе щеки. Мужики окровавили бороды»* [Зазубрин, 1992, с. 298]. Косвенно всплывает у Зазубрина и мотив каннибализма. Безуглый в одном из эпизодов непонятно почему вдруг вспоминает Филиппо Цаппи: *«Он увидел Рим, как большой костер в ночном небе. Над ним торчала черная рубаша Муссолини. “Фашизм спасет мир”. Из-за спины диктатора выглядывала рожа Цаппи. Труп Мальмгрена был распростерт на льду, как красный крест. Ничего у них нет. Их путь – от человека к зверю»* [Зазубрин, 1992, с. 206]. Ф. Цаппи – участник полярной экспедиции У. Нобиле 1928 года, штурман дирижабля «Италия». Его сомнительная слава связана со слухами о том, что он выжил после катастрофы, съев Мальмгрена, тело которого так и не было найдено. Эта версия событий высказывалась в ряде газет того времени.

В последних боях гражданской войны красный командир Иван Безуглый, подобно герою древности, запер в Кобанде, в *«небольшой долине за высокими стенами хребтов»* [Зазубрин, 1992, с. 150], остатки отряда капитана Огородова. Зазубрин использовал в романе ряд фактов из биографии А.П. Кайгородова, возглавлявшего на Алтае в начале двадцатых годов партизанскую войну против большевиков. И фамилия героя – это лишь слегка подправленная фамилия местного лидера белого движения. Но правка эта принципиальна. Семантика имени белогвардейского капитана в контексте основного мифа «Гор» (и как станет очевидно из дальнейшего) связана, конечно, не с ‘огородом’, а с ‘оградой’. Подвиг Безуглого оказывается, однако, напрасным, да и сам он, в ином контексте, вскоре выступит уже не в качестве победителя «нечистых», а в качестве их воплощения. Как очень верно подметил В. Яранцев, «двойственность – двоимирие, двойничество, двоемыслие – стало чертой его (Зазубрина. – А.К.) характера и творчества» [Яранцев, 2011, с. 195].

Белые Ключи отгорожены от большого мира стеной гор: *«Долину обступали со всех сторон горы – Чупрачиха, Шебнюха, Воструха и Оградная. На вершине Оградной острые черные камни стояли плотным частоколом. <...> Безуглый подумал, что кержаки недаром так ее назвали. Она действительно надежной оградой отделяла их от всего мира»* [Зазубрин, 1992, с. 171]. Англичане-концессионеры, прокладывая тракт, взрывают гору. *«На нас <...> буржуи работают. Большевикам дорожки расчищают»,* – комментирует взрыв Безуглый [Зазубрин, 1992, с. 209]. Мифологический код позволяет интерпретировать уничтожение Оградной как шаг к символическому высвобождению скованных ранее

сил хаоса. Уже сами большевики могут теперь ассоциироваться с «нечистыми», тем более что популярность такого рода символики была запрограммирована еще «Мистерией-буфф» (1918) Маяковского, где главные герои «семь пар нечистых». В этом варианте прочтения текста с Александром Македонским сопоставлен русский царь, который в Сибири «сковал столько людей» [Зазубрин, 1992, с. 229], а большевик Иван Безуглый с «хотящими просещися». Таким, в частности, предстает он в бредовом видении его брата Федора: «Он видел, что Иван взбирался на горы. Горы колебались, росли. <...> Иван долбил громадной кайлой. Камни сыпались огненными кусками» [Зазубрин, 1992, с. 152].

«Сибирский мудрец» Семен Калистратович Бидарев на собрании по поводу создания в Белых Ключах колхоза цитирует Книгу пророка Исаии: «Сказано в писании: "...Ибо будет последние дни явлена гора господня и дом божий наверху горы, и возвысится превыше холмов, и придут к ней народы. И пойдут народы многи и рекут: приидите и взыдем на гору господню... И раскуют мечи свои на орала и копя свои на серпы, и не возьмет народ на народ меча, и не будет научиться воевать..."» [Зазубрин, 1992, с. 240]. Заzubрин на той же странице романа религиозный смысл образа пытается трансформировать в политический миф. Безуглый вспоминает Сталина на трибуне XV съезда партии: «Он (Сталин. – А.К.) видел, как в обвалах войн и революций, точно в первозданном хаосе, шли горнообразовательные процессы, и возникали материки нового мира» [Зазубрин, 1992, с. 240]. Впоследствии Безуглый уточнит, что гора господня, которая превыше всех холмов, – это коммуна: «Коммуны росли вулканическими островами в океане единоличных хозяйств. Коммунист подумал, что они – первые куски суши, которая скоро поднимется высочайшими горами» [Зазубрин, 1992, с. 284].

И все же последнее слово в романе остается за врагами советской власти. Фис Канатич во время «валтасарова пира» кулаков довольно точно пересказывает тангутское предание из книги Г.Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [Потанин, 1893, с. 315], немного исказив имена богинь: Жаму и Гму вместо Ане-гома-джаму и Нчжигму.

«Фис Канатич тонким и медовым своим голоском рассказывал индусскую легенду о сотворении земли. Хозяин и гости внимательно смотрели ему в рот.

– И вот, значит, граждане, довелось мне услышать от этого самого знаменитого ученого, от Григория Ивановича Потанина, одну умственную и справедливую сказку. Он своей рукой списал ее в книгу в

Индийском царстве. Сказывают эти индеи, что в одно распрекрасное время богиня Жаму позвала к себе богиню Гму, дала ей подол земли и наказала сотворить из нее нашу землю, животных и людей. Землю, говорит, изладь ровной, гладкой, чтобы не было на ней гор. Людей всех сделай равными, ни богатых, ни бедных чтобы не было. Иди, кидай из подола землю и приговаривай: “Где горам быть, чтобы не было гор. Кому богатоу быть, не быть богатым. Кому бедному быть, не быть бедным”. <...> И вот возрадовалась богиня Гму, что ей такое великое дело препоручено, да на радостях все приговоры-наговоры перепутала. Идет, из подола землю кидает и говорит: “Где горам быть, будьте горы. Кому богатоу быть, будьте богатыми, кому бедными быть, будьте бедны”.

Фис Канатич засмеялся первым, за ним захохотали все. Всем сказка пришлась по душе.

– Гму эта самая и сделала нашу землю с горами, а людей неравных, богатых и бедных.

Андрон Агатимович сказал, поглаживая бороду:

– Согласен с тобой, Фис Канатич, ответственность в сказке большая. По ровному месту и вода не бежит. Гор бы не было, реки не текли бы. Все будут равны, работать никому не захочется.

Все согласились с хозяином» [Зазубрин, 1992, с. 302].

Перед нами почти аллегория. Безуглый и другие коммунисты собирались, как богиня Жаму, сделать людей равными, но подобно богине Гму все перепутали и посеяли лишь раздор и неравенство. «Высочайшие горы коммун», о которых мечтает Безуглый, – наглядное тому подтверждение. «Горнообразовательные процессы», инициированные демиургом нового мира Сталиным, сближают его с богиней Гму, но никак не с Жаму.

У романа «Горь» кольцевая композиция. В первой главе Безуглый видит на берегу Оби баб «со вздувшимися животами и с ребятами на руках». Авторский комментарий к эпизоду выводит его на уровень обобщения: «Земля была плодородна» [Зазубрин, 1992, с. 138]. В алтайской части романа, напротив, настойчиво звучит мотив истощения природы. Анчи, когда-то показавший отряду Безуглого переход на Кобанду через ледяные хребты, не может не видеть, что «обнищал отец Алтай» [Зазубрин, 1992, с. 175]. Тональность финала и вовсе противоположна началу романа. Жена Безуглова делает аборт, причем неудачный. Тяжко искалечен его сын. «Анна, кажется, тянет последние дни. Никита может отправиться за ней» [Зазубрин, 1992, с. 322], –

подводит неутешительные итоги герой. Светлая утопия обернулась эсхатологией.

В заключительной сцене романа кулак Андрон Морев вынужден бежать из Белых Ключей. Безулов «запирает» его в горах, как когда-то во времена гражданской войны последний отряд белых. История вступает в очередной цикл, но новый каждый виток приближает мир к его окончательной гибели.

Великая Отечественная война, с ее массовым перемещением населения из европейской части страны за Урал, эвакуация фабрик, заводов, учреждений культуры, заставила обратить внимание и на те регионы, которые в свете политического мифа тридцатых годов были не слишком значимы. Показателен рост количества упоминаний Барнаула и Алтая в литературе военной эпохи и первых послевоенных лет: у М. Зощенко, Б. Полевого, В. Некрасова, Ф. Панферова и др. Постепенно Алтай обретает свое место в культурном пространстве страны, став еще одним топонимом-символом. Нетронутость Алтая в индустриальных тридцатых воспринималась скорее как недостаток. В военном мире, превращенном стараниями человека в хаос, чистота алтайской природы притягивает многих.

В предисловии к своему первому собранию сочинений И. Ефремов назвал себя «сибирским геологом». Еще до начала своей писательской карьеры он изъездил в многочисленных геологических и палеонтологических экспедициях Сибирь, Среднюю Азию, Монголию. Запас научных и просто житейских наблюдений и впечатлений, который Ефремов накопил в странствиях 1930–1940-х годов, определил очень много в его художественно-философском творчестве.

Осмысление Ефремовым сибирского и алтайского локусов специфично. Расположены они «на краю Ойкумены», но при этом, как это ни парадоксально, оказываются центральными в общей картине мира.

Тема Алтая возникает уже в одном из первых рассказов писателя – «Озеро горных духов» (1944). Произведение это можно с уверенностью отнести к числу программных, ведь в нем ставится принципиальный для Ефремова вопрос: как соотносятся научный и художественный типы познания? Знакомство с картиной «Озеро Горных Духов» и ее автором – алтайским художником Чоросовым (Г.И. Гуркиным) – помогает герою-рассказчику сделать важное геологическое открытие: найти крупнейшее месторождение ртути. *«Красные огни в скалах, сине-зеленые столбы, светящиеся облака»*, принятые Чоросовым за горных духов, оказались всего лишь парами ртути. Тем не менее, заключительная фраза рассказа утверждает правоту художника: *«А я – я навсегда сохранил признательную*

память о правдивом художнике, бесстрашном искателе души гор, чьи тонкие и верные наблюдения открыли богатства Озера Горных Духов, – о художнике Чоросове» [Ефремов, 1944, с. 126].

Знаменательно, что В. Бианки в рассказе «Она», написанном в том же году, что и «Озеро Горных Духов», тоже сталкивает два способа познания мира – научный и интуитивный, но решает этот конфликт гораздо последовательнее Ефремова, который все-таки постарался соединить мистику Алтая с наукой. Герой Бианки вначале, легкомысленно относящий все непонятное к суевериям, на своем опыте убедился в ограниченности научного рационализма. «Рассказ молодого ученого» завершает восклицанием: *«Но она-то, она – простая девушка-ойротка – заранее знала то, чего не мог предугадать даже мудрый, как термометр, гидролог-метеоролог! Она предчувствовала взрыв стихии всем своим телом и – сама стихия – вслушивалась в злоеющую тишину и понимала ее. Как хотите, но такие люди приводят меня в восхищение»* [Бианки, 1994, с. 129].

Хотя рассказы Ефремова и Бианки писались в 1940-х годах, повествуется в них об Алтае довоенном. Непосредственно к событиям Отечественной войны обращен рассказ К. Паустовского «Правая рука» (1944), героя которого пулеметчика Тихона Рябцева после тяжелейшего ранения эвакуируют на Алтай.

Писатель заставляет Тихона увидеть весь цикл жизни алтайской природы: лето – осень – зима – весна. Паустовскому важен контраст между обостренно трагическим мироощущением искалеченного войной героя и удивительной гармонией Алтая. Тихон, например, с ненавистью смотрит на весенние горы: *«Они цвели до самых вершин полевыми цветами, и даже старухи по деревьям, глядя на горы, что-то шамкали про райские места, про благорастворение воздуха. А для Тихона не было сейчас во всем мире мест более угрюмых, нагоняющих тоску, чем эти благословенные горы»* [Паустовский, 1958, с. 26]. Завершается рассказ бегством героя из «райских мест». Он отправляется на поиски приемного сына, испанского мальчика Мигуэля, бросив напоследок ироническое: *«Прощайте, сибирские горы!»* [Паустовский, 1958, с. 27].

Совершенно очевидно, что автор не разделяет позицию героя по отношению к Алтаю. Паустовский не зря поселил своего героя близ Белокурихи. Подобно сказочной живой воде целебная вода знаменитого курорта излечивает его и духовно (дав надежду, новый

смысл жизни), и даже телесно. «Правая рука» – это ведь, разумеется, не ампутированная конечность, а обретенный здесь сын. Чудо воскресенья Тихона могло состояться только в таком поистине необыкновенном месте.

Литература

- Бианки В. Задумчивые рассказы. СПб., 1994.
- Ефремов И. Озеро Горных Духов // Ефремов И. Встреча над Тускаророй. М.–Л., 1944.
- Зазубрин В.Я. Горы // Зазубрин В.Я. Бледная правда. Художественная проза, публицистика. М., 1992.
- Катаев В. Время, вперед! Хроника. М., 1984.
- Низовой П. В горах Алтая. М.–Л., 1927.
- Новикова М. Большая жизнь // А.С. Новиков-Прибой в воспоминаниях современников. М., 1980.
- Папкина Е. «Беловодье» Михаила Плотникова : русская литература первой трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4.
- Паустовский К.Г. Правая рука // Паустовский К.Г. Собрание сочинений : в 6-ти тт. М., 1958. Т. 5.
- Повесть временных лет. Часть вторая. М.–Л., 1950.
- Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральной Монголии. СПб., 1893. Т. 2.
- Яранцев В. Зазубрин. Главы из книги // Сибирские огни. 2010. №№ 5, 6.
- Яранцев В. Последняя ночь Зазубрина // Москва. 2011. № 7.

ПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ В.М. ШУКШИНА

Д.В. Марьин

Ключевые слова: филология, литературоведение, русская литература XX века, публицистика, жизнь и творчество В.М. Шукшина.

Keywords: philology, literary criticism, Russian literature of the XX century, publicism, life and creation work of V.M. Shukshin.

Первое опубликованное произведение писателя – это начало его творческой карьеры. Поэтому совершенно очевидно, что описание и анализ дебютных текстов того или иного литератора помогает адекватно представить процесс и вектор его творческой эволюции. Во многих случаях первые печатные работы выдающихся литературных

деятелей остаются в тени их зрелых произведений, и до определенного времени игнорируются исследователями жизни и творчества писателя. Известны случаи, когда сам автор, недовольный художественным уровнем своего дебютного произведения, либо умалчивает о нем впоследствии, либо даже уничтожает его (вспомним судьбу гоголевского «Ганса Кюхельгартена!»). Все указанные выше обстоятельства способны значительно затруднить изучение первых опубликованных произведений писателя, а сама проблема претендует на место одной из важнейших в текстологии и литературоведении.

В отношении литературного творчества известного русского писателя В.М. Шукшина поиск первого опубликованного произведения писателя весьма непрост, так как много неточностей содержится даже в автобиографиях писателя, не говоря о том, что сам Шукшин окружил свою жизнь легендами и мифами, многие из которых продолжают существовать и после смерти кинорежиссера и писателя. В частности, в автобиографии 1963 года Шукшин указал: «*С 1960 года печатаюсь в журналах и газетах как прозаик*» [Шукшин, 2009, с. 306]. Но ведь достоверно известно, что первый рассказ В.М. Шукшина («Двое на телеге») был опубликован еще в 1958 году в журнале «Смена» (№ 15)!

В 2009 году к 80-летнему юбилею В.М. Шукшина группой ученых филологического факультета Алтайского государственного университета было подготовлено к печати восьмитомное, самое полное на сегодняшний день, собрание сочинений писателя. В восьмом томе этого издания [Шукшин, 2009], редактором-составителем которого является автор данной статьи, представлены публицистика, эпистолярный (всего 136 писем), автобиографии и личные документы Шукшина, а также его рабочие записи и автографы, что впервые позволило практически в полном объеме познакомить читателей с внелитературным творчеством В.М. Шукшина. «Без восьмитомника теперь уже невозможно представить работу хоть сколько-нибудь серьезного исследователя жизни и творчества Шукшина...» [Беляков, 2011, с. 438] – подобная оценка известного литературного критика С.С. Белякова не выглядит преувеличением. Материалы, содержащиеся в восьмом томе Собрания сочинений (многие из них опубликованы впервые), позволили провести комплексный филологический анализ эпистолярия Шукшина, его первых опытов в публицистике, приступить к исследованию автобиографий и автографов алтайского писателя (см., например: [Марьин, 2012]). Здесь же впервые читатель

смог познакомиться и с *первыми печатными работами* В.М. Шукшина.

Первая известная шукшиноведам опубликованная работа алтайского писателя – «Учиться никогда не поздно» - статья в Сростинской районной газете «Боевой клич» от 11 октября 1953 года [Шукшин, 1953а]. Итак, Шукшин-публицист проявил себя в печатном слове гораздо раньше, чем Шукшин-беллетрист. При этом стремление Шукшина высказаться по актуальным вопросам было явно не спонтанным, а внутренне осозанным и подготовленным активной жизненной позицией вчерашнего матроса и будущего писателя, актера и режиссера. М.М. Ельчанинова, в 50-е годы заведующая отделом пропаганды и агитации Сростинского райкома партии, вспоминает, как однажды (очевидно в апреле 1953 года) В.М. Шукшин обратился к ней с просьбой: «Мария Михайловна, Вы разрешите мне выступить где-нибудь с беседой или докладом о Дне радио (7 мая – *Ред.*)? Вот мои записи». Посмотрела, они мне понравились. <...> Я и говорю ему: «Давай, Вася, выступи в Доме культуры». <...> Выступил. Потом снова приходит: «Вы можете мне поручить небольшую аудиторию, чтобы я проводил беседы по текущим вопросам?» Конечно, я с радостью согласилась» [Гришаев, 1994, с. 108]. Публикация в местной газете стала дальнейшим, вполне предсказуемым шагом. К этому времени В.М. Шукшин уже вступил в комсомол (11 апреля 1953 года), начал работу в качестве учителя Сростинской школы сельской молодежи, а с 17 октября 1953 года стал исполнять обязанности директора школы. 11 ноября 1953 года – единогласно избран секретарем учительской комсомольской организации при Сростинской средней школе. Эту должность В.М. Шукшин исполнял вплоть до своего отъезда в Москву для поступления во ВГИК в июле 1954 года. За время работы секретарем комсомольской организации В.М. Шукшин избирался делегатом на районную комсомольскую конференцию, в рамках агитационно-массовой работы выступал с лекциями перед сельской молодежью.

Вскоре за первой статьей последовала и другая – «Больше внимания учащимся вечерних школ» [Шукшин, 1953б]. К сожалению, за редким исключением (см.: [Гришаев, 1994, с. 106–107], [Коробов, 1984, с. 27–28] и [Овчинникова, 2001, с. 20–21]) первые публицистические опыты В.М. Шукшина не попадали в фокус внимания исследователей жизни и творчества алтайского писателя, и, во всяком случае, до сих пор не получили детального анализа.

Обе статьи имеют много общего: нарочитая назидательность, митинговый, пропагандистский стиль, констатация, в общем-то, банальных, но идеологически верных положений, обилие готовых лексических и фразеологических штампов, обычных для советских СМИ («*сознательность трудящихся масс*», «*царской России*», «*полного торжества коммунизма в СССР*», «*задача коммунистического воспитания*», «*рабочим классом и колхозным крестьянством*» и т.п.). Здесь очевидно сказался опыт выступления автора на комсомольских собраниях, участие в агитационных мероприятиях, что не могло не отразиться на стилистике статей. Особенно явно указанные черты присутствуют в статье «Учиться никогда не поздно», что практически обезличивает ее, лишает авторской индивидуальности. Видно, как в своем первом появлении перед читателями (пусть и малотиражной, но газеты, которую читают соседи, односельчане – то есть люди, хорошо знавшие автора) будущий писатель еще невольно или боится, или стесняется своего слова, а потому предпочитает «спрятаться» за обезличенными, но зато бесспорными идеями и готовыми, «проверенными», не могущими вызвать ни у кого сомнения штампами. Таким образом, в обеих статьях, в целом, отсутствует одно из главных свойств языка зрелой публицистики Шукшина – непринужденность акта коммуникации, понимаемая как естественная речь, лишенная напряжения, неловкости [Творчество В.М. Шукшина..., 2004, с. 193].

Вместе с тем первые публицистические работы В.М. Шукшина содержат и ряд языковых черт, характерных для публицистики писателя в целом. В статье «Больше внимания учащимся вечерних школ», несмотря на сохраняющуюся «робость» автора, видны уже хорошо знакомые нам по зрелым работам шукшинские юмор и ирония как средства создания экспрессии: «*Так на вопрос: «Почему Вы не учитесь?» товарищи Соколова Р., Дегтярева М. и другие из колхоза «Путь к коммунизму», тяжело вздохнув, отвечают: «Да куда уж нам...». Причем этим «старушкам» по 25 лет*», или: «*Некоторые комсомольцы, записавшись в школу, решили, что они выполнили свой долг, что теперь можно со спокойной душой проходить мимо школы... на танцы*» [Шукшин, 1953б]. Учитывая, что в обеих статьях критика автора направлена на определенные социальные явления и, отчасти, на конкретных лиц, то можно говорить о фельетонном характере первых публицистических работ В.М. Шукшина. Здесь уже явно прослеживается преемственность с творческой работой Шукшина при поступлении во ВГИК – «Киты, или о том, как мы приобщались к

искусству» (1954), где фельетонные черты выражены еще ярче. Впрочем, *комическое* станет не переменным атрибутом и зрелой публицистики писателя. В статье «Как я понимаю рассказ» для иллюстрации собственного видения композиционного строения рассказа Шукшин введет вымышленный комический эпизод со старушкой, которая «за углом брякнулась на мостовой». В «Вопросы самому себе» юмористически обыгрывается как «хороший, серьезный фильм пришел в деревню и нашел там своего зрителя, предположим, Сидорова». И даже в статье «Признание в любви» («Слово о «малой родине»), где писатель, по сути, отвечает на серьезные упреки земляков, В.М. Шукшин не удержался от комических моментов, показав «тетю-пассажирку», ночью заходящую в купе автора в поисках свободного места, а затем еще и пригласившую свою «товарку» и т.д.

В статье «Учиться никогда не поздно» в качестве приема организации экспрессии Шукшин использует *повтор*. Главная идея, которую автор хочет донести до сознания читателя повторяется в тексте трижды: в заглавии статьи «Учиться никогда не поздно», в трансформированном виде в реплике «молодежи и взрослых» – «Мне поздно учиться» и в предложении «Учиться никогда не поздно – мысль не новая, но столь верная, что ее необходимо высказать еще раз» [Шукшин, 1953а]. При этом две последние фразы образуют *антитезу* (поздно учиться – учиться никогда не поздно), еще один из характерных для публицистики В.М. Шукшина прием создания экспрессии.

Другой языковой особенностью зрелой шукшинской публицистики, проявившейся уже в ранних статьях, является *диалогичность* повествования. Диалогичность – конститутивная особенность текстов В.М. Шукшина [Творчество В.М. Шукшина..., 2004, с. 196], в особенности публицистических. В них всегда присутствует оппонент – реальный (например, «товарищи Соколова Р., Дегтярева М. и другие из колхоза “Путь к коммунизму”» [Шукшин, 1953б], критики Л. Крячко и В. Орлов в статье «Не дело режиссеру “толмачить” свой фильм», грузчик консервного завода в статье «Я тоже прошел этот путь», школьник-подросток в «Завидуя тебе» и т.д.) или собирательный (см. в статье «Учиться никогда не поздно»: «Однако довольно часто, причем, без оснований можно слышать от молодежи и взрослых возражения: “Мне уже поздно учиться”», позже это – «молодые ученые» из Обнинска в статье «Монолог на лестнице», «земляки» в «Признание в любви» и др.). В

некоторых статьях автор сам формулирует и вводит в текст вопросы, на которые он должен ответить («Монолог на лестнице»). Более того, заглавия некоторых статей представляют по форме вопрос, ответ на который содержится в тексте статьи («Как привлечь мастеров?», «Как нам лучше сделать дело», «Как я понимаю рассказ»). В.М. Шукшин в каждом произведении настроен на диалог, на дискуссию, сознательно драматизирует повествование. Нередко в качестве приема, диалогизирующего монолог выступает *риторический вопрос* [Творчество В.М. Шукшина..., 2004, с. 197]. В статье «Больше внимания учащимся вечерних школ» риторический вопрос (*«Но чем объяснить равнодушие руководителей, которые не очень-то заботятся о повышении общеобразовательного уровня трудящихся, зная о том, что ближайшие годы поставят их перед лицом еще более сложных задач?»*) предваряет диалог с двадцатипятилетними «старушками» (см. выше).

Уже в первых статьях В.М. Шукшин обращается к проблемам, которые он не раз поднимет в своей зрелой публицистике: проблемы образования и культуры, тесно связанные между собой в творчестве писателя. Проблема *культуры* наиболее явно поставлена Шукшиным в статьях «Вопрос самому себе», «Монолог на лестнице» «Я тоже прошел этот путь», «Мода...», отчасти «Завидую тебе» и «Признание в любви», в беседах «Слушая сердце земли», «Судьбу выстраивает книга» и др. Одним из важнейших показателей культуры для писателя является *образование*. Уже в первых своих статьях В.М. Шукшин настойчиво утверждает незыблемую для него самую истину: культурный уровень человека напрямую зависит от его уровня образования. *«Повышение своего общеобразовательного и культурного уровня – это то, что мы называем гражданским долгом перед Родиной»* [Шукшин, 1953a]. Еще весной 1953 года в письме к Н.М. Зиновьевой демобилизованный матрос Шукшин выдает свое заветное желание: *«сделаю все, что могу сделать с тем, чтобы много учиться. Если не в институте, то, наверное, в техникуме»* [Всероссийский мемориальный...]. Эта вечная тяга к знаниям – не просто жизненный принцип писателя, это – объективное требование времени: *«Необходимость серьезных и глубоких знаний диктует сама жизнь»* [Шукшин, 1953a] (ср. с репликой Шукшина из беседы 1973 года: *«Теперь надо кончать академии и всерьез кончать»* [Шукшин, 1973]). Образование формирует судьбу человека. *«А этот балбес... смотрит в книгу, а видит, конечно... все, что угодно, только не формулу. Улица на уме! Хватишься потом! Близко локоть, да не*

укусишь. Куда она уйдет от тебя, эта улица?! Никуда не уйдет! Будешь потом лес ворочать... без образования-то» [Шукшин, 1979].

Но роль знания, образования в понимании В.М. Шукшина, конечно, не ограничивается распределением людей на социальной лестнице. Именно образование помогает отличить истинную культуру от культуры ложной, суррогатной. Противопоставление истинной и ложной культур для писателя отнюдь не связано с оппозицией деревни и города, в чем неоднократно обвиняли Шукшина критики. Для алтайского писателя не существует культуры городской и культуры сельской. Есть культура истинная, присущая интеллигенту, и есть культура мещанская, присущая «производителю культурного суррогата», автору «ковров-книг», «ковров-фильмов», «ковров-лекций», «ковров-концертов» («Вопрос самому себе»). И если город, с его значительной прослойкой интеллигенции, может отличить истину от суррогата, то деревня отдана на откуп мещанину... Потому-то так необходимо «сельскому жителю» стремиться к образованию, к повышению своего культурного уровня. Потому-то так настойчив в своем требовании к сельской молодежи учиться молодой педагог, а позже и директор, Сростинской вечерней школы, потому так горячо вызывает он к совместной работе в деле обучения к руководителям «предприятий, колхозов и совхозов», к местным комсомольским организациям.

Возможно, что сотрудничество В.М. Шукшина с газетой «Боевой клич» было более продуктивным, нежели публикация известных нам на сегодня двух статей. Редактор газеты М.Г. Гапов (1923–1989) вспоминал: «Его (то есть В.М. Шукшина. – *Ред.*) материалы были наиболее грамотно в литературном отношении построены. Править его почти не приходилось. Если все же надо было, согласовывали с ним, он не обижался.

Часто заходил он на огонек в редакцию. И обязательно приносил материал. Скромно говорил: «Может быть, найдете местечко и поставите мою заметку». Давали мы ему задания, он выполнял их аккуратно.

Увлекался он больше фельетонами, которые подписывал псевдофамилией – *Ванька Мазаев* (NB! – *М.Д.*). Отличался беспощадностью к недостаткам. Иногда замахивался даже на работников райкома партии» [Гришаев, 1994, с. 82].

Однако просмотр подшивки газеты «Боевой клич» за 1953–1954 годы показал, что указанным именем («*Ванька Мазаев*») никто материалы не подписывал. Встречается подпись «И. Мазаев», но она

принадлежала реальному лицу. Мазаев Иван Григорьевич (1929– ?) – друг детства В.М. Шукшина, в 1953 году – заведующий Сростинской избой-читальней, позже – секретарь Сростинской территориальной комсомольской организации. Именно И.Г. Мазаев дал рекомендацию (одну из двух) В.М. Шукшину при принятии его в члены ВЛКСМ 13 апреля 1953 года [Государственный архив...]. Более того, первая публикация И.Г. Мазаева в газете «Боевой клич» зафиксирована 21 августа 1952 года, то есть когда В.М. Шукшин еще проходил срочную службу в ВМФ, а последняя датирована 25 ноября 1954 года – в это время Шукшин уже находился в Москве, будучи студентом ВГИК. Кроме того, из 12 публикаций Мазаева только 2 – фельетоны, что явно противоречит фразе М.Г. Гапова «увлекался он (то есть В.М. Шукшин. – М.Д.) больше фельетонами». Итак, версия о том, что Шукшин мог печатать свои статьи под именем И. Мазаева – маловероятна. М.Г. Гапов здесь явно ошибся.

Но одна заметка вполне могла быть написана В.М. Шукшиным. Опубликована она в номере газеты «Боевой клич» от 14 марта 1954 года (с. 1), подписана: «М. Кукулина» (среди сотрудников газеты была некто *И. Кукулина*, «специализировавшаяся» на экономических и производственных вопросах). Мария Сергеевна Кукулина (1909–1979) – мать В.М. Шукшина. Сравнение текста заметки с известными текстами, принадлежавшими М.С. Кукулиной (например, ее письмами) свидетельствует о том, что заметка не могла быть написана матерью писателя. Ввиду небольшого объема приводим текст статьи полностью:

Концерт для избирателей

Недавно силами учащихся Сростинской средней школы был дан концерт для избирателей с. Сросток. В программу концерта входила пьеса «Капитан в отставке».

Зрители с захватывающим интересом следили за развитием действия пьесы, глубоко переживали удачу и неудачу действующих лиц, совершенно забыв о том, что на сцене всего лишь только школьники, а не профессионалы-артисты.

С интересом были прослушаны вокальные выступления исполнителей-школьников. Благодаря хорошей организации концерт прошел увлекательно и интересно.

Хочется пожелать драматическому коллективу школы и его руководителю тов. Чекушкину Степану Мартыновичу дальнейших творческих удач.

Среди других доводов, позволяющих предположить авторство В.М. Шукшина, следует назвать еще два. Во-первых, тема творчества, искусства всегда привлекала писателя. Во-вторых, В.М. Шукшин, как мы уже указывали, в это время работал учителем Сростинской школы сельской молодежи, одновременно исполняя обязанности директора школы, а также являлся секретарем школьной комсомольской учительской организации. Возможно, он посчитал некорректным ставить свое имя под заметкой с благодарным отзывом о выступлении творческого коллектива учреждения, в котором он сам работал.

Таким образом, вопрос о сотрудничестве В.М. Шукшина с газетой «Боевой клич» остается открытым. Возможно, существуют ранние произведения В.М. Шукшина, еще не известные исследователям его жизни и творчества. Выявление таких произведений – одна из ближайших задач шукшиноведения.

Литература

- Беляков С.С. Барнаульский Шукшин : многое впервые // Вопросы литературы. 2011. № 5.
- Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина (ВММЗВШ). ОФ. 9830.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 86. Л. 52.
- Гришаев В.Ф. Шукшин. Сростки. Пикет. Барнаул, 1994.
- Коробов В.И. Василий Шукшин. М., 1984.
- Марьин Д.В. Письма, автобиографии и автографы В.М. Шукшина. Барнаул, 2012.
- Овчинникова О.С. Прорыв в будущее. О публицистике В.М. Шукшина // Шукшинские чтения. Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Сростки, 2001.
- Он похож на свою родину : земляки о Шукшине. Барнаул, 1989.
- Творчество В.М. Шукшина : Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2004. Т. 1.
- Шукшин В. Учиться никогда не поздно // Боевой клич. 1953. 11 октября.
- Шукшин В. Больше внимания учащимся вечерних школ // Боевой клич. 1953. 10 декабря.
- Шукшин В.М. Судьбу выстраивает книга // Комсомольская правда. 1973. 27 апреля.
- Шукшин В.М. Вот моя деревня // Комсомольская правда. 1979. 17 июня.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 8-ми тт. Барнаул, 2009. Т. 8.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ФИЛОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ НАУКИ : НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете)

19 декабря 2012 года в Алтайском государственном университете (далее: АлтГУ) состоялось первое заседание постоянно действующего методологического семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Семинар был организован кафедрой современного русского языка и речевой коммуникации АлтГУ и научно-образовательным центром филологических исследований коммуникации (далее: НОЦ), созданным АлтГУ и Институтом филологии СО РАН.

Необходимость встреч вузовских и академических филологов в формате постоянно действующего семинара и профессионального разговора о взаимодействии филологии и коммуникативных наук определяется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, развивающейся в методологии гуманитарного знания тенденцией к мультипарадигмальности и междисциплинарности, активно проявляющейся в отношениях филологии и коммуникативных наук, что требует обнаружения, фиксации и осмысления новой реальности в гуманитарном знании, разработки методологии и методики исследования этой новой реальности. Во-вторых, принципиально новой ситуацией в высшем профессиональном образовании – осознанием в среде гуманитариев, работающих в российской высшей школе, процессов складывания коммуникативного образования. В этом отношении большое значение имеют Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (далее: ФГОС) по направлению подготовки «Филология», которыми (и только ими!) в число объектов профессиональной деятельности выпускника введена коммуникация. Тем самым выдвигается проблема поиска методологии и разработки концепции создания модели высшего профессионального образования в области коммуникативных наук, в русле, например, научно-образовательной парадигмы филологии и высшего филологического образования [Чувакин, 2012a].

В заседании семинара приняли участие профессора и преподаватели, докторанты и аспиранты, магистранты и студенты филологического факультета

АлтГУ и – заочно – научные сотрудники Института филологии СО РАН и Евразийского национального университета (Астана).

Заседание открыла заведующий кафедрой современного русского языка и речевой коммуникации доц. Н.В. Панченко. Участникам семинара был предложен доклад научного руководителя НОЦ д-ра филол. наук проф. А.А. Чувакина (АлтГУ). После доклада состоялась оживленная дискуссия.

Главная проблема, которая была выдвинута для обсуждения и вокруг которой развернулась дискуссия, – коммуникация «глазами» филолога как объект исследования и образовательной деятельности.

Постановка этой проблемы вызвана тем, что филология и коммуникативные науки на современном этапе своего взаимодействия имеют широкое общее пространство. Его основой, как подчеркнуто в [Чувакин, 2011], выступает фундаментальная значимость для обеих наук человека как объекта исследования. Усмотрение в этом объекте *homo communicans vs homo loquens* позволяет найти центральную фигуру коммуникации при рассмотрении ее «глазами» филолога. Соответственно естественный язык в его взаимодействии с языками иной природы видится как язык коммуникации, а текст – как сообщение. Таковы направления трансформации объектов современной филологии в объекты филологической теории коммуникации¹, что позволяет признать следующее: главный интерес филологической теории коммуникации сосредоточен на коммуникативной деятельности человека посредством текста на естественном языке; важнейшими категориями филологического исследования коммуникации являются категории коммуникативно-речевой деятельности и коммуникативной ситуации; описание коммуникации «глазами» филолога может быть осуществлено в категориях диалогичности как принципа организации коммуникации, интерпретативности как основы коммуникации, креолизованности как принципа формы сообщения, эвокативности как базового механизма коммуникации и нек. др.²

Далее: в отечественной высшей школе идут процессы становления коммуникативного образования, давно завоевавшего прочные позиции в университетах США и Европы. Решение этой задачи на данном этапе, при отсутствии в системе направлений и специальностей высшего профессионального образования отдельного направления (отдельной специальности), как мы полагаем [Чувакин, 2012a], возможно в русле направления «Филология». Дело в том, что именно в филологических науках человек изучается в его всесторонних характеристиках и связях. Таковы характеристики и связи формально-демографические и этнографические, социальные, социально-психологические, психологические, семиотические и герменевтические, культурно-антропологические, философско-мировоззренческие, когнитивные и коммуникативные, ситуационно-поведенческие и мн. др. Без их учета центральная проблема филологии –

¹ Более подробно см. в [Чувакин, 2011], [Чувакин, 2012б].

² Эти категории будут рассмотрены в последующих публикациях автора.

проблема понимания (С.С. Аверинцев) – оказывается несостоятельной. То же знание о человеке необходимо и при его изучении в процессах коммуникативной деятельности – собственной, общества, государства. Другие же гуманитарные науки рассматривают лишь «подведомственные» им характеристики и связи человека (ср. психологию, социологию и др.). Становление направления высшего профессионального образования фактически невозможно и без опыта подготовки в данной области, и без методолого-теоретической разработки предметной области; и, наоборот: разработка и развитие той или иной научной сферы всегда стимулируется процессом подготовки кадров.

Филологи, работающие в АлтГУ, накопили богатый опыт общей и профессиональной коммуникативной подготовки бакалавров филологии и филолого-коммуникативной подготовки магистров филологии, включая опыт решения едва ли не самой сложной задачи – обучения методам исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста [Чернышова, 2012], разработки магистерских программ («Риторика и речеведение», «Теория и практика речевой коммуникации», «Теория и практика перевода» и др.) и программ учебных дисциплин коммуникативного спектра, учебных пособий. Тем самым создана база для дальнейшей интеграции научного и образовательного процессов с целью коммуникативной подготовки обучающихся в бакалавриате и магистратуре по направлению «Филология», для создания отдельного направления подготовки в области коммуникативных наук.

Одна из главных практических задач, выдвигаемая описываемой ситуацией, – обеспечение студентов и магистрантов соответствующей учебной литературой. В связи с этим на семинаре обсуждалась идея создания учебного пособия для студентов магистратуры, обучающихся по программам прямой (непосредственной) коммуникативной направленности, например: «Теория и практика речевой коммуникации», «Теория и практика перевода», «Риторика и речеведение» и под. Это пособие будет посвящено рассмотрению взаимодействия филологии и коммуникативных наук. Его возможное название – «Филология и коммуникативные науки». Жанр пособия – хрестоматия.

Почему именно хрестоматия?

В условиях действия ФГОС (ориентация на компетентностную модель, снижение в магистратуре числа лекций до 20% от общего объема аудиторных занятий, увеличение числа практических занятий, в том числе в активных и интерактивных формах, повышение роли самостоятельной работы студента, модульно-рейтинговая система и др.) хрестоматия представляет собой наиболее «мобильный», «многоцелевой» вариант учебного пособия – в сравнении, например, с учебником, «традиционным» учебным пособием.

Именно хрестоматия позволяет обеспечить студентов разноаспектными материалами – теоретической и прикладной направленности, отечественными и зарубежными, на русском языке и на языке оригинала, общероссийскими и региональными.

Какие задачи в связи с этим возникают перед составителями хрестоматии? Назову важнейшие.

Это – осуществить отбор материала, который представит наиболее сложные и актуальные вопросы филологического исследования коммуникации; продемонстрирует борьбу мнений по этим вопросам; познакомит с взглядами различных направлений и школ.

Теоретический материал может охватывать период преимущественно от Бахтина до нашего времени, прикладной – преимущественно рубеж XX – начала XXI веков. В каждом разделе (см. ниже) должны содержаться оригинальные иноязычные тексты, материалы региональной коммуникации.

Структура книги будет состоять из следующих разделов:

Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней.

Человек в коммуникации.

Язык в коммуникации.

Текст в коммуникации.

Методы филологического исследования коммуникации.

Структура раздела: наименование; вступительный очерк (объем – 5–6 с.), в котором кратко представлена проблема, дана характеристика места авторов и приводимых в хрестоматии фрагментов их работ в системе знания и практической деятельности; извлечения из текстов (всего в разделе могут содержаться извлечения из 7–10 текстов (объем одного текста – 2–5 с.), вопросы и задания, перечень дополнительной литературы (в среднем 5–6 наименований).

Общий объем раздела – в среднем 50 с.

Итак, проектируемое учебное пособие, как кажется, будет отвечать современным требованиям, предъявляемым к учебной книге для магистратуры: оно будет ориентировать студента на самостоятельную работу по предмету. Студент сможет выработать базовые компетенции, необходимые для разных видов теоретической и прикладной деятельности.

Литература

Чернышова Т.В. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии // Филология и человек. 2012. № 4.

Чувакин А.А. Коммуникативное образование и коммуникативная безопасность // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012а.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья первая // Филология и человек. 2011. № 4.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья вторая // Филология и человек. 2012б. № 4.

А.А. Чувакин

**ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СТИЛИСТИКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА : МЕДИАТЕКСТ В
СТИЛИСТИЧЕСКОМ, РИТОРИЧЕСКОМ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ»
(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–22 ноября 2012 г.).**

Актуальным проблемам медиастилистики – нового направления функциональной стилистики, изучающей закономерности функционирования языка в сфере массовой коммуникации в зависимости от содержания, целеустановок и ситуации общения, была посвящена Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в стилистическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах», проходившая 21–22 ноября 2012 года на факультете журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Организатором конференции выступила кафедра стилистики русского языка факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова во главе с ее заведующим, доктором филол. наук, профессором Г.Я. Солгаником.

Интерес к проблемам развивающегося лингвистического направления привлек внимание ведущих ученых-лингвистов, занимающихся проблемами современного медиатекста, из различных городов России (Барнаул, Белгород, Великий Новгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Нижний Новгород, Омск, Орел, Первоуральск, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Стерлитамак, Тверь, Томск, Челябинск, Якутск), ближнего и дальнего зарубежья (Австрия, Белоруссия, Болгария, Казахстан, Молдова, Польша, Украина, Эстония).

Научно-образовательную географию конференции составили филологические кафедры ведущих вузов России, развивающих различные аспекты медиастилистики: МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, РГПУ им. А.И. Герцена, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Волгоградский государственный университет, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Воронежский государственный университет, Алтайский государственный университет и многие др. вузы.

Выступая на открытии конференции, декан факультета журналистики профессор Е.Л. Варганова отметила важность приоритетного направления московской школы стилистики, возглавляемой профессором Г.Я. Солгаником, и выразила надежду на то, что развитие отечественной медиастилистики на базе университета станет хорошей площадкой для консолидации научных идей в этой новой отрасли научного знания.

С приветственным словом к участникам конференции обратился президент факультета журналистики профессор Я.Н. Засурский,

подчеркнувший важность сохранения современными исследователями языка СМИ традиций, которые заложили основатели русской школы стилистики, замечательные ученые К.И. Былинский, Д.Э. Розенталь, В.П. Вомперский, В.И. Толстой, С.В. Светлана-Толстая и др.

В ходе конференции прошли три пленарных и шесть секционных заседаний, на которых было заслушано около 60-ти докладов и сообщений по актуальным проблемам развития современной отечественной медиастилистики.

Так, на первом пленарном заседании внимание докладчиков было уделено особенностям эволюции речи в текстах массовой коммуникации (проф. Г.Я. Солганик), стилистическому своеобразие фразеологии (проф. А.Н. Баранов и проф. Д.О. Добровольский), иностилевым, внелитературным средствам современного газетного текста (проф. К.А. Рогова), а также средствам интимизации и доверительности в современной газете (проф. М.Н. Кормилицина), оценочному (проф. В.И. Карасик) и вербально-визуальному аспектам медиакоммуникации (проф. В.И. Коньков). Второе пленарное заседание было посвящено различным аспектам изучения медиакоммуникации: социолингвистическому (проф. И.П. Лысакова), когнитивному (проф. В.И. Иванченков), идентификационно-смысловому (проф. Е.Н. Зарецкая), стилистическому (проф. Т.В. Шмелева), интертекстуальному (проф. М.Ю. Казак), этностилистическому (проф. Т.В. Ларина), дискурсивному (проф. В.Б. Кашкин, проф. М.Р. Желтухина), информационному (проф. Н.Н. Панченко). Доклады выступающих на третьем пленарном заседании касались вопросов функционирования текстов разных типов медиадискурса – журналистского (проф. Н.А. Купина), рекламного (проф. И.В. Крюкова, Н.В. Данилевская), публичного (проф. Т.А. Воронцова, доцент Н.Ф. Кривова), а также проблем конфликтного взаимодействия медиатекста и социума (проф. Т.В. Кузнецова, проф. Т.В. Чернышова).

Темы, поднятые на пленарных заседаниях, активно обсуждались и на заседаниях шести секций, посвященных функционированию языка в современных СМИ, рассмотренного в аспекте таких актуальных направлений современной лингвистики, как функциональная и коммуникативная стилистика, дискурсивный анализ, риторический и лингвокультурологический анализ и др.

Участники конференции единодушно отметили продуктивность прошедшей встречи, наметившей пути и перспективы дальнейшего развития нового направления современной функциональной стилистики – медиастилистики, основы которой заложены в трудах известных отечественных лингвистов – Г.О. Винокура, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, Л.М. Майдановой, К.А. Роговой, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика и др.

Материалы конференции нашли отражение в коллективном труде «Вторая международная научная конференция “Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в стилистическом, риторическом и лингвокультурологическом

аспектах”», опубликованном перед началом конференции (М.: МедиаМир, 2012).

Новую конференцию намечено провести в 2014 году.

Представляется, что в русле данного научного события, свидетельствующего об активном развитии нового исследовательского направления в изучении отечественных СМИ, находится и открытие в Санкт-Петербурге сайта «Медиалингвистика – XXI век», главным редактором которого является доктор филологических наук, проф., зав. кафедрой журналистики СПбГУ Л.Р. Дускаева. Презентация сайта состоялась на факультете журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета 30 ноября 2012 года. Создатели веб-ресурса <http://rus.jf.spbu.ru/medialingvistika/> рассказали о тех возможностях, которые открывает проект, позволяя российским и зарубежным исследователям обмениваться информацией и также объединять усилия для решения общих научных задач.

Т.В. Чернышова.

ОБЗОРЫ

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ГОРНОГО АЛТАЯ : ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Перечитывая и переосмысливая литературу целого столетия, немногие литературоведы обращают внимание на развитие современной литературы народов России. Исключение составляют учебные пособия специалистов по русской литературе [Нефагина, 1998; Гордович, 2000; Минералов, 2002]. Тем не менее, в последнее десятилетие появился ряд научных статей, свидетельствующих о состоянии современного литературного процесса, о попытке обобщения тематики и проблематики произведений национальных писателей. Таковы, к примеру, статьи В.Л. Шибанова, В.Г. Пантелеевой о современной удмуртской литературе, А.Ф. Галимуллиной о татарской литературе, монографии А.Н. Мыреевой-Баишевой о якутской, Н.М. Киндиковой об алтайской литературе и т.д. [Шибанов, 2002; Пантелеева, 2002; Галимуллина, 2011; Мыреева-Баишева, 2010; Киндикова, 2010]. В них рассматриваются отдельные произведения или даются обзоры литературы целого региона. К сожалению, из-за отсутствия художественных переводов, многие литературоведы вынуждены писать свои статьи прежде всего на родном языке, и они оказываются недоступными другим исследователям. С одной стороны, это один из положительных показателей развития художественной литературы и науки о литературе в регионах. С другой стороны, как пишет А. Галимуллина, «создавая свои произведения на русском языке, одаренные поэты и прозаики вписываются не только в литературный процесс нашей республики, но и во всероссийский контекст. Этим определяется основная сложность в оценке их творчества, да и их самоопределения» [Галимуллина, 2011, с. 86]. Исследователи литературы рассматривают новинки литературы под углом определенной научной проблемы, что позволяет судить об основных тенденциях развития современного литературного процесса в целом. В центре внимания данной статьи – тематика и проблематика новейшей алтайской и русскоязычной литературы Горного Алтая.

В последнее десятилетие в литературе Горного Алтая стали заметны поэты (А. Самунов, К. Кергилов, В. Кертешев, А. Тадинов) и прозаики (С. Адлыков, В. Бахмутов, Р. Тодошев и др.), небезразличные к судьбе

человека и малой родины. В своих произведениях они поднимают «острые» вопросы: что происходит с человеком в сегодняшнем не всегда справедливом мире? Сохранится ли Алтай в первозданном виде?

Традиционно начинающие поэты воспевали природу Алтая. У Виктора Кертешева, к примеру, это не просто любование красотой земли, а осознание древности и вечности Алтая. Именно поэтому ряд произведений посвящен наскальным рисункам, каменным изваяниям, которые сегодня находятся под угрозой разрушения. Таковы, стихотворения «Калбак Таш» (название местности. – *Н.К.*), «Моя молитва» и др. В первом из названных стихотворений лирический герой обеспокоен судьбой памятников старины, оставшихся нам от предков. В лирическом герое противодействуют два чувства: гордость и разочарование, вызванное тем, что новое поколение не ценит древнее искусство предков. В то время как одни зарабатывают на этом деньги, другие пытаются спасти древние письмена. Автор заканчивает свое стихотворение публицистическими строками: *«Дух Калбак Таша, ты в беде! / Твои полотна могут согнуться под скалой / И не успеть узреть, понять, и так везде, / Где «закалчивают бабки» и «хрустят деньгой».* Это крик души современника. Поэт видит мир глазами постороннего человека, он испытывает боль из-за грехов своего поколения, которое «не знает толком родного языка» и не соблюдает обычаи и традиции предков (стихотворения «Как больно резануло слух», «Да, мы – уроды, юродивое племя», «Два гостя» и др.). Лирический герой обращается с *«молитвой к святым небесам, / К душам живым, и усопшим мощам: «Помоги в беде! Не оставьте в нужде / Алтай мой жемчужный и Катунь в бирюзе!»* (стихотворение «Моя молитва»), демонстрируя неравнодушное отношение к жизненному укладу своего народа.

В стихотворении «Нищий» контрастно представлены две картины. На рынке снуют торговцы и покупатели: одни – сытые, другие – голодные, одни – богатые, а другие – нищие, свои и чужие, хозяева и посторонние в одном ряду. Лирический герой обеспокоен судьбой нищего: *«А у ворот подслеповатый нищий / Шербато радуется утреннему солнцу, / Что прожит на морозе день вчерашний, / И, может, этот не приведет к концу».* В целом в произведениях В. Кертешева вырисовывается мир потерянного поколения, которое ищет себя, стараясь идти в ногу со временем (стихотворение «Река»).

В этом неустанном поиске поэт ведет диалог с самим собой (стихотворения «Шизофрения», «К сердцу»), с духом Алтая («Моя молитва»), обращается к современникам, друзьям и близким, рано ушедшим из жизни, («Одним мужчиной на свете меньше стало») и к тем, кто шагает рядом с ним («Друг мой, бедный иль богатый», «Друг», «Муза» и др.). Лирический герой испытывает одновременно чувства любви, дружбы и счастья в своей нелегкой судьбе.

Произведения В. Кертешева являются несомненной ценностью горно-алтайской литературы по ряду причин. Во-первых, в них заметны начитанность, эрудиция молодого автора. Не случайно он, отлично владея родным, алтайским языком, начал писать на русском. Во-вторых, его

произведения отличают своеобразное мышление и образное видение, а также необычный способ стихосложения. Можно встретить двусложный, трех- или четырехсложный, а нередко и вольный стих. В-третьих, автор выработал свой собственный слог, ритм, стиль. В-четвертых, четко определена тематика стихотворений.

Другой представитель поэтической плеяды горно-алтайцев – Анчи Самунов, автор трех поэтических сборников, поэт-профессионал, окончил Литературный институт им. А. Горького. Оказавшись в родной языковой среде, он оттачивает свой стих, соизмеря начальную и конечную рифмовку. Об этом свидетельствует его очередной сборник стихов, названный автором как «Наследство мудрого ойрота» (2006).

Произведениям А. Самунова свойственны прежде всего осознание исторического пути алтайского народа, глубокое знание его обычаев и традиций («Уч-Курбустан», «Сила древних камней», «Я – ойрот»). В его стихах четко прослеживается преемственность поколений («Мой дед», «Я – сын твой», «Моему народу»), а в нем самом легко уживаются история и современность.

Алексей Тадинов – автор трех поэтических сборников: «Монолог горного ветра» (2001), «Песнь синего волка» (2009) и «Танго падающей воды» (2010). Его имя часто упоминается в прессе, он известен в современной молодежной среде. Достаточно назвать полюбившиеся многим стихотворения «Песнь Синего Волка», «Пьяная женщина», «Притча про картошку, про Антошку и еще кое о чем немножко» в авторском исполнении и с музыкальным оформлением. Поэтически сильно, «надрывно» написано второе вышеназванное стихотворение. Поэт негодует, потому что женщину – «незнакомку», «мадонну», «невесту» – довели до такого отчаянного состояния. Реальность жизни, судьба этой пьяной женщины такова:

Муж в тайге из-под снега встанет...

Дочь счастливую долю найдет...

Сын, оставшийся в Афганистане,

Не во сне, наяву придет...

В заключение поэт открыто обращается к мужчинам: «Эй, начальники! / Политиканы! / Джентльмены и мужики! / Нашей силности грош в стакане, / Коль так женщину довели!».

В шуговой форме написаны стихотворения: «Дело было вечером», «Во что верим?» и др. Современная жизнь запечатлена в детских рассуждениях о «занятости своих родителей, о приобретенных ими «профессиях». Это печальная история нашего общества, картина ныне существующей действительности. Однако поэт видит в человеке веру в светлое начало, которое спасает его от всех бед и несчастий (стихотворения «Верю женщине моей», «Как ни было горестно» и др.). Лирический герой А. Тадинова «умоляет» современников «проснуться» (стихотворения «Пожар успокоит, быть может, дожди», «Люди, спасите меня!» и др.).

Личные переживания поэта запечатлены в стихотворениях «У могилы матери», «Отчий дом», «Художник» и др. В своем творчестве А. Тадинов часто обращается к образу отчего дома. По его утверждению, «*Человек без Родины – несчастен, / Дом без человека – мертвый дом*», поэтому «зарядившись на целый год, как аккумулятор», он возвращается к своему очагу. Таков суровый, в то же время нежный и тонкий поэтический мир А. Тадинова.

В алтайской поэзии раньше не существовало проблемы выбора языка. Все начинающие поэты писали на родном – алтайском языке. В последнее время ситуация меняется. Некоторые авторы пытаются вернуться к своим истокам (А. Самунов); другие пишут на не родном для них русском языке (А. Тадинов, В. Кертешев).

Проза В. Бахмутова интересна постановкой проблемных вопросов, ответы на которые заключены в самой жизни. Таковы, к примеру, рассказы «Я в твои годы», «Суицид», «Тушкен» и др., вошедшие в сборник рассказов под названием «Приметы времени» (2010). Их объединяют, прежде всего, герои подросткового возраста – пятнадцатилетние юноши, которые ищут свое место в жизни.

В рассказе «Я в твои годы» сюжетная линия на первый взгляд достаточно проста. Обычные родители в течение одной ночи ждут своего единственного ребенка. Они беспокоятся, так как он в первый раз самостоятельно вышел на улицу. Зовут его Диманчик, ему 15 лет. В сущности, ничего необычного не произошло, подросток всего лишь запаздывал с возвращением домой.

За это время его отец по имени Егор, ожидая сына, вспоминает свое детство, отрочество, юность. Сопоставляя детство Егора и Диманчика, отметим, что первый слушал «папины сказки», помогал бабушке носить дрова, погонять корову, подметал пол и т.д. У него были и братья, и сестры. Егор сам заработал себе деньги на велосипед. Диманчик же рос в достатке, в городских условиях, ему почти некуда было пойти. Автор пишет, что ребенок был «сытый и ухоженный». Наконец он впервые вышел в открытый, незнакомый ему мир и не возвращается. Тем временем родители всю ночь переживают о пропавшем сыне. Они обзвонили милицию, больницу, травмпункт, вытрезвитель. По воспоминаниям Егора, их сын занимался музыкой, классической борьбой, учился хорошо, отличался в городских олимпиадах по математике и химии. Под утро Диманчик возвращается домой пьяным. На вопрос, где он был, сын отвечает:

– *Пива с парнями выпили...*

– *Кто тебя уделал?*

– *Упал... и т.д.*

Диманчик вернулся без шапки и куртки, с затекшим глазом. Мать, естественно, обвиняет других, пытаясь защитить своего ребенка. Отец, сопоставляя свое детство с детством Диманчика, размышляет над собственными упущениями в воспитании сына. Рассказ заканчивается попыткой родителей отвести сына в больницу. Казалось бы, все завершилось благополучно. Но это только начало. Впереди Диманчика ждут новые

испытания. Стоило ли так беспокоиться родителям? Обычно родители стараются дать своему ребенку примерное воспитание; не случайно в рассказе больше сказано о Егоре, нежели о Диманчике. В действительности же дети вечно забывают о своих родителях. Им не нужна их постоянная опека. Они хотят быть самостоятельными.

В рассказе «Суицид» В. Бахмутова использован прием контраста. Композиционно рассказ начинается с конца действия: *«В середине большого автомобильного моста, свесив ноги в пустоту и вглядываясь в бурный поток с проносившимися льдинами, сидел мальчишка лет пятнадцати. Река заволакивала его, покоряла своей силой и мощью. Водители проезжающих по мосту машин за ограждением видеть мальчишку не могли, и никто не мешал ему вспоминать трудную и совсем еще короткую жизнь. Яркие вспышки фар выхватывали из темноты мостовые ограждения, контуры берегов, но все это было где-то там, в другом мире. А здесь на пешеходной дорожке – он и бурлящий поток внизу»*. Таким образом, финал рассказа достаточно предсказуем. Однако автор пытается показать причину трагического поступка героя. Пятнадцатилетний Максим, главный герой рассказа, растет сиротой при живых родителях. Отца мальчик вовсе не помнит, а мать *«прихватила с собой шестилетнюю дочь, ушла из дома год назад»*. Максим жил в деревне со своим вторым братом Петькой, поскольку старшего брата Николая осудили на десять лет за то, что тот кого-то *«пырнул ножом в пьяной драке»*. Тяжелая драма современной семьи. Двумя мазками художника автор рассказа четко передает всю сложившуюся обстановку, безвыходную ситуацию, трагедию подростка.

В школу братья не ходили, так как *«не было у них ни одежды приличной, ни учебников»*. Так Максим не закончил и третьего класса. Приведем размышления героя о своей трудной, беспросветной жизни: *«Почему у него все не так как у всех мальчишек в их деревне? ...Максиму хотелось быть таким как все: учиться, служить в армии, работать, иметь большой дом и семью, но он понимал, что все это ему недоступно – слишком отстал он своих сверстников. Его и в армию не возьмут с двумя-то классами образования»*.

По сравнению с героем рассказа «Я в твои годы» Максим был более самостоятельным подростком. Он ждал своего брата из тюрьмы, писал ему письма, не терял надежды на возвращение матери. Зимовал Максим в собственном приземистом домике один, весной вылавливал плывущие по реке бревна, распиливал их на чурки. Кормился картошкой из собственного огорода. Казалось бы, юноша не пропадет в этом большом мире. Однако судьба приготовила ему более жестокое наказание – его участок продается вместе с избушкой, поскольку у Максима нет никаких подтверждающих собственность документов. Вот как передает автор эту ситуацию. К нему подошли два мужчины и попросили освободить *«эту сараюшку»*, а продал им этот участок сам глава администрации. *«Деревня их стояла в живописном месте, да и домик Максима стоял на берегу реки, вдали от тракта»*.

«Что же делать теперь? – проговорил он (Максим – Н.К.) вслух, и, обхватив голову руками сел к столу. Мысли путались. Кому он нужен на этом

свете. Петька его бросил, отца в глаза не видел, мать, скорее всего, зашла и, может быть, погибла, что-то уж больно загадочно говорил про нее Глава администрации. Ее-то с маленьким ребенком он бы не напустился выгонять из дома». Автор ищет какие-то зацепки, чтобы удержать своего героя от трагической гибели.

Однако ему никто не поможет. В огромном мире он оказался одиноким, никому не нужным, «лишним», никчемным человеком. На утро после этой встречи, накормив своего пса, Максим освободил сарайчик и *«ушел в никуда»*. И лишь когда оказался на мосту, присел на край, свесив ноги в пустоту: *«На проходящие машины Максим внимания не обращал, там ездят сытые и довольные люди, что им какой-то мальчишка с его горестями»*.

В. Бахмутов сумел найти точные, емкие слова для выражения отчаяния пятнадцатилетнего юноши: *«Мысль оттолкнуться руками и полететь в бурный поток, выбраться из которого уже не удастся, пришла само собой»*. Максима подтолкнули к трагической гибели окружающие: посторонние, сытые, продажные люди. Возможно, в других обстоятельствах он бы выжил.

Нельзя не процитировать концовку рассказа, поскольку в ней заключена вся драма современной жизни, трагедия маленького человека: *«Страшно не было, нет. Было загадочно и суматошно...»*.

Данное произведение отражает тенденции современной жизни. Продается земля, на которой строится дом, исчезает бесследно человек. Раньше государство как-то помогало, защищало человека. Современный чиновник предпочитает отправить его в юридическую контору. Мол, выживай, как хочешь. Вызов времени. В этой безысходности человек обычно оказывается беззащитным. Рушатся семейные устои, традиции, родственные отношения между людьми, человек оказывается брошен на произвол судьбы в этом большом, не всегда справедливом мире. Таковы герои рассказов В. Бахмутова.

В прозе С. Адлыкова затронута проблема войны и мира в современном обществе. В литературоведении эта тема связана с «армейской литературой» [Зайцева, 2005, с. 107]. В рассказах «Реквием по невинным», «Белая кобра» С. Адлыкова описывается судьба призывников, по воле службы оказавшихся на чужбине – в Афганистане. Прежде всего, отметим необычный стиль автора, нетрадиционные способы подачи материала – сочетание крайней формы натурализма и художественного изображения действительности. Неслучайно подзаголовок рассказа «Реквием по невинным» назван автором «документальным». Здесь запечатлены реальные события, увиденные глазами писателя. Об этом свидетельствует тот факт, что С. Адлыков сам служил в Афганистане. Приведем некоторые отрывки из рассказа: *«Голову Канату «духи отрезали прямо на мосту. По всей видимости, они подошли со стороны заброшенных огромных глиняных печей для обжига кирпича, переишли через неглубокий ров, по дну которого медленно текла замусоренная вонючая вода арыка, и затаились в камышах, наблюдая за постом»*. *«Теперь стриженная голова Каната была водружена на железной, покрытый ржавчиной столб,*

поддерживающий колючую проволоку. Полуприкрытые узкие глаза смотрели на мир отстраненно и безучастно». Жуткая, суровая картина армейского мира. А далее пояснения автора: «Убитый на посту Канат Кайсенов был вторым погибшим в нашем батальоне за последние сутки». Первого звали Игорем. Тела их лежали рядом. «Один, окончивший два курса Саратовского университета, эрудит и остроумник, а второй, с трудом досидевший в интернате до восьмого класса, и всю жизнь проведший с отцом в горах, молчун и еле-еле говоривший по-русски – говорили друг другу их измученные, истерзанные души? Разделенные тысячами километров, они встретились здесь, в чужой стране и теперь лежат рядом. Они будут всегда вместе. Скоро в Саратове обезумевшая мать Игоря будет бросаться на его могилу, а в Киргизской степи седой старик будет читать Коран над телом сына». Эти строки не требуют комментария.

После публикации данный рассказ сразу же был переведен на алтайский язык известным прозаиком Д. Каинчиным, в свою очередь написавшим рассказ «Чеченец». Благодаря этому книга «Белая кобра» (2005) С. Адлыкова имела на Алтае широкий читательский резонанс.

Таким образом, в современной алтайской и русскоязычной литературе Горного Алтая четко прослеживаются основные тенденции развития лирики и прозы региона. Новые авторы продолжают художественные традиции своих предшественников на качественно новом уровне развития.

Литература

Галимуллина А.Ф. Творчество молодых : проблемы и перспективы // Проблемы филологии народов Поволжья. М.-Ярославль. 2011. Вып. 5.

Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 2000.

Зайцева Т.И. Осмысление современной удмуртской литературы как системы // Г.Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья. Ижевск, 2005.

Киндикова Н.М. Алтайская литература : проблемы и суждения. Горно-Алтайск, 2008.

Киндикова Н.М. Статьи об алтайской литературе. Горно-Алтайск, 2010.

Минералов Ю.И. История русской литературы : 90-е годы. М., 2002.

Мыреева-Баишева А.Н. Литература и время. Якутск, 2010.

Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х–начала 90-х годов XX века. Минск, 1998.

Пантелеева В.Г. Художественный билингвизм в удмуртской литературе // Движение эпохи, движение литературы. Ижевск, 2002.

Шибанов В.Л. Современность и этнофутуризм // Движение эпохи, движение литературы. Ижевск, 2002.

Н.М. Киндикова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Т.В. Швецова. Эстетическое воплощение Гамлета в художественном сознании И.С. Тургенева. Анализ творческой эволюции И.С. Тургенева помогает проследить формирование авторского представления о типе гамлетизированного героя. Вызревание религиозно-этической позиции писателя и контекст общих русских литературно-критических исканий объясняют причины недоверия к такому герою, его несостоятельности, за которыми стоит его главный изъян – дефицит веры.

T.V. Shvetsova. The aesthetic embodiment of Hamlet in the I.S. Turgenev's art confession. The analysis of creative evolution of I.S. Turgenev helps to track the formation of author's idea about the type of a hero who is alike Gamlet. Ripening of the writer's religious and moral position and the general Russian literary-critical searches' context explain the reasons of mistrust to such a hero, his inconsistency because of his main defect which is deficiency of belief.

Е.Ю. Сафронова. Нравственно-психологические аспекты криминальных мотивов в повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Статья посвящена анализу криминальной проблематики повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка». Мурин и Ордын, традиционно рассматриваемые исследователями как явные антиподы, оказываются скрытыми двойниками. Этим фактом обусловлены симметрия криминальных сцен в повести, композиционная зеркальность преступлений, тождество мотивов героев-преступников.

E.Yu. Safronova. Moral and psychological aspects of the criminal motives in the story «Mistress» by F. M. Dostoevsky. The article is devoted to the analysis of a criminal problematic of the story «Mistress» by F.M. Dostoevsky. Murin and Ordynov traditionally considered by researchers as obvious antipodes appear as latent doubles. This fact causes the parallelism and symmetry of criminal episodes, the identity of motives of heroes-criminals.

Л.Н. Сарбаш. «Инонациональное» в русской литературе XIX века: чувашаи в творчестве Н.С. Лескова и Н.Г. Гарина-Михайловского. В статье рассмотрена проблема изображения русского и чувашского национальных миров в русской литературе XIX века на примере изучения творчества Н.С. Лескова и Н.Г. Гарина-Михайловского.

L.N. Sarbash. «Non-indigenous» in the Russian literature of the XIXth century: the Chuvash in the works by N.S. Leskov and N.G. Garin-Mikhailovsky. The article deals with the problem of the image the Russian and Chuvash national worlds in the Russian literature of the XIXth century by the example of the study of works by N.S. Leskov and N.G. Garin-Mikhailovsky.

Т.П. Шастина. Горный Алтай : литературное вхождение территории в состав имперских пространств. В статье описывается процесс создания образа Горного Алтая в русской литературе с начала XIX века до 1860-х годов. Автор приходит к выводу, что до формирования областнической идеологии и окончательного закрепления за территорией статуса имперского пространства в литературе Алтай позиционируется как русские горы, «дикое» пространство, в котором обитают экзотические народы. В основе этой точки зрения был образ А.С. Хомякова «Дик и страшен верх Алтая».

T.P. Shastina. Gorny Altai : literary occurrences of the territory into the imperial space composition. The process of creating an image of Gorny Altai in the Russian literature from the early XIXth century until the 1860s is describing in this article. The author comes to the conclusion that before the adoption of the ideology of Siberian separatism and the final fixation at the territory the status of an imperial space in the literature Altai was positioned as Russian mountains, a «wild» space which was inhabited by exotic peoples. The basis for this view was the image by the A.S. Khomyakov's «Dik i strashen verkh Altaya» («Wild and terrible is Altai's top»).

Л.П. Колоколова. Функционально-когнитивный словарь – новый тип идеографического словаря. Функционально-когнитивный словарь русского языка – активный словарь нового типа. Лексика языка описывается в нем с опорой на речевую деятельность и типы знаний, которые носитель языка использует в речевой коммуникации. В словаре дается систематизация лексики, раскрывающей основные аспекты языковой картины мира. В качестве

основного объекта рассматривается функционально-когнитивная сфера, представляющая собой принципиально новый тип организации лексики и передающая различные типы отношений в процессе речевой коммуникации.

L.P. Kolokolova. The functional-cognitive dictionary of the Russian language is an active dictionary of the new type. The language lexicon is described in it based on the speech activity and types of knowledge a native speaker uses in the speech communication. In the dictionary there is the lexicon systematization revealing the basic aspects of the linguistic view of the world. The functional-cognitive sphere representing a brand new type of the vocabulary organization and rendering various types of relations in the course of speech communication is considered to be the main research object.

А.В. Уланов. Прагмалингвистическое описание русского военного дискурса (на материале документов XIX века). Статья посвящена русскому военному дискурсу и его реализации в языковой культуре XIX века. Особое внимание уделяется источникам военного подъязыка: дается характеристика их жанрового и прагмастилистического своеобразия. Обращение к эмпирической базе исследования позволяет структурировать языковые особенности документов-источников русского военного дискурса. Выводы, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что стилистика документов обусловлена их прагматической стороной: выбор языковых средств связан с задачей составителя текста и преобладанием цели информирования / воздействия / волеизъявления.

A.V. Ulanov. Pragmalinguistic description of the Russian military discourse on the basis of the documents of the XIXth century.

The article is devoted to the Russian military discourse and its realization in language culture of the XIXth century. Special attention is paid to the sources of military language: the author describes the characteristic of genre and its pragmastylistic originality. The empirical basement of research provides the possibility of structuring of Russian military discourse peculiarities. The conclusions made in the article show that the stylistic of sources is caused by the pragmatic side of the documents: the choice of language means is connected with the task of the text's author and the prevalence of the purpose of information, influence or will-power.

Л.А. Инютина. Лексическое выражение представлений о пространстве в текстах сибирских летописей XVII–XVIII веков. Статья посвящена проблеме концептуализации пространства русским языком в Западной Сибири XVII–XVIII веков. Определены особенности лексической репрезентации периферийной семантической парадигмы, формирующей семантическое поле пространства, реконструируемое на материале текстов Сибирских летописей (Есиповская летопись). Выяснены место и роль имен собственных в экспликации семантических парадигм, формирующих семантическое поле.

L.A. Inyutina. The lexical representation of space concepts in Siberian chronicle texts of the XVII–XVIII centuries. The article studies the conceptualization of space in the Russian language in Western Siberia of the XVII–XVIIIth centuries. The semantic field of space reconstructed on the base of Siberian chronicle texts (namely the text of the Esipov chronicle) is examined as a fragment of the spatial picture of the world. Specific features of the lexical representation of peripheral semantic paradigm are defined. The importance of proper names for expression of the semantic field is come to light.

Т.Г. Варченко. Закономерности обновления фонда крылатых единиц немецкого языка во второй половине XX–начале XXI веков. В работе описаны возможные причины стандартизации образования и употребления крылатых выражений немецкого языка последних десятилетий, ориентированных на массовую культуру и растиражированных средствами массовой информации, ориентированные на массовую культуру и средства массовой информации, с учетом кардинальных перемен, которые нашли свое языковое отражение в немецкой действительности.

T.G. Varchenko Regularities of renewal of German language catchwords fund in the second half of the XXth and at the beginning of the XXIst centuries. The article deals with possible reasons of standartization of German language catchwords, oriented on mass culture and spread by mass media with due regard for fundamental changes which have found their language reflection in German reality.

О.А. Плахова. Своеобразие инициальных формул английской народной сказки. В статье рассматривается роль зачинов в создании хронологической неопределенности. Наиболее неустойчивым является топический параметр, поскольку в текстах наблюдается тенденция к регулярной локализации рассказчиком сказочных событий.

Ослабление временного параметра носит более градуированный характер и достигается посредством различных языковых средств.

O.A. Plakhova. Specificity of initial formulae in English folk tale.

The paper studies the role of initial formulae in creating chronotopical uncertainty. Topical parameter seems to be the most unstable due to the storyteller's explicit tendency towards regular localization of folk tale events. The weakening of chronological parameter has a more gradual character which is achieved by a wide range of language means.

C.C. Барсукова. Языковая экспликация эмпирической картины мира как фактор презумпции.

В статье рассматривается процесс формирования картины мира в сознании познающего объективный мир субъекта и взаимосвязь такого сознания с языком как инструментом вербализации представлений, составляющих ту или иную картину мира. Также в статье показана обусловленность выстраиваемых субъектом предположений относительно будущего положения вещей (в рамках как объективной действительности, так и художественного произведения) стереотипами, постулируемыми тем или иным способом видения мира. Упоминается возможность разрушения такого рода стереотипов в случае воздействия на познающего субъекта эффекта обманутого ожидания (при вмешательстве в прогнозируемый ход событий элементов малой вероятности или при нарушении когерентности какого-либо текста). Факторы, нарушающие связность текста, представлены лексико-грамматическими элементами малой вероятности и неожиданным поворотом событий художественного текста.

S.S. Barsukova. The Empirical World View and its Verbal Explication as a Factor of Presumption.

The article reviews the process of forming a world view in an individual's conscience that reflects the reality and the correlation between this conscience and the language which performs as an instrument of verbalization of the ideas that constitute this or that world view. The article also manifests the fact that the presumptions that an individual builds concerning the future state of affairs (either in the reality or in a fiction's canvas) are predetermined by some stereotypes which are the postulates of this or that way of viewing the objective reality. However, there exists a possibility that these stereotypes might be ruined in case the defeated expectancy effect influences a cognizing individual (e.g. if the low-expected elements interfere with the projected course of events or a text's coherence is broken). The factors that are capable of breaking the

coherence of a text are presented by the lexico-grammatical elements of low expectancy and the unexpected turn of events in a fiction text.

Н.В. Чернова. Особенности эволюции когнитивной структуры значения слова в сознании детей дошкольного и младшего школьного возраста. Цель исследования заключалась в изучении особенностей формирования когнитивной структуры значения слова в сознании детей дошкольного и младшего школьного возраста. В ходе исследования был подготовлен и проведен эксперимент, результаты которого позволили выявить некоторые особенности языковой способности ребенка и обнаружить различия когнитивной структуры значения слова у детей разного возраста.

N.V. Chernova. Peculiarities of development of the word meaning's cognitive structure in the consciousness of preschoolers and primary school children. The project is aimed at identifying certain patterns of shaping a word-meaning cognitive structure in the consciousness of preschoolers and primary school children. These patterns can be best revealed through an experimental research. The findings of the experiment suggest that children belonging to different age groups rely on different association patterns which are discussed in the paper.

А.С. Ватутина. Поэтическая энтомология Д. Хармса и Н. Заболоцкого. В статье представлен сравнительный анализ и интерпретация энтомологических образов в творчестве писателей ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) в контексте социально-исторических, мифопоэтических и аксиологических комплексов.

A.S. Vatutina. Poetic entomology D. Harms and N. Zabolotsky. The article presents a comparative analysis and interpretation of entomological images in the creative work of writers of the Association of real art in the context of socio-historical, mythopoetic and axiological complexes.

Е.А. Куликова. «Шлем ужаса» В. Пелевина и пьеса Э. Ионеско «Носорог»: преемственность мотива превращения. В статье сопоставляются постмодернистское произведение В. Пелевина «Шлем ужаса» и абсурдистская пьеса французского драматурга Э. Ионеско «Носорог» на уровне системы персонажей, сюжета, а также идеологической концепции. Мотив противопоставления человека и животного, мотив абсурда, новаторский подход к жанровым канонам являются свидетельством сходства двух произведений.

E.A. Kulikova. «The helmet of horror» by V. Pelevin and the drama «Rhinceros» by E. Ionesco: the succession of transformation motive. This article is an attempt to compare postmodern text «The Helmet of horror» by Victor Pelevin with absurd drama «Rhinceros» by Eugene Ionesco, a French playwright. The study is conducted at the level of characters, the plot and the ideological concept. The motive of contrast between human and animal, the motive of absurd, the innovative approach to genre canons may confirm the similarity of both works.

М.А. Рябцева. Концептосфера английской лингвокультуры ‘усадьба’ в динамическом аспекте (на материале романов И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и А. Мердок «Дикая роза»). В данной статье автор обращается к заключительной стадии формирования концептосферы английской усадьбы в сознании носителей языка. Генезис лингвокультурной концептосферы английской усадьбы практически не исследован, что составляет новизну публикации. В качестве материала взяты тексты английской литературы XX века, принадлежащие значимым для этого периода авторам (И. Во и А. Мердок). В методологическом и содержательном планах работа находится на пересечении таких гуманитарных наук, как лингвокультурология, теория текста, когнитология, литературоведение. Автор имеет целью предложить новый, «динамический» ракурс рассмотрения лингвокультурной концептосферы, что позволяет расширить традиционное «полевое» представление о внутренней структуре концептосферы.

М.А. Ryabtseva. The conceptsphere ‘country house’ in the English lingvoculture in a dynamic aspect (on the material of the novels «Brideshead revisited» by E. Waugh and «An unofficial rose» by I. Murdock). In the article the author applies to the last phase of forming the ‘country house’ conceptsphere in English native speakers’ minds. The genesis of the lingvocultural conceptsphere of English ‘country house’ is practically missed in research, thus making certain novelty of the work to publish. Texts of the English literature of the XXth century belonging to the authors significant for this period (Evelyn Waugh and Iris Murdock) are taken as the material for investigation. Substantially and methodologically the work is at the point of intersection of the humanities such as lingvoculturology, theory of text, cognitive science, study of literature. The author’s aim is to suggest a new «dynamic» viewpoint for studying a lingvocultural conceptsphere and to expose a diachronic aspect in it, thus expanding the traditional ‘field’ idea of conceptsphere’s inner structure.

А.А. Шмаков. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации. В данной статье обращение рассматривается как компонент текста, бытующего в пространстве диалогических форматов интернет-коммуникации: форумов и блогов. Автор концентрирует свое внимание на выявлении коммуникативной сущности феномена обращения и показывает место и функции данного текстового компонента в структуре речекоммуникативного акта в интернет-среде.

A.A. Shmakov. Communicative nature of the form of address as a text component of dialogue forms of Internet communication. In this article form of address is considered as a component of the text that exists in the space of dialogue forms of Internet communication: message boards and blogs. The author focuses on the identification of the communicative nature of the phenomenon of the form of address and shows the location and functions of this text component in the structure of speech communicative act on the Internet.

Н.В. Вязигина. Гендерный фактор языкового сознания индивида (экспериментальное психолингвистическое исследование). В ходе исследования гендерной специфики языкового сознания нами была проведена серия экспериментов, направленных на изучение особенностей языкового сознания мужчин и женщин разных гендерных типов. В настоящей статье приведены результаты одного из этапов исследования, посвященного ассоциативному сознанию.

N.V. Vyazigina. Gender factor of language consciousness of an individual (experimental psycholinguistic research). During the research of gender specificity of language consciousness we have performed a series of experiments in order to study the features of language consciousness of men and women of different gender types. The results of one of the investigation phases devoted to associative consciousnesses are given in the article.

Т.М. Ковалева. Диегетические коммуникативные модели в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н.В. Гоголя. В статье описываются различные коммуникативные модели, развернутые в диегетическом мире повести Н.В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Закономерности их функционирования, являясь предметом эстетической рефлексии, дают возможность проблематизировать отношения между автором и читателем на метадискурсивном уровне.

T.M. Kovaleva. Diegesis communicative models in the story called «Ivan Fedorovich Sponka and his aunt» written by N. Gogol. This paper describes various communicative models that have been deployed in the diegesis world of Gogol's story called «Ivan Fedorovich Sponka and his aunt». Trends of their functioning are a subject of aesthetic reflection and make it possible to create problems between the author and the reader on the metadiscursive level.

И.А. Вороновская. Стилистически окрашенные варианты расположения частиц в художественных текстах современных писателей. На материале произведений четырех современных писателей (Б. Акунина, В. Пелевина, Л. Петрушевской и Л. Улицкой) анализируются особенности использования места частиц в качестве стилистического средства и выявляются индивидуальные авторские предпочтения в применении этого средства.

I.A. Voronovskaya. Stylistically colored versions of particles' placement in literary texts by contemporary writers. On the basis of the literary works of four contemporary writers (B. Akunin, V. Pelevin, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya), the author of the article has analyzed the peculiarities of the use of particles' placement as a stylistic means and revealed authors' personal preferences in how to use this means.

А.И. Куляпин. Образ Алтая в литературе 1920–1940-х годов. В алтайском тексте первого послереволюционного десятилетия доминирует тема гражданской войны. Революция изображается писателями двадцатых годов как стихия. Пафос литературы тридцатых годов – преодоление стихии и стихийности, что не могло не сказаться на решении образа Алтая в произведениях этого периода. Нетронутость алтайской природы, воспринимавшаяся в эпоху индустриализации скорее как недостаток, в культуре военных лет, напротив, поэтизируется.

A.I. Kulyapin. The image of Altai in the literature of 1920–1940's. In Altai text of the first post-revolutionary decade the dominant is the theme of the Civil War. Revolution is represented by writers of the twenties as the grass-roots. The pathos of literature of the thirties is overcoming the grass-roots and spontaneity that had an impact on the decision of the Altai image in the works of this period. The pristine nature of Altai perceived in the era of industrialization rather as a fault, in the wartime culture, however, is poeticized.

Д.В. Марьин. Первые опубликованные работы В.М. Шукшина. В данной статье автор обращается к описанию и анализу первых опубликованных работ известного русского писателя В.М. Шукшина. В центре внимания – две статьи Шукшина, опубликованные им в 1953 году в сельской районной газете «Боевой клич». Автор подробно анализирует историю создания данных статей, их язык и композиционные особенности, а также влияние на зрелое творчество В.М. Шукшина.

D.V. Maryin. The first published works of V.M. Shukshin. In this article the author refers to the description and analysis of the first published works by the famous Russian writer V.M. Shukshin. In the center of attention there are two articles by Shukshin, he published in 1953 in the rural local newspaper «Boyevoy klich» («Battle cry»). The author analyzes in detail the history of the articles, their language and compositional characteristics, and impact on the mature work of V.M. Shukshin.

НАШИ АВТОРЫ

БАРСУКОВА,
Светлана
Сергеевна

– аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: sveta_barsukova@yahoo.com

ВАРЧЕНКО,
Татьяна
Георгиевна

– кандидат филологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: vartg@mail.ru

ВАТУТИНА,
Анна
Сергеевна

– аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vatutinaas@mail.ru

ВОРОНОВСКАЯ,
Ирина
Андреевна

– аспирант Саратовского государственного университета.
E-mail: vorona_ira.87@mail.ru

ВЯЗИГИНА,
Надежда
Викторовна

– аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: vyazigina@lingva-expert.ru

ИНЮТИНА,
Людмила
Александровна

– кандидат филологических наук, доцент, докторант Новосибирского государственного университета.
E-mail: judina@yandex.ru

- КИНДИКОВА,**
Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: temene@mail.ru
- КОВАЛЕВА,**
Татьяна
Михайловна – аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: ifmip@nspu.net
- КОЛОКОЛОВА,**
Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишевой
E-mail: kollidia@rambler.ru
- КУЛИКОВА,**
Екатерина
Александровна – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: era_86@list.ru
- КУЛЯПИН,**
Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета
E-mail: iskander58@mail.ru.
- МАРЬИН,**
Дмитрий
Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета, докторант (Барнаул).
E-mail: marin@filo.asu.ru
- ПЛАХОВА,**
Ольга
Александровна – кандидат филологических наук, доцент Тольяттинского государственного университета.
E-mail: plahova_oa@mail.ru
- РЯБЦЕВА,**
Мария
Александровна – аспирант Кузбасской государственной педагогической академии (Новокузнецк).
E-mail: X-stichress@ya.ru

- САРБАШ,**
Людмила
Николаевна – кандидат филологических наук, доцент
Чувашского государственного университета
им. И.Н. Ульянова (Новочебоксарск).
E-mail: sarbash.lu@yandex.ru
- САФРОНОВА,**
Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: esafr@mail.ru
- УЛАНОВ,**
Андрей
Владимирович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой
гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Сибирского института бизнеса и
информационных технологий (Омск).
E-mail: prorektorsibit@rambler.ru
- ЧЕРНОВА,**
Наталья Викторовна – аспирант Московского городского
педагогического университета.
E-mail: natalka_87.08@mail.ru
- ЧЕРНЫШОВА,**
Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru
- ЧУВАКИН,**
Алексей Андреевич – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru
- ШАСТИНА,**
Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Горно-Алтайского
государственного университета
E-mail: tshliteratura@mail.ru
- ШВЕЦОВА,**
Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент
Гуманитарного института филиала ФГАОУ ВПО
С(А)ФУ им. М.В. Ломоносова (Северодвинск).
E-mail: litera@sfgpu.ru

**ШМАКОВ,
Артем Алексеевич**

– аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: art.schmakow@gmail.com

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 15.01.2013. Подписано в печать 18.01.2013. Формат 60?84/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 2.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2013

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василиенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.